

ISSN 2782-2966



**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SEMIOTIC STUDIES

Научный журнал

Том 4 • № 1 • 2024

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. SEMIOTIC STUDIES
SEMİOTİKESKİE İSSLEDOVANİJA. SEMİOTİK STUDIES

Том 4, № 1, 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Журнал включен ВАК РФ в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук с 31.05.2023 г. Журнал включен в библиографическую базу данных РИНЦ (НЭБ eLIBRARY.ru).

Печатное СМИ, журнал «Семиотические исследования. Semiotic studies» является периодическим научным изданием, освещающим вопросы общей семиотики и смежных дисциплин. Знак, знаковый процесс и его векторы, семантика, синтактика и прагматика как измерения семиозиса, материальное воплощение знака – это тематическое пространство публикуемых работ. Журнал ориентирован на междисциплинарный синтез теоретического и практического знания, осуществляемый в рамках философии, литературоведения и социологии.

Цель журнала – изучение, осуществление и популяризация семиотического подхода к исследованию реальности.

Задачи журнала – создание международного, междисциплинарного исследовательского пространства в терминах и моделях общей семиотики, актуализация классического наследия и апробация новых идей семиотической мысли, создание и применение семиотических схем анализа и интерпретации в философском, литературоведческом и социологическом знании.

Тематика журнала

5.7. Философия (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.7.1. Онтология и теория познания
- 5.7.6. Философия науки и техники
- 5.7.7. Социальная и политическая философия

5.9. Филология (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.3. Теория литературы

5.4. Социология (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7. Социология управления

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор

А.Ю. Нестеров, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

Л.Г. Тютелова, д-р филол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

Т.Ю. Децова, канд. пед. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1.
Тел. +7 (846) 3345406, **e-mail:** semiotic@ssau.ru
www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Издатель и учредитель: Самарский университет

Адрес издателя: 443086, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б, Центр периодических изданий Самарского университета.

СМИ зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер серии **ПИ № ФС77-79678** от 27.11.2020 г.

Издается с 2021 г. Выходит 4 раза в год.

Подписной индекс в Объединенном интернет-каталоге «Пресса России» 85744
ISSN 2782-2966

Корректурa – *И.В. Ахматова*
Компьютерная верстка, дизайн – *И.В. Ахматова*
Информация на английском языке – *В.Д. Шевченко,*
Л. Ахтамьянова

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+, Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

В оформлении обложки использованы художественные работы Карла Аймермахера.

Подписано в печать 10.04.2024.

Выход в свет 16.04.2024.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 15. Тираж 200 экз. (первый завод – 40 экз.). Заказ №

Отпечатано в типографии Самарского университета.

Адрес типографии: Самарский университет, 443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

© Самарский университет, 2024

Редакционная коллегия

К. Аймермахер, д-р филол. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

В.И. Аршинов, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

П.Н. Барышников, д-р филос. наук, доц. (Пятигорский государственный университет, Пятигорск, РФ)

Т.В. Бернюкевич, д-р филос. наук, проф. (Московский государственный строительный университет, Москва, РФ)

В.Ю. Бочаров, канд. социол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Н. Вербер, д-р филол. наук, проф. (Зигенский университет, Зиген, Германия)

М.Н. Вольф, д-р филос. наук, доц. (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, РФ)

Н.В. Головкин, д-р филос. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, РФ)

И.В. Дёмин, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Д.И. Дубровский, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

Т.Н. Иванова, д-р социол. наук, доц. (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, РФ)

В.Е. Лепский, д-р психол. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

М.Н. Липовецкий, д-р филол. наук, проф. (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)

В. Лопичич, д-р филол. наук, проф. (Нишский университет, Ниш, Сербия)

Н.П. Малютина, д-р филол. наук, проф. (Университет Белостока, Белосток, Польша)

А.И. Мантарова, д-р социол. наук, проф. (Институт философии и социологии Болгарской Академии наук, София, Болгария)

И. Пёрцген, д-р филол. наук, проф. (Бременский университет, Бремен, Германия)

П. Ристхаус, д-р филол. наук, проф. (Хагенский заочный университет, Хаген, Германия)

Н.Т. Рымарь, д-р филол. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

С.А. Судьин, д-р социол. наук, доц. (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, РФ)

С. Томашчикова, д-р филос. наук, доц. (Университет им. Павла Йозефа Шафарика, Кошице, Словакия)

И.А. Христов, д-р по социологии, проф. (Университет Паисия Хилендарского, Пловдив, Болгария)

Г. Шольц, д-р филос. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

Н.П. Щукина, д-р социол. наук, проф. (Самарский государственный медицинский университет, Самара, РФ)

Н.А. Ястреб, д-р филос. наук, доц. (Вологодский государственный университет, Вологда, РФ)



Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

ISSN 2782-2966



SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIIJA

SEMIOTIC STUDIES

Scientific journal

Vol. 4 • no. 1 • 2024

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. SEMIOTIC STUDIES
SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIJA. SEMIOTIC STUDIES
Vol. 4, no. 1, 2024

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation into the list of peer-reviewed scientific publications, where the main scientific results of theses for the Candidate of Sciences degree, for the Doctor of Sciences degree should be published starting 31.05.2023. The journal is included into the RSCI bibliographic database (eLIBRARY.ru Public Electronic Library).

The journal "Semiotic Studies" is a scientific periodical highlighting the issues of general semiotics and adjacent disciplines. The sign, sign process and its agenda, signification (semantics), syntactics and pragmatics as the measurements of semiosis, material realization of a sign – the research areas of the published papers. The journal is focused on the interdisciplinary synthesis of theoretical and practical knowledge implemented within the framework of philosophy, literature studies and sociology.

The aim of the journal is studying, implementing and promoting the semiotic approach to researching into the reality.

The objectives of the journal – developing the international, interdisciplinary research space in terms and models of general semiotics, maintaining the current state of the classical heritage and new ideas' testing of semiotic thought, developing and application of semiotic analysis and interpretation patterns in philosophical, literature and sociological knowledge.

Remit of the journal

5.7. Philosophy (Social sciences and humanities)

5.7.1. Ontology and theory of knowledge

5.7.6. Philosophy of science

5.7.7. Social and political philosophy

5.9. Philology (Social sciences and humanities)

5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.3. Literary theory

5.4. Sociology (Social sciences and humanities)

5.4.2. Economic sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7. Management sociology

All the articles undergo reviewing by the Antiplagiat program and double-blind peer-reviewing by the leading scientists in line with the remit and specialties of the journal.

Chief Editor

A.Yu. Nesterov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Deputy Chief Editor

L.G. Tyutelova, Dr. philol. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Executive Editor

T.Yu. Deptsova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Editorial office address:

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Samara region, Russian Federation.

Tel. +7 (846) 3345406, e-mail: semiotic@ssau.ru

www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Publisher and Founder: Samara National Research University

Address of Publisher: Center of Periodical Publications of Samara National Research University, room 312B(Б), building 22A, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

The mass media registration certificate **III No. ФС77-79678** of **27.11.2020**. The mass media organization was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

ISSN 2782-2966

The journal has been published since 2021, 4 times a year.
Subscription index in the United internet-catalog «Press of Russia» 85744
ISSN 2782-2966

Proofreading – *I.V. Akhmatova*
Computer layout, design – *I.V. Akhmatova*
Information in English – *V.D. Shevchenko*,
L. Akhtamyanova

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge. 0+, free price.

The Authors' articles do not necessarily reflect the views of the publisher.
The art works by Karl Eimermacher have been used while creating the cover design.

Passed for printing on 10.04.2024. **The publication** 16.04.2024. Format 60x84/8. Litho paper. Instant print. Print. sheet. 15. Circulation 200 copies (first printing – 40 copies). Order No.

Printed on the printing house of Samara University.
Printing house address: 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.
www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>
© Samara National Research University, 2024

Editorial board

K. Eimermacher, Dr. philol. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)
V.I. Arshinov, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
P.N. Baryshnikov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Pyati-gorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation)
T.V. Bernyukevich, Dr. phil. habil., Professor (Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation)
V.Yu. Bocharov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)
N. Werber, Dr. philol. habil., Professor (University of Siegen, Siegen, Germany)
M.N. Volf, Dr. phil. habil., Associate Professor (Institute for Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
N.V. Golovko, Dr. phil. habil., Associate Professor (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation)
I.V. Demin, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)
D.I. Dubrovsky, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T.N. Ivanova, Dr. soc. habil., Associate Professor (Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation)
V.E. Lepskiy, Dr. psych. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
M.N. Lipovetsky, Dr. philol. habil., Professor (Columbia University, New York, USA)
V. Lopichich, Dr. philol. habil., Professor (University of Nis, Nis, Serbia)
N.P. Maliutina, Dr. philol. habil., Professor (University of Białystok, Białystok, Poland)
A.I. Mantarova, Dr. soc. habil., Professor (Institute of Philosophy and Sociology at Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)
Y. Pörzgen, Dr. philol. habil., Professor (University of Bremen, Bremen, Germany)
P. Risthaus, Dr. philol. habil., Professor (Open University of Hagen, Hagen, Germany)
N.T. Rymar, Dr. philol. habil., Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)
S.A. Sudin, Dr. soc. habil., Associate Professor (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation)
S. Tomashchikova, Dr. phil. habil., Associate Professor (University named after Pavel Yosef Shafaric, Košice, Slovakia)
I.A. Hristov, Dr. soc. habil., Professor (Plovdiv University “Paisii Hilendarski”, Plovdiv, Bulgaria)
G. Scholtz, Dr. phil. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)
N.P. Shukina, Dr. soc. habil., Professor (Samara State Medical University, Samara, Russian Federation)
N.A. Yastreb, Dr. phil. habil., Associate Professor (Vologda State University, Vologda, Russian Federation)



This is an open access content distributed in accordance with the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction via any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

СОДЕРЖАНИЕ

Философия

- Габрусенко К.А.** Болцано о смысле и значении 8
Кечаев Д.А., Разинов Ю.А. Игра без игры: к критике концепции игры Жюльена Делёза 15
Ястреб Н.А. Концепции этики искусственного интеллекта: от принципов к критическому подходу. 24

Литературоведение

- Карпенко Г.Ю.** Радуга как «знамение завета» в духовной лирике И.А. Бунина: семиотика сакрального. Статья 2. «Свод радуги – Творца благоволение...», «Две радуги – и золотистый, редкий Весенний дождь» 31
Кветкин П.Д., Поздняков К.С. Элементы орнаментальной прозы в романе Александра Соболева «Грифоны охраняют лиру» 43
Марков А.В., Штайн (Братина) О.А. Ладья небесная: экфрасис Елены Шварц как сумма читательского опыта 51
Журавлева О.А. Роман в стихах: поэтика пограничной формы 58

Социология

- Моисеева А.А.** Концепция женского предпринимательства как механизм социального лифта 69
Федченко А.Д. Анализ экспертной оценки развития корпоративных компетенций у руководителей операционного уровня ОАО «РЖД» 76
Авдошина Н.В., Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В., Хардин М.В. Оценка членами профсоюзной организации работников Самарского университета системы информирования о профсоюзной деятельности 82
Иванова З.И., Бернюкевич Т.В., Шаяхметова А.Р. Монопрофильные города: социальные аспекты градостроительной политики (на примере золотодобывающего города Бодайбо Иркутской области) . 97

Рецензии

- Нестеров А.Ю., Демина А.И.** Философия Станислава Лема глазами профессора Околовского. Рецензия на книгу «Станислав Лем и разум. Философские этюды» 108

Информация. Новости. События

- Куприянов А.В., Васькина Ю.В., Сергеева Е.Н.** Материалы совместного научного семинара института информатики и кибернетики и социально-гуманитарного института. 112
Требования к оформлению статей. 120

CONTENTS

Philosophy

- Gabrusenko K.A.** Bolzano on sense and reference. 8
Kechaev D.A., Razinov Yu.A. Game without game: to Gilles Deleuze's game concept 15
Yastrebn N.A. Artificial intelligence ethics: from principles to the critical approach. 24

Literature studies

- Karpenko G.Yu.** The rainbow as a "sign of the covenant" in I.A. Bunin's spiritual lyrics: semiotics of the sacred. Article 2. "The arch of the rainbow – the Creator's favor...", "Two rainbows – and a golden, rare Spring rain" 31
Kvetkin P.D., Pozdnyakov K.S. Elements of decorative prose in the novel by Alexander Sobolev "Griffins guard the lyre" 43
Markov A.V., Shtayn (Bratina) O.A. The celestial ferry: Elena Shvarts's ekphrasis as the sum of readerly experience. 51
Zhuravleva O.A. A novel in verse: poetics of intermediate form 58

Sociology

- Moiseeva A.A.** The concept of women's entrepreneurship as a mechanism of social lift 69
Fedchenko A.D. Analysis of the expert assessment of the development of corporate competencies among the heads of the operational level of the Russian Railways company 76
Avdoshina N.V., Vaskina Yu.V., Bocharov V.Yu., Khardin M.V. Assessment of the trade union activity information system by the members of the Samara University trade union 82
Ivanova Z.I., Bernykevich T.V., Shayakhmetova A.R. Single-industry cities: social aspects of urban planning policy (as exemplified by the gold-mining city Bodaibo, Irkutsk region) 97

Reviews

- Nesterov A.Yu., Demina, A.I.** The philosophy of Stanislaw Lem through the eyes of Professor Okolovsky. Review of the book "Stanislaw Lem and reason. Philosophical studies" 108

Information. News. Events

- Kupriyanov A.V., Vaskina Yu.V., Sergeeva E.N.** Materials of the joint scientific seminar of the Institute of Informatics and Cybernetics and the Institute of Social Sciences and Humanities 112
Requirements to the design and layout of articles 120



DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-1-8-14

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 1(091)Дата поступления: 15.02.2024
рецензирования: 15.03.2024
принятия: 20.03.2024**К.А. Габрусенко**Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
г. Томск, Российская Федерация
E-mail: koder@mail.tsu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0009-1975-0331>

Больцано о смысле и значении

Аннотация: рассматривается концепция знака Б. Больцано, ее место в «Учении о науке» и философские предпосылки, определяющие ее специфику. Наиболее пристальное внимание уделяется понятиям «знак», «смысл» и «значение». Проводится сравнительный анализ употребления этих понятий у Б. Больцано и Г. Фреге, на основании которого демонстрируется принципиальное отличие понимания смысла и значения у Г. Фреге от идей Б. Больцано. Демонстрируются онтологические предпосылки, препятствующие выведению одной концепции из другой. Рассматривается гипотеза Э. Казари, в которой предлагается альтернативный способ сопоставления концепций Б. Больцано и Г. Фреге. На основании анализа понятийной структуры гипотезы и сопоставления с понятийной структурой «Учения о науке» демонстрируются введенные Э. Казари presuppositions. Делается вывод о том, что данные presuppositions не характерны для творчества Б. Больцано и не совместимы с предпосылками «Учения о науке». Показывается, что в гипотезе Э. Казари утверждения, совпадающие с утверждениями Г. Фреге о смысле и значении, являются прямыми следствиями введенных presuppositions и без них из концепции Б. Больцано не выводимы.

Ключевые слова: Больцано; Фреге; знак; смысл; значение; треугольник Фреге; интенциональный контекст.

Цитирование: Габрусенко К.А. Больцано о смысле и значении // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4. № 1. С. 8–14. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-8-14>.

Благодарности: автор выражает благодарность А.Ю. Нестерову за помощь в организации исследования.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Габрусенко К.А., 2024 – старший преподаватель кафедры истории философии и логики, Национальный исследовательский Томский государственный университет, 634050, Российская Федерация, г. Томск, пр. Ленина, д. 36.

SCIENTIFIC ARTICLE

К.А. GabrusenkoNational Research Tomsk State University,
Tomsk, Russian Federation
E-mail: koder@mail.tsu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0009-1975-0331>

Bolzano on sense and reference

Abstract: in the present article author examines the concept of B. Bolzano's sign, its place in the “Theory of Science” and the philosophical premises that determine its specificity. The closest attention is paid to the concepts of “sign”, “sense” and “meaning”. The author provides a comparative analysis of the use of these concepts by B. Bolzano and G. Frege and demonstrates the fundamental difference between G. Frege's understanding of sense and meaning and B. Bolzano's ideas. The ontological premises are demonstrated that don't allow to derive one conception from another. The author reviews the hypothesis of E. Casari that proposes an alternative way for comparing the conceptions of B. Bolzano and G. Frege. The author analyses the conceptual structure of the hypothesis, compares it with the conceptual structure of the “Theory of Science”, and demonstrates presuppositions introduced by E. Casari. It is concluded that these presuppositions are not typical for the work of B. Bolzano and are not compatible with the premises of the “Theory of Science”. The author shows that the statements of E. Casari's hypothesis that coincide with G. Frege's statements about

meaning and significance are direct implications of the presuppositions introduced by E. Casari, and cannot be deduced from B. Bolzano's conception without them.

Key words: Bolzano; Frege; sign; sense; meaning; triangle of meaning; intensional context.

Citation: Gabrusenko, K.A. (2024), Bolzano on sense and reference, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 1, pp. 8–14, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-8-14>.

Acknowledgments: the author expresses his gratitude to A.Y. Nesterov for the assistance provided in the study.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Gabrusenko K.A., 2024** – senior lecturer of the Department of History of Philosophy and Logic, National Research Tomsk State University, 36, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation.

Введение

В вышедшей в 2016 году монографии «Bolzano's Logical System» (Casari 2016) Этторе Казари (Ettore Casari) делает попытку выстроить прямую линию преемственности идеи о различении смысла и значения от стоиков через Б. Больцано к Г. Фреге. Нам такой проект представляется излишне смелым и даже сомнительным, поскольку, во-первых, в отечественной традиции существуют исследования (и в первую очередь мы имеем в виду цикл статей В.А. Суровцева (Суровцев 2015), (Суровцев 2016), (Суровцев 2018), (Суровцев 2019), (Суровцев, Габрусенко 2020)), анализирующие сходства и различия в понимании смысла у стоиков и Г. Фреге, явным образом подчеркивающие отсутствие *возможности* прямого заимствования идей стоиков у Г. Фреге и вполне убедительно демонстрирующие конкретные различия в употреблении термина «смысл», а, во-вторых, использование понятий «значение» и «смысл» Б. Больцано представляется нам весьма отличным от использования тех же понятий Г. Фреге. В дальнейшем изложении мы рассмотрим концепцию знака Б. Больцано, сравним с концепцией Г. Фреге и проведем анализ ее интерпретации у Э. Казари.

Ход исследования

Многие идеи Бернарда Больцано (Bernard Bolzano), известного чешского математика и философа XIX в., значительно опередили свое время. В силу вненаучных обстоятельств, а именно преследования автора со стороны Инквизиции и светских властей, повлекших запрет на преподавание и публикацию, они долгое время оставались незамеченными и обнаруживались часто уже после переоткрытия другими авторами. Хотя некоторая часть работ Б. Больцано была издана при жизни (в иностранных издательствах и часто анонимно) или сразу после его смерти в 1848 г., они не были достаточно широко известны, а значительная часть обширного наследия была обнаружена лишь в 20-е гг. XX в., после чего началась его публикация, которая продолжается до сих пор.

Идеи Б. Больцано обладают значительной оригинальностью, и создается впечатление, что они, будучи своевременно опубликованными, могли

значительно ускорить развитие философии и математики. Тем не менее в очень многих случаях данное романтическое утверждение весьма легко опровергнуть, поскольку для удовлетворительной разработки некоторой концепции недостаточно одной гениальной интуиции, необходимо еще и наличие разработанного научного контекста. Так, например, возникает огромный соблазн приписать Б. Больцано изобретение логицизма в математике, поскольку одной из ключевых идей «Учения о науке» (Bolzano 1837) является идея сводимости математики к логике, однако не стоит забывать, что в 30–40-е гг. XIX в. символическая (математическая) логика была недостаточно разработана, использование инструментария традиционной логики в данном случае крайне непродуктивно, а сам вопрос, ответом на который была призвана стать концепция логицизма, был поставлен лишь спустя полвека после смерти Б. Больцано. Однако нельзя не упомянуть, что сам Б. Больцано в своих работах пытался создавать такой контекст, разрабатывая смежные с основной проблемой области, вскрывая тонкие смысловые различия между близкими понятиями, такими как, например, совокупность, множество, многообразие, и создавал принципиально новую понятийную структуру, возможно, ошибочную с современной точки зрения, но весьма любопытную с точки зрения развития мысли и возможных подсказок о ее дальнейшем развитии. Все сказанное справедливо в том числе относительно семиотики Б. Больцано.

К исследованию понятия знака Б. Больцано обращается в своем главном труде «Учение о науке», в котором пытается построить то, что мы сейчас могли бы назвать методологией науки – установить философские основания и предпосылки, которые должны стать фундаментом любой науки. По его мнению, такое учение должно включать в себя:

1) объяснение базовых онто-гносеологических понятий – в первую очередь понятия истины и утверждение о познаваемости мира («Учение о фундаменте»);

2) собственно логику – учение о представлениях, предложениях и выводе («Учение об элементах»);

3) учение о том, как истины могут быть познаны («Учение о познании»);

4) правила, которым должен следовать поиск истины («Искусство открытия»);

5) правила, по которым следует упорядочивать знания конкретной науки («Собственно учение о науке»).

Понятие знака возникает в третьей части, «Учении о познании», посвященной теории познания, в которой Б. Больцано рассматривает взаимодействие представлений между собой и передачу их между мыслящими существами. Рассмотрению понятийной структуры, включающей понятия, составляющие контекст знака, посвящен только один небольшой параграф § 285 (Bolzano 1837, В. 3, р. 67–84), в котором Б. Больцано вводит более 20 новых терминов, связанных с понятием знака, и описывает тонкие отличия между ними, а также обосновывает именно такое понимание и отражает возможные возражения. В данном исследовании мы сосредоточимся только на некоторых понятиях семиотики Б. Больцано, которые понадобятся для сопоставления его концепции с концепцией Г. Фреге и оценки интерпретации Э. Казари.

Под представлением (*Vorstellung*) Б. Больцано понимает явление нашего сознания, возникающее у нас в результате ощущения, восприятия, воображения, мышления и т.д., которое не является суждением или утверждением, или, в другом месте, составную часть предложения, которая сама предложением не является. Т.е. это любая мысль о предмете, свойстве, отношении и т.д., не обладающая истинностным значением. Представления могут соединяться между собой посредством ассоциативной связи и вызывать (*wecken*) другие представления. Представления делятся на мыслимые (субъективные) – находящиеся в чьем-либо сознании и, следовательно, обладающие личным бытием, и представления в себе (объективные) (*Vorstellung an sich, objective Vorstellung*) – не обладающие никаким личным бытием и представляющие собой материю мыслимых представлений.

Знак – объект, используемый для того, чтобы посредством представления о нем, вызывать другие представления.

Значение (*Bedeutung*) – то представление в себе, которое должно быть вызвано знаком по интенции создавшего знак.

Смысл и разумение (*Sinn und Verstand*) Б. Больцано рассматривает как синонимичные значению. Их отличие он видит в том, что они могут представлять собой некоторые вторичные, дополнительные представления, вызываемые представлением о знаке и не совпадающие со значением. Наиболее ясно это различие видно в случае, когда мы говорим, что кто-то употребляет слово в не-

верном смысле или неправильно понимает: в этой ситуации знак не отсылает к тому представлению, которое подразумевал его создатель.

Уже здесь видно принципиальное отличие в понимании знака у Б. Больцано и у Г. Фреге.

Во-первых, значением знака по Б. Больцано выступают представления, в то время как у Г. Фреге – это всегда объекты. Б. Больцано упоминает, что значением знака может быть объект, но это упоминание встречается только в одном месте, без специальной расшифровки, и нам представляется, что здесь он рассматривает, вероятно, особое словоупотребление, а именно метонимическое употребление термина «значение».

Во-вторых, смысл и разумение у Б. Больцано по своей природе не имеют принципиальных отличий от значения: это также представления об объекте, просто необязательно совпадающие с тем, которое должен вызывать знак по интенции своего создателя, тогда как у Г. Фреге – смысл также отсылает к объекту.

Отсюда видно, что представления Б. Больцано и Г. Фреге о смысле и значении совершенно не совпадают: в то время, как у Г. Фреге речь идет о различии интенционального и экстенционального контекстов, у Б. Больцано присутствует только интенциональный контекст и, по крайней мере, в случае знаков, экстенционалы остаются за скобками.

В концепции Б. Больцано о различии интенционального и экстенционального контекста можно говорить только в связи с представлениями в себе, если рассматривать их в качестве аналога знака у Г. Фреге. В этом случае, действительно, понятие «обозначение» в понимании Г. Фреге становится осмысленным, его аналогом будет отношение между представлениями в себе и объектом. Проблема возникает с аналогом для понятия «смысл» – это понятие оказывается пустым, поскольку представление в себе просто не нуждается в каких-либо посредниках при указании на объект: оно само выступает таким посредником, и не существует способа взаимодействия с объектом «в обход» него.

Э. Казари в «*Bolzano's Logical System*» (Casari 2016) предлагает еще один вариант сопоставления концепции знака у Б. Больцано и Г. Фреге. Понимание его версии затруднено тем, что терминология, использованная для передачи идей Б. Больцано в тексте монографии, и терминология, использованная в цитатах из английского перевода «Учения о науке», не совпадают, что приводит к путанице при чтении, и далеко не всегда оказывается понятно, где Э. Казари цитирует Б. Больцано, а где дает собственную интерпретацию. Рассматривая уже упоминавшееся определение значения, Э. Казари различает «значение в строгом смысле» и «значение в широком смысле». Значение в строгом

смысле совпадает с указанными ранее значением, смыслом и разумением – это то представление в себе, которое вызывается представлением знака. Значение в широком смысле – это сам объект реальности. На основании данного различия Э. Казари предлагает такую схему структуры отношения знак – значение (Casari 2016, p. 298):

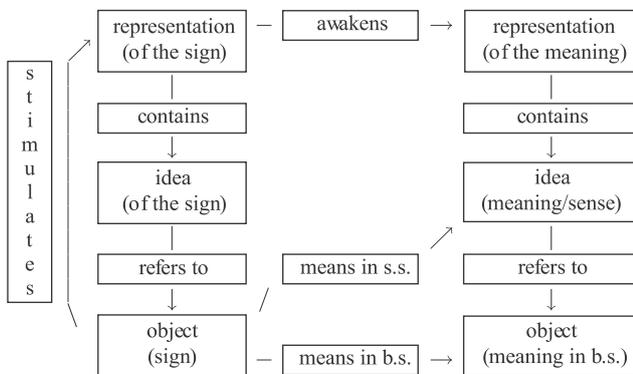


Рис. 1. Схема структуры отношения знак – значение по Э. Казари
Fig. 1. Relationship structure diagram sign - meaning according to E. Casari

Структурные элементы: representation – субъективное представление (subjective Vorstellung)¹; awakens – вызывает (weckt); idea – объективное представление/представление в себе (objective Vorstellung/Vorstellung an sich); means in s.s. – обозначает в строгом смысле; means in b.s. – обозначает в широком смысле.

На получившейся схеме явно прочитывается треугольник Г. Фреге (object (sign) [знак] – idea (meaning/sense) [смысл] – object (meaning in b.s.) [значение]), в котором значение в строгом смысле – выражение смысла, а значение в широком смысле – обозначение. Но на этой схеме представлена концепция Э. Казари, не Б. Больцано. Различение значения в строгом смысле и значения в широком смысле Э. Казари выводит из этого пассажа:

Объективное представление, соответствующее субъективному представлению, которое должно побуждаться представлением знака, называется *обозначаемым* представлением, а также *значением* знака. Если обозначаемое представление является предметным представлением, то и сам его *предмет* иногда называют *обозначаемым*, или *значением* знака (Bolzano 1837, В. 3, p. 67).

И получает такую интерпретацию:

Значение в строгом смысле (или *смысл*, или *разумение*) знака есть материя представления, произведенного ассоциацией (в интерпретирующем бытии) представления знака. Если представление, обозначенное в строгом смысле знаком, является предметным, то объект или

объекты, к которым оно отсылает, составляют *значение в широком смысле* знака (Casari 2016, p. 297).

Интерпретация второго предложения вызывает серьезные возражения: у Б. Больцано в обоих предложениях слово «обозначаемое» является прилагательным и, следовательно, обозначает свойство. Во втором предложении Э. Казари использует «обозначение» («mean») как глагол, чем создает новую сущность, из-за чего в тексте подспудно возникает принципиально новая концепция – концепция обозначения, которой у Б. Больцано изначально не было.

Во-первых, кроме этого предложения, нигде в «Учения о науке» не говорится о значении знака как об объекте, ни об обозначении как операции, в то же время во многих других местах Б. Больцано подчеркивает, что значением знака является именно представление. Например, на с. 76, комментируя особые случаи употребления знаков, он утверждает, что «<...> под значением знака мы понимаем именно представление, а не высказывание или суждение» (Bolzano 1837, В. 3, p. 76). Обратим внимание, что в цитате речь идет только о мыслях, объекты реальности не упоминаются, причем здесь Б. Больцано запрещает быть значениями знаков даже мыслям, если они не являются представлениями. Это рассуждение возникает при рассмотрении употребления слова «умираю» в предложении, состоящем из единственного слова «Умираю». В этом случае, утверждает Б. Больцано, значением будет не само высказывание, а представление о нем (Bolzano 1837, В. 3, p. 76).

Во-вторых, все ключевые понятия системы (как, впрочем, и очень многие второстепенные и даже третьестепенные) у Б. Больцано скрупулезно проработаны: говоря о знаке, он крайне подробно рассматривает более 20 понятий, обозначающих виды знаков, способы, структуру и природу знакового взаимодействия и т.д. Представлениям посвящены целые разделы «Учения об элементах» (357 стр.) и «Учение о познании» (101 стр.), в которых очень подробно разработано отношение между представлениями, их взаимодействие с предметами реальности и т.д., каждый раз снабженное массой примеров, в т.ч. словоупотребления (поскольку, создавая «Учение о науке», Б. Больцано пытается учесть и объяснить языковые привычки), а также ответами на возможные возражения представителей существующих концепций. Такая сложная проблема, как референция, если бы она была сколь-нибудь актуальна для Б. Больцано, обязательно была бы разработана.

В-третьих, в «Учении о науке» нет даже указания на то, как такая референция могла бы происходить, какова ее природа, в то время как объяснению той же ассоциации представлений Б. Больцано уделяет крайне пристальное внимание. Также,

¹ Здесь у Э. Казари неоднозначность: возможно также и просто представление (Vorstellung) – см. ниже.

рассматривая определения знака предшествующих авторов (И. Кизеветтера, А. Меца, Ф. Калькера и др.), Б. Больцано в качестве одного из возражений указывает на то, что упомянутые авторы *не объясняют механизм*, благодаря которому знак вызывает обозначаемое представление – а именно ассоциацию представлений – что, по мнению Б. Больцано, должно быть в определении явно указано (Bolzano 1837, В. 3, р. 77). На фоне этого замечания референция в собственном смысле, *без объяснения ее механизма*, в тексте Б. Больцано выглядела бы весьма странно.

Учитывая сказанное, крайне сомнительно утверждение о том, что Б. Больцано мог помыслить теорию обозначения или прямую референцию такого рода. Именно на этом основании мы ранее утверждали о метонимическом характере употребления термина «значение» в данном предложении.

У Э. Казари концепция обозначения, будучи один раз допущена, дает весьма продуктивную поросль: именно она присутствует на схеме в виде «means in s.s.» и «means in b.s.», которые, в свою очередь, конституируют модель треугольника Г. Фреге. В дальнейшем тексте отсюда же возникают субстантивированные отношения непосредственного и опосредованного обозначения (в оригинале речь идет о непосредственных и опосредованных знаках) и т.д. Если же со схемы убрать отношения «means in s.s.» и «means in b.s.» (а, если мы пытаемся рассматривать именно концепцию Б. Больцано, сделать это необходимо), то от треугольника не остается и следа.

Что касается первого предложения, в целом оно близко передает смысл первого предложения из цитаты Б. Больцано (чешский философ действительно рассматривает в других местах, например в § 48, представление в себе как материю представления (Bolzano 1837, В. 1, р. 217)). Здесь введение нового термина «значение в строгом смысле» у нас возражений не вызывает: автор имеет полное право это сделать, но возникает более тонкая проблема. Э. Казари в переводе на английский для терминов «objective Vorstellung» (объективное представление) и «Vorstellung an sich» (представление в себе) использует один термин – «idea», что правомерно, поскольку у Б. Больцано они синонимичны, а вот термин «representation», как видно уже из приведенной цитаты, используется и для «subjective Vorstellung» (субъективное представление), и для отличного от него «Vorstellung» (представление). Нам сложно судить, является ли такая контаминация у Э. Казари преднамеренной, т.е. представляет ли она специфическую интерпретацию, созданную осознанно, или является следствием неточности перевода, но, по нашему мнению, эти понятия не могут быть синонимичны: «Vorstellung» – общее понятие, видами кото-

рого являются «subjective Vorstellung» и «Vorstellung an sich»; «objective Vorstellung», как уже упоминали, равнообъемно «Vorstellung an sich».

Различия двух интерпретаций не проявляются в приведенных цитатах: сравнивая определения значения у Э. Казари и Б. Больцано, мы находим, что определение у Э. Казари в целом верно, хотя значительно короче и менее подробно раскрывает структуру побуждения представлений знаком. Вслед за определением автор приводит цитату Б. Больцано, так что здесь возражений также нет.

Возражения появляются вновь именно при анализе приведенной на рис. 1 схемы. Судя по ней, источник побуждения – «representation (of the sign)» – это именно *субъективное представление*, поскольку по схеме оно содержит «idea» – *объективное представление*, и поскольку именно на аналогичную структуру в значении («representation (of the meaning)») это побуждение направлено, а у Б. Больцано говорится, что побуждается именно *субъективное представление*. Это понимание противоречит приведенному определению знака Б. Больцано, в котором речь идет именно о *представлении* вообще, без указания, является ли оно *объективным* или *субъективным*.

Тезису Э. Казари можно противопоставить сильный тезис о том, что воздействие знака на значение должно идти посредством именно *объективного представления* о знаке. В пользу него говорит то, что для Б. Больцано обсуждение понятия знака важно именно в контексте коммуникации, а *субъективное представление* обычно связано со многими другими случайными представлениями, наличие связи с которыми субъект не может ожидать у другого. В качестве иллюстрации можно привести пример (вполне в духе Б. Больцано) о том, что некоторое субъективное представление о розе будет связано не только с представлением о цветке, но может также отсылать к представлению о конкретном цветке, конкретной девушке и конкретным обстоятельствам (в случае воспоминания о первом подаренном цветке), которые, очевидно, отсутствуют у любого другого субъекта.

Однако приведенный пример позволяет отчасти поддержать и позицию Э. Казари (как возможную), поскольку в нем мы можем рассматривать розу в качестве знака, *значением* которого является конкретный цветок, девушка или ситуация для конкретного субъекта, поскольку Б. Больцано подчеркивает возможность использования знаков самим субъектом в индивидуальном мышлении, называя этот процесс «говорением с собой» (Bolzano 1837, В. 3, р. 74).

С другой стороны, абсолютно та же ситуация может возникнуть и в коммуникации, когда тот, кто создает знак, и кто его интерпретирует, будут различными субъектами, и конкретный цветок, девушка или ситуация окажутся просто побочны-

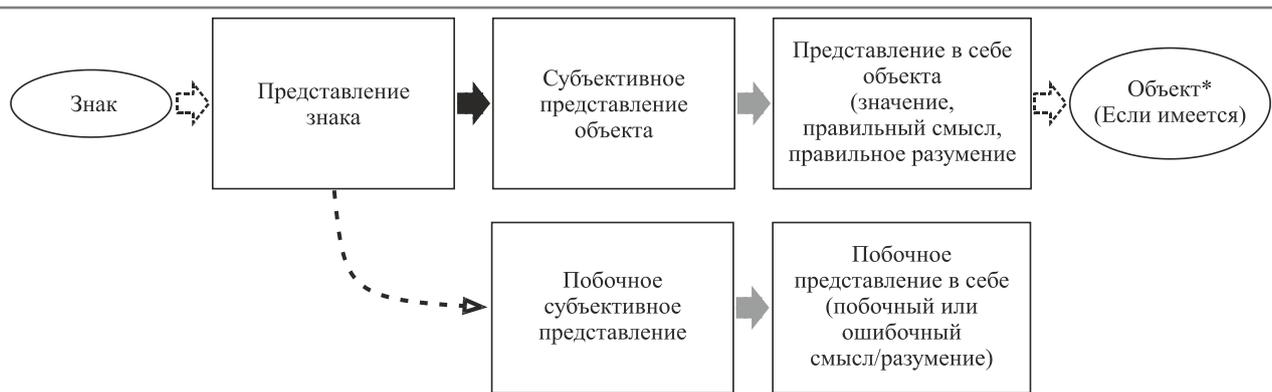


Рис. 2. Предлагаемая схема структуры отношения знак–значение
Fig. 2. Proposed diagram of the structure of the sign-meaning relationship

ми смыслами, а отсылать к этим смыслам будет *любая роза*.

В любом случае тезис Э. Казари о том, что источник побуждения в знаке – это именно *субъективное представление*, опровергнут. На основании аргументов, приведенных выше, сильный антитезис, что таковым является только *объективное представление*, нам представляется обоснованным, но подчеркнем, что в текстах Б. Большано для него нет однозначного подтверждения (как, впрочем, и опровержения). А будет ли что-то из приведенных примеров действительным значением знака или побочным смыслом, зависит только от интенции того, кто создавал знак, поскольку Б. Большано неоднократно подчеркивает, что интенция является существенным свойством знака (Bolzano 1837, В. 3, р. 77) и что знак требует интенции воспроизведения представления о значении в субъекте или другом (Bolzano 1837, В. 3, р. 80).

Относительно остальной части схемы у нас также есть замечания – например, относительно того, что объекты, представления и отношения изображены одинаково и из-за этого могут быть спутаны, но они касаются именно представления схемы и не затрагивают смысла. Схема, по нашему мнению, более точно иллюстрирующая функционирование знака по Б. Большано, представлена на рис. 2.

Заключение

Соблазн выстраивания прямых линий преемственности идей между философскими концепциями очень велик, но, к сожалению, это удастся сделать не всегда. При всей гениальности и прогрессивности идей Б. Большано неверно утверждать, что семантические идеи Г. Фреге были ранее разработаны Б. Большано или даже что он сколь-нибудь близко подошел к их исследованию. Более того, принципиальное различие в онтологических представлениях Б. Большано и Г. Фреге не позволяет даже сформулировать многие выводы одного в концепции другого: Б. Большано, в отличие от Г. Фреге, который рассматривал мысли в их отношении к объектам реальности, старается

не покидать пределов мышления, и поэтому сама постановка вопроса о теории значения, как она понимается сейчас, оказывается для него невозможной. Концепция знака у Б. Большано органично вытекает из его онтологии и психологической теории представлений и вряд ли непосредственно применима где-то еще, по крайней мере, без радикального переосмысления, но те интуиции, которые лежат в ее основе, до сих пор могут натолкнуть на новые идеи и стать стимулом для возникновения новых философских систем.

Библиографический список

- Bolzano, B. (1837), *Dr. B. Bolzanos Wissenschaftslehre: Versuch einer ausführlichen und größtentheils neuen Darstellung der Logik mit steter Rücksicht auf deren bisherige Bearbeiter*, Dritter Band, in der J. E. v. Seidelschen Buchhandlung, Germany.
- Bolzano, B. (2014), *Theory of science*, vol. 3, P. Rusnock & R. George (eds.), Oxford University Press, Oxford, Oxford Scholarly Editions Online, DOI: <http://doi.org/10.1093/actrade/9780199684410.book.1>.
- Casari, E. (2016), *Bolzano's logical system*, Oxford University Press, DOI: <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198788294.001.0001>.
- Суровцев В.А. О соотношении категорий to lekton в философии стоиков и Sinn в семантической теории Г. Фреге // ЭХОЛН (Schole). 2015. № 9.2. С. 241–252.
- Суровцев В.А. О соотношении категорий to lekton в философии стоиков и Sinn в семантической теории Г. Фреге: Вопрос об их онтологическом статусе // ЭХОЛН (Schole). 2016. № 10.2. С. 422–440. DOI: <http://doi.org/10.21267/AQUILO.2016.10.2952>.
- Суровцев В.А. О соотношении категорий to lekton в философии стоиков и Sinn в семантической теории Г. Фреге: Вопрос об их эпистемологическом статусе // ЭХОЛН (Schole). 2018. № 12.2. С. 499–522.
- Суровцев В.А. О соотношении категорий to lekton в философии стоиков и Sinn в семантической теории Г. Фреге: Логико-грамматический

аспект // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52. С. 113–125. DOI: <http://doi.org/10.17223/1998863X/52/1>.

Суровцев В.А., Габрусенко К.А. О соотношении категорий *to lekton* в философии стоиков и *Sinn* в семантической теории Г. Фреге: логический аспект // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 105–120. DOI: <http://doi.org/10.17223/1998863X/58/11>.

References

Bolzano, B. (1837), *Dr. B. Bolzanos Wissenschaftslehre: Versuch einer ausführlichen und größtentheils neuen Darstellung der Logik mit steter Rücksicht auf deren bisherige Bearbeiter*, Dritter Band, in der J. E. v. Seidelschen Buchhandlung, Germany.

Bolzano, B. (2014), *Theory of science*, vol. 3, P. Rusnock & R. George (eds.), Oxford University Press, Oxford, Oxford Scholarly Editions Online, DOI: <http://doi.org/10.1093/actrade/9780199684410.book.1>.

Casari, E. (2016), *Bolzano's logical system*, Oxford University Press, DOI: <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198788294.001.0001>.

Surovtsev, V.A. (2015), *To lekton in stoic philosophy and Sinn in G. Frege's semantic theory: The question of their relationship*, *ΣΧΟΛΗ (Schole)*, no. 9 (2), pp. 241–252, (In Russian).

Surovtsev, V.A. (2016), *To lekton in stoic philosophy and Sinn in G. Frege's Semantic theory: the question of their ontological status*, *ΣΧΟΛΗ (Schole)*, no. 10 (2), pp. 422–440, (In Russian), DOI: <http://doi.org/10.21267/AQUILO.2016.10.2952>.

Surovtsev, V.A. (2018), *To lekton in stoic philosophy and Sinn in G. Frege's semantic theory: the question of their epistemological status*, *ΣΧΟΛΗ (Schole)*, no. 12 (2), pp. 499–522, (In Russian).

Surovtsev, V.A. (2019), *To lekton in stoic philosophy and Sinn in Gottlob Frege's semantic theory: a logical and grammatical aspect*, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya = Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 52, pp. 113–125, (In Russian), DOI: <http://doi.org/10.17223/1998863X/52/1>.

Surovtsev, V.A., Gabrusenko, K.A. (2020), *To Lekton in Stoic Philosophy and Sinn in Gottlob Frege's Semantic Theory: The Logical Aspect*, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 58, pp. 105–120, (In Russian), DOI: <http://doi.org/10.17223/1998863X/58/11>.

Submitted: 15.02.2024

Revised: 15.03.2024

Accepted: 20.03.2024



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 141.8+304.2

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-1-15-23

Дата поступления: 10.01.2024
рецензирования: 03.02.2024
принятия: 15.03.2024

Д.А. Кечаев

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: kechaevda@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6319-8163>

Ю.А. Разинов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: razinov.u.a@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-9238-5535>

Игра без игры: к критике концепции игры Жюлья Делёза

Аннотация: в статье даётся критический анализ концепции «идеальной игры» Жюлья Делёза. Проблематичный тип суждений Делёза об игре приводит к тому, что игра понимается им как логический субъект, лишенный предиката. Следствием этого становится понятие игры, которое лишено признаков реальной игры. В конечном счете игра понимается Делёзом как не-игра. В статье показано, что логической основой такого подхода является «бесконечное суждение». В связи с этим авторы предпринимают логический и онтологический анализ отрицательных и бесконечных суждений. При этом авторы не только раскрывают внутреннюю проблематичность бесконечных суждений, но и указывают на социальные эффекты и последствия их применения на практике.

Ключевые слова: алеаторность; бесконечное суждение; граница; Делёз; игра; Кант; логика; новая нормальность; нонсенс; позитивная негативность; постмодернизм.

Цитирование: Кечаев Д.А., Разинов Ю.А. Игра без игры: к критике концепции игры Жюлья Делёза // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4. № 1. С. 15–23. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-15-23>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Разинов Ю.А., 2024 – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© Кечаев Д.А., 2024 – аспирант кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

D. A. Kechaev

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: kechaevda@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6319-8163>

Yu. A. Razinov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: razinov.u.a@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-9238-5535>

Game without game: to Gilles Deleuze's game concept

Abstract: the article provides a critical analysis of the "ideal game" concept by Gilles Deleuze. The problematic type of Deleuze's judgments about the game leads to the fact that the game is understood by him as a

logical subject devoid of the predicate. The consequence of this is the concept of the game, which is devoid of the real game signs. Ultimately, the game is understood by Deleuze as the non-game. The article shows that the logical basis of this approach is "infinite judgment". In this regard, the authors undertake a logical and ontological analysis of negative and infinite judgments. At the same time, the authors not only reveal the internal problematic nature of such judgments, but also point out the social effects and consequences of their application in practice.

Key words: aleatory; infinite judgment; boundary; Deleuze; game; Kant; logic; new normality; nonsense; positive negativity; postmodernism.

Citation: Kechaev, D.A. and Razinov, Yu.A. (2024), Game without game: to Gilles Deleuze's game concept, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 1, pp. 15–23, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-15-23>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Razinov Yu. A., 2024** – Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Kechaev D.A., 2024** – Postgraduate student of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

«Принцип игры» (*principium ludi*) является одной из базовых характеристик культуры постмодерна, что обеспечивает неизменное присутствие термина «игра» в соответствующих тематических словарях (Грицианов 2007, Ильин 2001). Однако сам термин, используемый для описания игровых стратегий постмодернизма, зачастую употребляется в расхожем смысле. В этой связи возникает вопрос о специфике и смысле постмодернистского понятия игры, ибо её возможно рассматривать в двух аспектах: как предмет исследования и как способ анализа иной предметности («игровой метод»). Смешение этих аспектов может породить внутренние противоречия в концепции игры. Философы постмодернизма, такие как М. Фуко, Ж. Деррида и Ж. Делёз, не только используют *principium ludi* при рассмотрении какого-либо вопроса, но и затевают *игру с самим понятием игры*. Если «лингвистические игры» (Л. Витгенштейн) и даже «игры истины» (М. Фуко) ещё трактовались как совокупность правил, то в постструктурализме понятие игры радикально меняется: игра становится *игрой без правил*.

При таком подходе концепт игры меняет обычное содержание и ускользает в направлении «складки»: игра/труд, игра/творчество. Если у Деррида игра является методом деконструкции (а деконструкция, наряду с конструкцией, есть в некотором роде труд), то у Делёза понятие игры отнесено к творчеству, а именно к ситуации порождения смысла. У обоих философов игра возникает на границе смысла и бессмыслицы (нонсенса), однако ведётся ими на разных уровнях рефлексии. Если Деррида *непосредственно* разыгрывает произвольную этимологию и смысловые спекуляции, то Делёз разрабатывает теоретическую концепцию «идеальной игры», давая ей различные дефиниции, такие как: состояние

«хаоса-космоса», «игра смысла и нонсенса», «бракосочетание между языком и бессознательным».

1. Понятие «идеальной игры»

В «Логике смысла» Делёз посвящает «идеальной игре» целую главу. Взяв для наглядности фантазмагорическую игру из «Алисы в стране чудес» Л. Кэрролла, в качестве эвристической модели этой игры он рассматривает *игру в кости*. В классификации Р. Кайуа этот вид игры относится к «алеаторным» (Кайуа 2007), где вкус победы определяет случай. Несмотря на то, что Делёз исключает из понятия «идеальной игры» мотив выигрыша, такой выбор не является случайным. Кроме того, что игра в кости содержит аллюзию к спору А. Эйнштейна и Н. Бора о том, «играет ли Бог в кости», квинтэссенцией алеаторной игры является *случай* и его *распределение* в сериях. Бросок игральной кости – вот что интересует Делёза, ибо в нём он усматривает просвет своей онтологической модели.

Делёз сосредоточен на *броске* именно потому, что для него это наглядное представление «логики смысла». Событие смысла уникально, но в то же время оно есть серия распределения сингулярных точек, каждая из которых может разветвляться и порождать новые, потенциально бесконечные серии смысла (ризомы). Бросок кости не просто приводит к случайному результату в виде выпавших чисел на игровом столе, но *сам в себе* содержит серии равновероятных случайностей.

Рассмотрим это внимательно. Дело не в том, что при каждом броске игральная кость с вероятностью выпадает на одно из шести чисел, ибо у Делёза речь не идёт о *статистическом* распределении случаев, которое он называет «оседлым». Речь идёт об особом типе подвижного (меняющегося) «номадического распределения». Это такое распределение, когда случайное число или ком-

бинация чисел не выпадает на игровом столе, а *многократно возникает и отменяется* в каждой сингулярной точке броска. Таким образом, в «идеальной игре» случайным является не только результат, но и всякое значение в каждой отдельной точке движения игральной кости. Другими словами, вероятности не распределяются по траектории броска, как это имеет место в реальности, а *в каждой точке создаются новые вероятности*. Такой бросок мыслится Делёзом не в ньютоновской системе пространственно-временных координат, так как каждый бросок создает/отменяет свою систему координат в каждой сингулярной точке. В строгом смысле это и не бросок вовсе, а метафора – жест сознания, где «жест» – тоже метафора.

Если придать броску Делёза хоть какой-то физический смысл, то напрашивается аналогия со знаменитым парадоксом квантовой механики, получившим название «кота Шрёдингера». Допустим, что кость брошена. В каждый момент сверхмалого времени, который Делёз именуется Эоном, она с равной степенью вероятности имеет значение либо «х», либо «не-х», которое к тому же отменяется в другой точке, причем абсолютно случайным образом.

Но вправе ли мы применять парадоксы квантового мира применительно к игре? Ведь очевидно, что игральная кость – не объект квантового мира, который с равной вероятностью может быть «здесь» и «там», и о котором можно сказать, что он «есть» и «не есть» одновременно. Реальная игра протекает в макромире, где действуют определенные причины и законы. Брошенная кость подчиняется закону всемирного тяготения. Она обладает массой и плотностью. Её движение имеет определенную траекторию и крутящий момент, которые зависят от действующих сил и т.д. Имея все эти данные, с определенной долей вероятности можно рассчитать результат броска. Поэтому в качестве события макромира он столь же предсказуем (детерминирован), как и полёт (баллистика) артиллерийского снаряда или космического аппарата.

Всё это не стоило бы ставить на вид Делёзу, если бы не то обстоятельство, что многие его рассуждения имеют скрытую аллюзию к квантовой механике и теории множеств. Вместе с тем Делёз не следует их правилам, а изобретает их. Прежде всего, он явно *абсолютизирует случайность*. В квантовом мире стопроцентные и равновеликие вероятности существуют лишь гипотетически. Кроме того, серии «случайностей» (а на самом деле неопределенностей) описываются сложными уравнениями. В современной науке квантовый мир как раз наоборот, свёрхдетерминирован. В нем есть свои законы и правила. Мы уже не говорим о том, что игра – это социальный феномен, у которого есть конвенциональные пра-

вила, согласно которым, например, кости должны быть брошены на стол, а не в лицо партнерам. Но всё не так у Делёза. В гипотетической соревновательной игре, допустим, в шахматы, пешка «Настя» могла бы возмутиться «фаллическим» видом ферзя и пойти «конём», избегая «харасмента» с его стороны. Но ещё более абсурдной Делёзианская трактовка становится в приложении к такой алеаторной игре, как «русская рулетка». Разумеется, выстрел из пистолета даже при засылке патрона в ствол может быть «отменён случаем» – заклиниванием некоторых узлов спускового механизма. Патрон может «случайно» заклинить в стволе. Однако вылетевшая из него пуля уже не оставляет шансов на жизнь.

Имея в виду объективные противоречия в концепции игры Делёза, Ж. Бодрийяр писал: «В чистом номадическом случае Делёза, в его "идеальной игре" налицо лишь полная диссоциация и лопнувшая причинность. Но не слишком ли большая натяжка – отсекай игру от её правила с целью выделить некую радикальную, утопическую форму игры? С той же натяжкой или с той же легкостью случай отсекается от того, что его определяет, – от объективного вычисления серий и вероятностей, становясь лейтмотивом идеальной индетерминации, идеального желания, образованного бесконечной случайностью неисчислимых серий. Почему же тогда останавливаться на сериях? Почему не заменить их броуновым движением в чистом виде? А дело в том, что броуново движение, давно уже ставшее как бы физической моделью радикального желания, имеет свои законы, и это не игра» (Бодрийяр 2000, с. 259).

Делёз потому и называет игру «идеальной» что, определяя её роль в логике смысла, он не хочет быть связанным с реалиями (простите за тавтологию) реальной игры. Назвав реальную игру «обычной» или «нормальной», он дает ей следующую характеристику:

«1. Нужно, чтобы всякий раз набор правил предшествовал началу игры, а в процессе игры обладал безусловным значением.

2. Данные правила определяют гипотезы, распределяющие шансы, то есть гипотезы проигрыша и выигрыша (что случится, если...).

3. Гипотезы регулируют ход игры в соответствии с множеством бросков, которые реально или численно отличаются друг от друга. Каждый из них задает фиксированное распределение, соответствующее тому или иному случаю. (Даже если игра держится на одном броске, то такой бросок будет сочтен удачным только благодаря фиксированному распределению, которое он задаст, а также в силу его численных особенностей)

4. Результаты бросков ранжируются по альтернативе "победа или поражение". Следовательно, для нормальной игры характерны заранее уста-

новленные безусловные правила; гипотезы, распределяющие шансы; фиксированные и численно различающиеся распределения; твердые результаты» (Делёз 2011, с. 82–83).

В противоположность «нормальной» игре, «идеальная» игра характеризуется: (1) отсутствием заданных правил «где каждый бросок изобретает и применяет свои собственные правила»; (2) невозможностью распределения вероятности проигрыша или выигрыша, откуда «совокупность бросков утверждает случай и бесконечно разветвляет его с каждым новым броском»; (3) неотличимостью бросков друг от друга ни качественно, ни количественно. Таким образом, «идеальной игрой» Делёз называет такую игру, которая в ходе своего развертывания непрерывно генерирует новые правила, а установив их, тотчас же их аннулирует утверждением новых. «Например, – пишет Делёз, – бег по кругу в Алисе, где каждый начинает, когда вздумается, и останавливается, когда захочет; или крокетный матч, где мячи – ежики, клюшки – фламинго, а свернутые петлей солдаты-ворота непрерывно перемещаются с одного конца игрового поля на другой» (Делёз 2011, с. 82). Такая игра ничем не детерминирована и абсолютно произвольна. Делёз утверждает: «Идеальная игра, о которой мы говорим, не может быть сыграна ни человеком, ни Богом. Её можно помыслить только как нонсенс» (Делёз 2011, с. 86).

Однако игра, которая «не может быть сыграна», – не игра вовсе, ибо как таковая она лишена своего эйдоса (смысла) – «игорности» или «игроцкости». Делёз не видит тут никакой проблемы, а проблема заключается в том, что постоянной подменой условий «идеальная игра» исходно подрывает не только возможность её практической реализации, но и её теоретического определения. В самом деле, любое определение есть связь субъекта с предикатом. Однако у Делёза эта связь отсутствует, а точнее говоря, строится весьма необычным способом: *субъект есть не-предикат*. В этой логике игра есть не-игра, мячи-ёжики есть не-мячи, клюшки-фламинго есть не-клюшки, солдаты-ворота есть не-ворота. Такой способ предикации имплицитно содержит логику «бесконечного суждения», которая становится ахиллесовой пятой концепции Делёза.

2. Логика «бесконечного суждения»

Итак, Делёз определяет «идеальную игру» на основе отрицания признаков реальной игры. «Идеальная игра» *не есть* действие по заранее установленным правилам, *не есть* то или иное распределение шансов, *не есть* различимость внутриигровых актов и т.п. Из таких посылок мог бы последовать вывод: «идеальная игра» *не есть* игра. Однако не всё так прозрачно у Делёза. Он пишет: «нужно вообразить другие принципы –

пусть даже ни к чему не приложимые, но благодаря которым игра стала бы чистой игрой» (Делёз 2011, с. 83). Если бы определение «чистой игры» придерживалось формы отрицательного суждения – «S не есть P (1)», то это открывало бы возможность для её положительного определения: «S не есть P (1), потому что есть P (2)». Однако Делёз незаметно подменяет отрицательное суждение «бесконечным», которое имеет иную форму – «S есть не P».

Различие этих типов суждения способно пролить свет на концепцию Делёза. Спрашивается, в чем же принципиальная разница двух суждений: (1) «идеальная игра» *не есть* игра и (2) «идеальная игра» *есть не* игра? Несмотря на наличие в обоих суждениях семантики отрицания, это различные типы суждений. Вкратце напомним суть различия.

В формальной логике, как известно, выделяются два качественно различных вида суждений – утвердительные и отрицательные. Эти виды суждений Г.Ф. Майер дополнил третьим, подчинённым типом первого – «бесконечным суждением». «В логическом суждении – пишет он – мы представляем себе, что предикат либо присущ субъекту, либо не присущ. Первое является утвердительным суждением, второе – отрицательным. И если либо в субъекте или предикате, либо в обоих сразу имеется отрицание и только понятие-связка не отрицается, то это утвердительное суждение, которое называется бесконечным суждением» (Кант 2022, с. 432). Так, если отрицательным суждением является суждение типа «камень *не есть* металл», то утвердительным является «камень *есть* твёрдое вещество, имеющее горное происхождение» и т.д. «Бесконечным» же является суждение вида «камень *есть не* металл», где утверждается логическая связка «не». Таким образом, «бесконечным» в логике называется такое суждение, в котором субъекту *положительно* (запомним этот акцент) приписывается отрицательный предикат. В формальной логике символическая запись «бесконечного суждения» выглядит так: S + (-P), где «S» – субъект суждения, которому позитивно (знак «+») приписывается отрицательный предикат – «P» со знаком «-». Проблематичность данного типа суждений заключается в его *смешанности*, т.е. в *одновременном присутствии и утверждения, и отрицания*, что и порождает путаницу в классификации.

Майер сохранил за «бесконечным суждением» статус *формально* утвердительного притом, что *содержательно* оно отрицательно. Однако по данному вопросу с ним не согласился И. Кант, который отнёс «бесконечное суждение» к самостоятельному типу качественных суждений. Согласившись с данным Майером формально-логическим определением «бесконечного суждения», Кант

пошёл дальше, дополнив его рядом положений, указывающих на неявное качественное отличие «бесконечного суждения» от «утвердительного».

Согласно Канту, бесконечным суждение типа «камень *есть не металл*» является потому, что, несмотря на свою утвердительную форму, это суждение не даёт нам знания о том, что такое камень, *кроме ограничения на один предикат*. Смысл такого суждения лишь в том, что «камень может быть всем, чем угодно в мире, но не металлом». В «Венской логике» философ пишет: «Хотя отношение такое же, как при некоем утвердительном суждении, но отрицание всё же присутствует, и, следовательно, они отличаются от утвердительно-го. В логике кажется, что эта вещь является мелочной тонкостью [subtilitat]. Но в метафизике становится важным здесь не проходить мимо этого. Ибо тогда больше различие между реальностью, отрицанием и *ограничением*» (Кант 2022, с. 351). В «Критике чистого разума» Кант уточняет двойственный статус «бесконечного суждения» путём разделения «общей» и «трансцендентальной» логик. «В общей логике они совершенно правильно причисляются к утвердительным суждениям <...>. В самом деле, общая логика отвлекается от всякого содержания предиката (если он даже чисто отрицательный) и обращает внимание только на то, приписывается ли он субъекту или противоплагается ему. Трансцендентальная же логика рассматривает суждения и с точки зрения ценности или содержания этого логического утверждения посредством чисто отрицательного предиката и определяет, прибавляет ли оно что-нибудь ко всей совокупности знания. <...> Итак, эти суждения, бесконечные по своему логическому объёму, в действительности имеют только ограничительное значение по содержанию знания вообще» (Кант 1964, с. 170). Само же это ограничение Кант понимает позитивно, причем «ограниченно позитивно». В «Венской логике» читаем: «В ограничениях я мыслю нечто позитивное, и это нечто ограничено позитивное. – Они называются *judiciainfinita*, так как они не ограничены. Они всегда говорят только, чего нет, и таких предикатов я могу представить бесконечное множество, ибо *sphaera* предикатов, которые могут говориться о субъекте с "*нона*фицирует", бесконечна» (Кант 2022, с. 351).

Г. Гегель, принимая введенную Кантом тройственную классификацию суждений по качеству, относит её к суждениям *наличного бытия*, где бесконечные суждения образуют более высокий вид суждений в сравнении с утвердительными и отрицательными. Однако в целом качественные суждения у Гегеля – это первый и низший вид суждений, поскольку они суть суждения об *единичных чувственно воспринимаемых вещах* (Маковельский 2004). Между тем А.Н. Чанышев счёл

возможным использовать форму бесконечного суждения в своих доказательствах существования небытия. В одном из них, которое он назвал «доказательством от различия», он утверждает: всё сущее, всякое конкретное есть не столько то, что оно есть, сколько то, что оно не есть. А потому А, что оно не В, не С, не Д и т.д.» (Чанышев 1990, с. 160). Логическая возможность бесконечной негативной предикации служит, как ему кажется, достаточным основанием для *десубстантивации* сущего (А) и субстантивации не-сущего (не-А, не-В, не-С) и выдвижения тезиса об абсолютности небытия и относительности бытия. То, что Чанышев при доказательствах этого тезиса строит аргументацию «от сущего», приводит к тому, что небытие оказывается у него всё тем же сущим, только вывернутым наизнанку, перелицованным «небытием в маске» (Разинов 2008).

Итак, «бесконечное суждение» является бесконечным именно потому, что для прирастания знания о таком-то субъекте *предполагается знание обо всём мире* в целом и о каждой его части. В случае с камнем мы должны перечислить всю бесконечность предикатов, не являющихся спецификой камня, то есть «*вычерпать*» из сферы значений всего на свете те понятия, которые не характеризуют камень: «камень суть не металл, суть не дерево, суть не стекло» и так далее до бесконечности. Таким образом, «бесконечное суждение» априори неспособно обеспечить прирост знания. Предназначение и смысл «бесконечного суждения» иные – *утвердить ограничение*.

Кажущаяся бесполезность данного типа суждения не должна усыплять разум. Это только на эпистемологическом уровне представляется, что «бесконечное суждение» – всего лишь логический курьёз, не дающий никакого адекватного знания о субъекте высказывания. Однако на уровне социальной прагматики суждения такого рода создают определённые эффекты, которые включаются в «совместный запас знания» (А. Шюц). Скажем так: функция *утвердительно-ограничения* играет немаловажную роль в практической организации повседневной жизни людей. Поэтому важно понять не только логический смысл «бесконечных суждений», но и их прагматические резоны.

3. Прагматика «бесконечных суждений»

Итак, нас интересует связь логической формы «бесконечного суждения» с определёнными социальными практиками. Для этого повторим сказанное: если в утвердительном суждении *предикат присуц субъекту*, а в отрицательном *предикат не присуц субъекту*, то в бесконечном суждении *субъекту присуц не-предикат*. Такое суждение создает/обнаруживает нехватку в сущем, о котором говорит. И что важно, такая нехватка *конstitutивна* для субъекта логического высказывания.

Возьмем для примера статую Венеры Милосской. Сказать, что ей не хватает рук (предиката) – значит произвести суждение отрицательного типа. Но всё дело в том, что предикатом Венеры Милосской как культурного артефакта являются не руки, а их отсутствие. Точно так же свободные места за партами демонстрируют не просто отсутствие студентов, но само их *присутствие в качестве отсутствующих*. Именно поэтому неявка студента Иванова, обязавшегося сделать часовой доклад на семинарском занятии, и тем самым «подставившего» группу, становится *субстанциальным отсутствием*. Парадоксальным образом отсутствие Иванова придаёт остроту присутствия каждого, кто не готов к семинару. Иными словами, отсутствие, которое *есть* (не-предикат), играет важную роль в символическом универсуме человека.

Итак, *субстантивация нехватки* – вот главное отличие «бесконечного суждения» от отрицательного, если переходить с эпистемологического уровня (уровня разграничения) на онтологический уровень, как уровень синтеза *позитивной негативности*. Каковы же прагматические резоны этого перехода?

Атрибутирование предмету определенного *не-свойства* является важным элементом современных маркетинговых стратегий (спекуляций). На это обращает внимание во множестве своих работ С. Жижек. Вот что он пишет: «На современном рынке мы находим множество продуктов, лишенных своих злокачественных свойств: кофе без кофеина, сливки без жира, безалкогольное пиво... И список можно продолжить: как насчет виртуального секса как секса без секса, доктрины войны без потерь (с нашей стороны, конечно) Колина Пауэлла как войны без войны, современного переопределения политики в качестве искусства квалифицированного управления как политики без политики, вплоть до терпимого либерального мультикультурализма как опыта Другого, лишенного своей «дружести» (идеализированный Другой, который танцует очаровательные танцы и обладает экологически здоровым, целостным подходом к реальности, тогда как другие особенности, вроде избиения жены, выпадают из поля зрения...)? Виртуальная реальность просто генерализует эту процедуру предложения продукта, лишенного своей субстанции: она обеспечивает саму реальность, лишенную своей субстанции, сопротивляющуюся твердому ядру Реального – точно так же, как кофе без кофеина обладает запахом и вкусом кофе, но им не является, виртуальная реальность переживается как реальность, не будучи таковой» (Жижек 2002, с. 17).

Если придать формально отрицательным суждениям, таким как «кофе без кофеина», «пиво без алкоголя», «сигареты без никотина», форму «бесконечного суждения», то мы увидим их *скрытое*

содержание: «наш кофе есть не-кофеин», «наше пиво есть не-алкоголь», «наши сигареты есть не-никотин». Такие скрытые послания призваны, во-первых, *отделить* рекламируемый продукт от его исходной «субстанциональности» («не-кофеин», «не-алкоголь» и т. д.), а во-вторых, самим способом отграничения скрыть их превращённую сущность. В каждом из приведенных примеров предмет разводят с его сущностной чертой («кофе есть не-кофеин»), но при этом сам предмет остаётся *инкогнито*. Спрашивается, для чего это нужно?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует определить *функции* «бесконечных суждений». Первая и главная функция – десубстантивация реального (исходного) предмета высказывания. Вторая функция – подмена (замещение) реального предмета конструктом (симулякром) и последующая субстантивация этого конструкта. Третья функция – маскировка такой замены, т.е. сокрытие того обстоятельства, что, когда мы пьем «кофе без кофеина», мы не пьем кофе или пьем не-кофе». Наконец, четвертая функция заключается в том, чтобы при позитивном отмежевании субъекта от его некогда «природного» субстрата *безопасно* намекнуть на текущую символическую/идеологическую/когнитивную схематизацию, в которой кажущийся нонсенс имел бы само собой разумеющийся и легитимный смысл. Это свойство «безопасного намёка» указывает на символические координаты, в которых высказывание не оборачивается сущей нелепостью, а является как бы художественным нонсенсом, «минус-приёмом» (Ю. Лотман) – *деланной* бессмыслицей, которая, несмотря на это, становится банальной импликацией в «совместный запас знаний». Коротко говоря, это *легитимация нонсенса* (бессмыслицы).

Все эти функции, вместе взятые, указывают на *позитивный аспект негативного*. Принципиальное отличие «бесконечного суждения» от «отрицательного» заключается в том, что оно не исчерпывается чистым отрицанием, из которого мы не вправе делать никаких последующих допущений. «Бесконечное утверждение» — это ограничение, причем *трансгрессивное* ограничение – жест сознания, обращенный на ускользающий предел. Граница же всегда утверждает то, что она разграничивает. Суждение «дерево не есть камень» принципиально отлично от суждения «дерево есть не-камень» именно тем, что в первом случае не предполагается ничего сверх высказывания (камня нет в дереве и всё!), а во втором предполагается *нечто схожее с камнем и в то же время отличное от него*. В этом заключается позитивная сторона «бесконечного суждения». Она зиждется, во-первых, на том, что «бесконечное суждение» утверждает позитивный смысл *отсутствия* и *нехватки*, где они функционируют как *наличие*. Во-вторых, «бесконечное суждение» проецирует

наше внимание на сферы, к которым отрицаемый предикат точно не относится. Так, формула «кофе есть не-кофеин» провоцирует нас на размышление о том, к чему сводится сущность кофе, если последний может *эффективно* существовать без своего субстрата. Это ставит перед нами вопрос: может ли эффект кофе полноценно заместить само кофе?

Если исходить из рациональной логики общества потребления, то возникновение таких объектов, как «кофе без кофеина» (назовем их объектами «превращенной формы»), служит для того, чтобы расширить линейку товаров, а вместе с ней и сферу приложения капитала. Для этого достаточно воспользоваться формулой «кофе без кофеина – это кофе без вреда». Но если исходить из парадоксальной *логики желания* и заглянуть за подкладку отрицательного суждения (что мы и сделали), то можно засечь скрытое содержание – «кофе без кофеина есть на самом деле не-кофе». В отличие от первого – это объект-инкогнито. Он нужен для того, чтобы обмануть предметно ориентированное желание и таким образом оставить его *неудовлетворённым*. В таком повороте «кофе без кофеина» становится не только «безвредным» продуктом, но предметом для инвестирования «пустого желания», «желания нехватки» (А. Кожев), «перечеркнутого желания» (Ж. Лакан) или несущего в себе потенциал соблазна «непредметного желания» (Ж. Бодрийяр). Суть человеческого желания, отмечал Кожев, не в том, чтобы желать, что *есть*, а в том, чтобы желать, чего *нет*. Желание, утверждал он, «есть реальное присутствие отсутствия: это – пустота, расположенная в полноте и ею уничтожаемая, исчезающая как пустота, т. е. заполняемая тем действием, которое осуществляет или удовлетворяет желание. Таким образом, желать желание – значит желать нечто отсутствующее, ирреальное, пустое в заполненном (материальной) реальностью пространстве – времени» (Кожев 2006, с. 295–296). В этой связи ещё раз приведем суждение Канта: «бесконечные суждения» «всегда говорят только, чего нет».

Правда, Кант не усматривал (по крайней мере, столь явно) *позитивную функцию негативного*, которая между тем находит своё практическое применение в системе символических связей и отношений. «Бесконечное суждение», с одной стороны, скрывает субъект суждения, с другой – раскрывает незримое присутствие тех символических координат, в которых данное суждение не оборачивается полной бессмыслицей. Более того, оно имеет определенный смысл, который заключается хотя бы в том, что, несмотря на то, что кофе уже не есть кофе, мы всё ещё пьем этот напиток.

Является ли это голым номинализмом? Вряд ли. Мы же не употребляем в данном случае чистый знак или «чистый симулякр», как это имеет

место в случае потребления брендов типа «Кока-колы». Скорее, это симулякр третьего уровня (по Бодрийяру) – знак, скрывающий, что оригинала нет, т. е. всё ещё *есть* нечто похожее на кофе, которого уже *нет*.

Между тем такой ответ малоудовлетворителен, так как предполагает различие реального объекта и его заместителя. А что, если такое различие упущено ходом развития цивилизации? Что, если в мире «искусственного мяса» или «искусственного молока», распечатанных на биопринтере, реальные свойства уже забыты? Как понять позитивность такого рода негативных вещей?

Очевидно, что она ограничена социальной прагматикой. В рамках такой (политической) прагматики спортсменам РФ запрещено выступать под флагом РФ, но зато им разрешено выступать под нейтральным флагом. Но в качестве кого? В качестве спортсменов не-РФ. Очевидно, что такой кунштюк, являясь элементом санкционной политики, направлен на разрушение тела государства, частью которого является спорт. Ведь если исходить из того, что олимпийское движение зародилось как мирное соревнование государств-полисов, то выступление под нейтральным флагом (при сохранении существующих правил МОК) уже не есть соревнование, точнее, оно есть не-соревнование. И в такую двусмысленную игру, как в «новую нормальность», всё более и более втягивается современный мир. И здесь самое время вернуться к начальному предмету нашего рассуждения – к игре.

Заключение

Концепция «идеальной игры» Ж. Делёза заслуживает критики не только с точки зрения традиционной логики, где закон «исключённого третьего» имеет полноправную силу, но и с позиции, в которой этот закон ставится под вопрос («недостаточно противопоставлять!»). Иными словами, мы можем рассмотреть концепцию «идеальной игры» с позиции самого автора и таким образом «зайти за спину» Делёзу.

Принимая во внимание эффекты функционирования «бесконечного суждения», мы видим, что Делёз, конечно, ничего не говорит о том, что же такое «идеальная игра», как, в каком виде она вообще возможна. Более того, концепт «идеальной игры» не имеет в виду саму игру, а нацелен на ситуацию порождения смысла, а в более широком взгляде – на границы того нового мировоззрения, одним из главных провозвестников которого он являлся. Путем своего игрового подхода к процессу *неограниченного семиозиса*, путем утверждения *не-правил* в самой игре он подспудно выводит на сцену то, что впоследствии будет названо «новой нормальностью». Утверждение перманентного и стохастического становления, сведение временной

модальности «настоящего» к бессодержательному дискриминанту, к точке, скользящей по поверхности и бесконечно дробящей её на прошлое и будущее – всё это и некоторые другие программные направления мысли, характерные для постмодернистского дискурса, были апробированы в рассмотренной главе «Логика смысла».

Однако остаётся вопрос: почему Делёз для формирования корпуса новой метафизики берёт всё-таки игру? Почему именно игра служит примером отсутствия правил, причинности, последовательности и закономерностей? Напрашивается только один ответ: потому что набор неизменяемых правил и других свойств, перечисленных философом, и *есть субстрат игры*. Неизменные правила игры – это её кофеин. Правила игры, конечно, можно отменить и на ходу придумать новые, но всё дело в том, что это будет уже другая игра! В политике такая замена крайне небезопасна. Игра, как определяет её Делёз, есть «брак между языком и бессознательным» (Делёз 2011, с. 7). Однако уродливые последствия такого бракосочетания его совсем не заботят. Ведь если правила изобретает бессознательное, то результаты такого изобретения могут носить характер благих намерений, которыми усеяна дорога в Ад. Когда второй президент Украины Л. Кучма выдвинул лозунг «Украина не Россия» (Кучма 2003), он высказал формально отрицательное суждение, открывавшее эру сотрудничества двух независимых государств. Однако в нём уже коренилась бессознательная установка быть *не-Россией* или *анти-Россией*, чреватая бесконечной политической конфронтацией и настоящей войной.

Таким образом, «концепция идеальной игры» Делёза заслуживает критики не только потому, что она исходно подрывает себя внутренними противоречиями, но и потому, что Делёз, словно контрабандист, проносит в своё учение скрытую идеологию подмены, о которой он сам как-то высказался весьма откровенно. К. Свасьян приводит это высказывание Делёза со своим едким комментарием: «Известно, что историю философии Делёз с изяществом анекдотического поручика-гусара понимал как "некий способ сношения сзади" (Делёз говорит *ensulage*, что хоть и не составляет труда адекватно озвучить по-русски, но, наверное, всё же не среди философов, а, скорее уж, конюхов или сутенеров). "Я воображал, что подбираюсь к автору со спины и делаю ему ребёнка, который будет его ребёнком и в то же время уродцем". Интересно, а воображал ли он, что в один прекрасный день и к нему подберутся сзади...» (Свасьян 2013, с. 78).

Логика бесконечного ограничения ведет к порождению гибридов, которые являются своеобразными мутациями «второй природы». Современный SmartPhone или iPhone – давно уже

не телефон, потому что с каждым новым витком модернизации его исходная функция (быть средством связи) отграничивается и дополняется другой. В результате гибридизации телефон становится не-телефоном, а «магнитофоном». Затем к нему последовательно добавляются «радио», «калькулятор», «игровая приставка», «компас», «навигатор», «текстовый редактор», «интернет-газета», «кинотеатр», «персональный банкинг», «биржевой терминал» и т.д. В перспективе бесконечного ограничения гибридная вещь есть *«всё» и «ничего из этого»*. И такая логика удивительным образом соответствует логике позднего «цифрового» капитализма, который в силу собственной природы (природы капитала) порождает *новую предметность*. К. Маркс, имевший в виду *экстенсивное* развитие капитализма, увидел предел этого расширения в перспективе глобального рынка. Однако в силу объективных причин он не мог увидеть возможности его расширения «вглубь», в силу которой он *гипотетически* не достигнет предела («Ахиллес не догонит черепаху»). Сегодня новая предметность возникает уже не только в качестве материальных гибридов, но и в качестве гибридизации симулякров. Стоит ли удивляться появлению очередного безалкогольного «пивного напитка» с названием «Виски-Кола», в котором соединены не-алкоголь с не-сахаром и не-кокаином. Еще более захватывающими являются фантазии будущего. Так, в сериале «Два холма», изображающем эко-феминистическое завтра, обитательницы экосистемы уже даже *не пьют* кофе, а закапывают распечатанный на биопринтере прозрачный «напиток» из капельницы прямо в глаза.

Однако проблема не только в гибридизации *вещей*, но и в гибридизации *отношений*, следствием чего становятся гибридная политика, гибридная экономика, гибридная война. Логика бесконечного ограничения порождает всё новые проекции ограничивающие *исходное* состояние мира: «секс без секса», «общество без мужчин» (проект «All-female society» М. Фрай), «мир без насилия» (эко-феминистическая повестка Ф. Добон), «инклюзивный капитализм» как проект «капитализма без отчуждения» (К. Шваб). Если же считать отчуждение (капитализируемой прибавочной стоимости) сущностным признаком капитализма, то «инклюзивный капитализм» – это в подчёркнутом смысле не-капитализм.

Библиографический список

Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи. Москва: Ad Marginem, 2000. 320 с.

Новейший словарь. Постмодернизм / Главный научный редактор и составитель А.А. Грицианов. Минск: Современный литератор, 2007. 816 с.

Делёз Ж. Логика Смысла / пер. с фр. Я.И. Свицкого. Москва: Академический проект, 2011. 472 с.

Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. Москва: ИИНИОН РАН – Intrada, 2001. 384 с.

Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального / пер. с англ. А. Смирного. Москва: Фонд «Прагматика культуры», 2002. 160 с.

Кант И. Венская Логика / пер. с нем. А.М. Харитоновой. Москва: Канон + РООИ «Реабилитация», 2022. 496 с.

Кант И. Критика чистого разума. Соч. в 6 т. Т.2. Москва: Мысль, 1964. 799 с.

Кайуа Р. Игры и люди / пер. с фр. С. Зенкина. Москва: АСТ, 2022. 288 с.

Кожев А. Атеизм и другие работы / пер. с фр. А.М. Руткевича и др. Москва: Праксис, 2006. 512 с.

Кучма Л. Украина – не Россия. Москва: Время, 2003. 560 с.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Москва: Искусство, 1970. 384 с.

Маковельский А.О. История логики. Москва: Кучково поле, 2004. 480 с.

Разинов Ю.А. Небытие в маске или как возможен дискурс негативности // *Mixtura verborum*'2008: Небытие в маске. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2008. С. 54–72.

Свасьян К.А. ...Но ещё не ночь. Москва: Evidentis, 2013. 448 с.

References

Baudrillard, J. (1980), *De la seduction*, Éditions Galilée, Paris, France.

Deleuze, G. (1971), *Logique du sens*, Editions de Minuit, Paris, France.

Caillois, R. (1967), *Les jeux et les homes: le masque et le vertige*, Gallimard, Paris, France.

Gritsianov, A.A. (2007), *Noveishii slovar'. Postmodernizm*, Sovremennyi literator, Minsk, Belarus.

Il'in, I.P. (2001), *Postmodernizm. Slovar' terminov*, INION RAN – Intrada, Moscow, Russia.

Kant, I. (1966), *Wiener Logik*, Kant, Immanuel, Gesammelte Schriften, hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaft, Bd. 24, Walter de Gruyter, Berlin, Germany.

Kant, I. (1998), *Kritik der reinen Vernunft*, Kant Immanuel: Werke in sechs Bänden, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Bd. II, Darmstadt, Germany.

Kojeve, A. (1981), *Esquisse d'une phenomenologie du droit*, Gallimard, France.

Kuchma, L. (2003), *Ukraina – ne Rossiya, Vremya*, Moscow, Russia.

Lotman, Yu.M. (1970), *Struktura khudozhestvennogo teksta*, Iskusstvo, Moscow, Russia.

Makovelsky, A.O. (2004), *Istoriya logiki. Kuchkovo pole*, Moscow, Russia.

Razinov, Yu.A. (2008), Nothingness in a mask, or How the discourse of negativity is possible, *Mixtura verborum*'2008, Samarskaya Gumanitarnaya Akademiya, pp. 54–72.

Svasiyan, K.A. (2013), *No eshche ne noch'*, Evidentis, Moscow, Russia.

Zizek, S. (2004), *Welcome to the Desert of the Real: Five Essays on September 11 and Related Dates*, Verso, London, UK; N.Y. US.

Submitted: 10.01.2024

Revised: 03.02.2024

Accepted: 15.03.2024



DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-1-24-30

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 165:004.8Дата поступления: 10.01.2024
рецензирования: 03.02.2024
принятия: 15.03.2024**Н.А. Ястреб**Вологодский государственный университет,
г. Вологда, Российская Федерация
E-mail: nayastreb@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6635-6008>

Концепции этики искусственного интеллекта: от принципов к критическому подходу

Аннотация: в статье рассматривается проблема определения методологических и концептуальных оснований этики искусственного интеллекта. Показано, что подход, основанный на принципах, базируется на теории вложения ценностей, которая предполагает, что технические объекты могут либо сами быть носителями ценностей, либо, по меньшей мере, способствуют реализации определенных ценностей. При этом он находится в сильной зависимости от заинтересованных сторон и скорее декларирует этичность, чем обеспечивает ее. Личностно ориентированный подход опирается на идею персональной моральной ответственности, однако упирается в проблемы разрыва ответственности и непредсказуемости действий искусственного интеллекта. Предлагается критический подход, в рамках которого предметом этики искусственного интеллекта является воздействие технологий на представления и ценности людей, их поведение и принятие решений. Вводится и рассматривается понятие парадокса масштаба как эффекта от применения искусственного интеллекта, состоящего в том, что множество этически корректных случаев использования технологии может привести к этически неприемлемым последствиям. Показано, что одним из вариантов применения критического подхода может быть исследование установок и стереотипов, связанных в массовом сознании с искусственным интеллектом.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ); этика искусственного интеллекта; этические парадоксы; критический подход в этике; образы искусственного интеллекта.

Цитирование: Ястреб Н.А. Концепции этики искусственного интеллекта: от принципов к критическому подходу // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4. № 1. С. 24–30. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-24-30>.

Благодарности: автор выражает благодарность профессору В.А. Суровцеву за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ястреб Н.А., 2024 – доктор философских наук, доцент, директор института социальных и гуманитарных наук, Вологодский государственный университет, 160035, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15.

SCIENTIFIC ARTICLE

N.A. YastrebVologda State University,
Vologda, Russian Federation
E-mail: nayastreb@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6635-6008>

Artificial intelligence ethics: from principles to the critical approach

Abstract: the article discusses the problem of determining the methodological and conceptual foundations of the artificial intelligence ethics. It is shown that the principled approach is based on the theory of value embedding, which assumes that technical objects can either be the carriers of values themselves, or at least contribute to the realization of certain values. At the same time, it is highly dependent on stakeholders, and it rather declares ethics than ensures it. The person-centered approach is based on the idea of personal moral responsibility. The main problems of the personality-oriented approach are the gap in responsibility and the unpredictability of the actions of artificial intelligence. A critical approach is proposed, according to which the subject of artificial intelligence ethics is the impact of technology on people's ideas and values, their behavior and decision-making. The work introduces and discusses the concept of the scale paradox,

resulting from the artificial intelligence use. This concept states that many ethically correct cases of using technology can lead to ethically unacceptable consequences. It is shown that one of the options for applying a critical approach can be the study of attitudes and stereotypes associated with artificial intelligence in the mass consciousness.

Key words: artificial intelligence; ethics of artificial intelligence; ethical paradoxes; critical approach in ethics.

Citation: Yastreb, N.A. (2024), Artificial intelligence ethics: from principles to the critical approach, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 1, pp. 24–30, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-24-30>.

Acknowledgments: the author express their gratitude professor V. Surovtsev for the assistance provided in the study.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Yastreb N.A., 2024 – Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Head of the Institute of Human and Social Sciences, Vologda State University, 15, Lenin st., Vologda, 160035, Russian Federation.

Введение

За последнее десятилетие практически всеми технологически развитыми странами и крупными IT-корпорациями были разработаны и приняты этические кодексы искусственного интеллекта либо другие документы, декларирующие этические принципы и установки в отношении таких систем. Этому способствовали рост производительности и расширение сферы применения искусственных нейронных сетей, создание моделей широкого назначения (AGI – общий искусственный интеллект), немаловажную роль сыграли и отдельные достижения, заставившие экспертов поверить в то, что искусственный интеллект уже существует. Одним из таких событий стала победа системы в чемпионате мира по игре в Go, победить человека в которой, как считалось ранее, машина никогда не сможет.

В то же время этическое и правовое регулирование систем искусственного интеллекта недостаточно проработано на концептуальном уровне. В литературе можно найти достаточно большое количество работ, посвященных отдельным этическим проблемам искусственного интеллекта, таким как конфиденциальность персональных данных, алгоритмическая предвзятость или охрана авторских прав на объекты, созданные при участии нейросетевых моделей. На этапе разработки первых кодексов мы видим активную экстраполяцию опыта биоэтики и правового регулирования разработки и эксплуатации машин и механизмов (в частности автомобилей) на сферу искусственного интеллекта. Такой подход позволил решить ряд проблем. Однако в силу того, что системы искусственного интеллекта онтологически и функционально радикально отличаются как от живых организмов, так и от механических устройств, построение этических подходов в данной сфере требует более тщательной концептуальной проработки.

На глобальном уровне влияние новых технологий на человека и общество «непрозрачно и

глобально» (Reijers 2023, p. 4) и без разработки методологических и концептуальных основ этики искусственного интеллекта значимый прогресс в данной области невозможен. В современных исследованиях этических проблем искусственного интеллекта можно выделить несколько подходов, каждый из которых имеет свои преимущества и ограничения.

Подход, основанный на принципах

Одной из первых этических систем искусственного интеллекта стал подход, основанный на формулировании и декларировании принципов. В метаисследовании, основанном на анализе 84 кодексов и рекомендаций по этическому искусственному интеллекту, авторы показали, что наиболее часто в документах выделяются принципы прозрачности, справедливости и честности, непричинения вреда, ответственности и конфиденциальности (Jobin 2019).

Подход, основанный на принципах, имеет ряд существенных недостатков. Прежде всего, набор принципов определяется конкретной компанией, государством или любой заинтересованной стороной на основе ее собственных представлений и предпочтений. Кроме того, само толкование принципов может сильно различаться в зависимости от контекста и целей интерпретатора. Также важно отметить, что большинство этих этических кодексов не являются законодательными политическими инструментами и служат руководящими принципами или «мягким правом», не имея обязательной юридической силы. Фактически такой подход позволяет разработчику или владельцу технологии заявить о наличии у него ценностей и этических установок, не требуя обязательного следования им.

Еще одним важным недостатком подхода, основанного на принципах, является то, что практическое применение подобных документов фактически переносит ответственность за последствия действий искусственного интеллекта на коллек-

тивные субъекты, прежде всего на компании-разработчики, делая невозможным установление персональной ответственности. Институциональная ответственность может позволить, например, взыскать с компании или запретить ту или иную систему, но моральная ответственность всегда возлагается на конкретного человека.

Практической реализацией подхода, основанного на принципах, стала концепция этического искусственного интеллекта, в рамках которой ставится задача наделения уже на этапе проектирования и разработки системы искусственного интеллекта ценностями, моральными принципами и установками. Этический ИИ базируется на теории вложения ценностей, которая предполагает, что технические объекты могут либо сами быть носителями ценностей, либо, по меньшей мере, способствуют реализации определенных ценностей (Klenk 2020). Приписывание ценностей самим техническим объектам, которое мы можем встретить в разнообразных декларациях принципов этического искусственного интеллекта, не является в полной мере обоснованным и может привести к серьезным негативным социальным и гуманитарным последствиям. В то же время в силу своей физической организации и функциональной направленности технические объекты конструируют многие виды деятельности человека, а некоторые делают возможными в принципе. Поэтому опосредованно они могут влиять на реализацию тех или иных ценностей, что обязательно должно учитываться в практике регулирования применения этих объектов.

Личностно ориентированный подход

Личностный поворот в этике искусственного интеллекта связан с осознанием того, что без определения персональной моральной ответственности конкретных субъектов за последствия действий искусственного интеллекта, в том числе непредсказуемые, невозможно построение работающих этических систем. Развитие данного подхода затрудняется рядом фундаментальных проблем, ключевыми из которых являются непропорциональные непредсказуемые последствия и разрыв ответственности.

Первая проблема связана с тем, что автономные системы искусственного интеллекта обучаются и действуют в условиях реальной окружающей среды, и внешние факторы могут радикально влиять на последствия их работы. Можно утверждать, что в целом в настоящее время достигнут консенсус относительно того, что системы искусственного интеллекта, вне зависимости от уровня сложности, не обладают субъектностью и не являются носителями моральной ответственности. Однако чем сложнее система и условия среды, в которых она действует, и чем выше уровень ее автономно-

сти, тем более непредсказуемыми могут быть последствия ее работы.

Разрыв в ответственности возникает при возложении ответственности за действия автономных искусственных агентов. С одной стороны, не имея субъектности и не осознавая принимаемые решения, машины не могут быть акторами, на которые возлагается моральная ответственность. С другой стороны, разработчики, инженеры, операторы, владельцы и другие субъекты, участвующие в создании и использовании системы, не могут в полной мере быть ответственны за конкретные последствия, так как степень участия каждого из них зачастую не может быть определена. Так, программист, создающий код для беспилотного оружия, не может прогнозировать все ситуации, в которых может оказаться система. Командир, принимающий решение об использовании беспилотника, не может приказом определить последовательность действий системы. Оператор, управляющий аппаратом, действует в режиме обратной связи в условиях пространственно-временных ограничений. Тот факт, что вина за те или иные негативные последствия часто возлагается на компанию или предприятия, еще сильнее затрудняет установление моральной ответственности за работу систем искусственного интеллекта.

Как отмечают Таддео и Бланшар, определение личной моральной ответственности каждого человека является необходимым условием возможности этики искусственного интеллекта, в частности, в случае применения автоматических систем вооружения (AWS). Важно, чтобы «дизайнеры, разработчики и специалисты по развертыванию взяли на себя значимую моральную ответственность за намеченные действия, осознавая при этом риск того, что могут возникнуть непредсказуемые результаты, и принимая на себя моральную ответственность также за непредсказуемые последствия, которые могут последовать за решением о развертывании автоматических систем вооружения» (Taddeo, Blanchard 2022, p. 16). Принимая на себя эту ответственность и продолжая разработку, люди-агенты совершают моральный гамбит. Они осознают, что в реальных условиях системы могут совершать непредсказуемые действия, но продолжают проектировать, разрабатывать и внедрять их, осознанно «принимая на себя моральную ответственность за непредвиденные результаты AWS и их последствия» (Taddeo, Blanchard 2022, p. 16).

Одним из условий решения данной проблемы является повышение уровня знаний и информированности относительно работы системы у всех участников процесса разработки и применения искусственного интеллекта. На данный момент это часто может быть затруднено из-за распределенного принципа организации разработки, ког-

да каждый участник занят частной задачей и не понимает особенности работы системы в целом, а также вследствие секретности данных, представляющих собой коммерческую или военную тайну. Только субъект, обладающий полной информацией о работе системы, может быть морально ответственным за нее, то есть осознавать последствия своих решений и быть способным влиять на них. В этом смысле сократовский принцип тождественности знания и добродетели в полной мере отражает фундаментальные положения этики искусственного интеллекта.

Установление персональной моральной ответственности сопряжено с рядом трудностей. Сам субъект должен не просто испытывать чувство вины, а знать и осознавать, какие именно его действия и решения привели к наступлению нежелательных последствий. Это означает, что как минимум такие причинно-следственные связи должны быть реконструируемы. Между тем в исследованиях искусственного интеллекта еще в начале разработки методов машинного обучения был выявлен феномен «непрозрачности» принятия решения нейронной сетью в большинстве случаев. Сложность взаимосвязей внутри многослойной нейронной сети делает практически невозможным пошаговое понимание последовательности проводимых в ней вычислений. Кроме того, для объективного обоснованного возложения ответственности на конкретного человека необходимо экспертное заключение, подтверждающее его роль в конечном результате. Для этого опять-таки необходима полнота знаний. То есть эксперт должен быть полностью осведомлен о принципах работы системы и обеспечен доступом ко всем данным о ее действиях. Учитывая инновационность разработок, а также распространенность ограничений из-за коммерческой и военной тайны, в реальности внешние эксперты часто не имеют возможности получения исчерпывающей информации. Институциональная система ограничения доступа к данным тем самым по умолчанию работает на защиту института, будь то коммерческая компания или армия.

Проблема личной ответственности приводит к консервативному парадоксу. Допустим, компания разработала алгоритм, позволяющий выявлять по цифровому следу пользователей, которые в ближайшее время могут совершить попытку суицида. Однако для ее применения необходима передача данных о пользователях в медицинские или психологические службы, которые могут помочь человеку преодолеть кризис. В результате компания, осознавая последствия самовольной передачи данных третьим лицам, не будет использовать систему, которая может спасти жизнь человека, потому что за нарушение законов о персональных данных она будет наказана, а за совершенный

пользователем суицид – нет. Как показывает опыт биотехнологических фармацевтических разработок, такой «потенциально смертельный консерватизм» (Chomanski 2023, p. 10) является сильным фактором, сдерживающим развитие и внедрение технологий.

Критический подход

Современные системы искусственного интеллекта используются для принятия решения о выдаче банковских кредитов, принятии человека на ту или иную должность, возможности условно-досрочного освобождения и многих других социально значимых действиях. Изначально привлечение искусственных систем было вызвано стремлением исключить «человеческий фактор», то есть избежать субъективности и предвзятости людей, а также возможности совершения ошибок из-за невнимательности. Пациенты заменяют психотерапевта-человека чат-ботами, покупатели доверяют рекомендациям, основанным на больших данных, больше, чем отзывам окружающих их людей, специалисты по подбору персонала все больше ориентируются на оценку кандидатов, сделанную на основе анализа их цифрового следа. Объективность, непредвзятость и системность в массовом сознании все больше начинают ассоциироваться с работой машин. Эти особенности искусственного интеллекта, как считалось, дадут возможность совершать рациональные действия, свободные от предрассудков, что повысит эффективность принятых решений. Однако такие системы принятия решений основываются на обучающей выборке и извлекают из нее закономерности, которые могут приводить к дискриминации. Например, машина может отказать в выдаче образовательного кредита на основе почтового индекса, если кандидат живет в неблагополучном районе, или счесть потенциального сотрудника неблагонадежным, если в его списке друзей в социальных сетях есть одноклассники, имеющие проблемы с законом.

Некритичность отношения к технологии проявляется в желании пользователей получать результат, не задумываясь, почему появилась эта технология, какие пробелы она закрывает и закреплению каких ценностей способствует. Как отмечают А. Ракиб и ее соавторы, «проблема состоит не в использовании искусственного интеллекта, а в неизбежной зависимости от технологий, когда становится естественным адаптироваться к технологическим ценностям, а не подвергать их сомнению» (Raquib 2022, p. 4).

Для формирования критического подхода в этике искусственного интеллекта мы должны задать вместо вопроса *как это работает?* спросить себя: *почему наши желания исполняются?* Критический подход к искусственному интеллекту направлен в первую очередь на субъекта, то есть

на человека (Нестеров 2021). Почему мне нравится использовать эту систему; какие мои слабости она использует, какие недостатки преодолевает; какие ценности поддерживает, какие нивелирует и, наконец, какие установки и стереотипы эксплуатирует? Искусственный интеллект не столько создает новые этические проблемы и парадоксы, сколько актуализирует, расширяет и делает заметным то, что уже свойственно человеку и присутствует в обществе. Когда идет речь об этичности беспилотных систем вооружения, уместно вспомнить Л. Мэмфорда с его концепцией мегамшины и задать вопрос о том, чем использование беспилотника принципиально отличается от отдачи командиром приказа солдату, если в значительной степени обучение последнего в армии было направлено на его превращение в орудие исполнения приказа? Тем, что беспилотник не может осудить негуманное решение командира или даже не согласиться с ним. То есть *предметом этики искусственного интеллекта должно быть воздействие технологий на представления и ценности людей, их поведение и принятие решений.*

Одной из методологических трудностей этического анализа искусственного интеллекта является проблема, которую мы назовем парадоксом масштаба (фактически он является вариантом парадокса кучи). Парадокс состоит в том, что множество этически корректных случаев использования технологии может привести к этически неприемлемым последствиям. Например, на рынке появляется образовательная технология, позволяющая реферировать тексты. Для ее использования в образовательном процессе педагог должен проконтролировать безопасность персональных данных обучающихся, соблюдение гигиенических и социальных норм. Допустим, в случаях каждого применения этого инструмента все эти требования выполняются. Через определенное время обнаруживается, что обучающиеся, регулярно применявшие систему, начали утрачивать навыки работы с большими текстами. Более того, они не видят смысла в чтении крупных текстов, ведь их за несколько секунд можно сжать до основных мыслей. Таким образом, применение технологии в образовательном процессе в целом навредило когнитивному развитию обучающихся.

Парадокс масштаба присутствует в истории практически всех значимых информационных технологий – от компьютерных игр до социальных сетей, чье воздействие на человека и общество становится заметным на глобальном уровне. В каждом конкретном случае использования системы искусственного интеллекта такие аспекты, как ценности, цели, идеи, являются слишком абстрактными, чтобы влиять на решение, но при изменении масштаба рассмотрения проблемы они конкретизируются, можно оценить динамику

и последствия технологии. Проблема в том, что процессы внедрения технологий искусственного интеллекта в большинстве случаев являются непрозрачными и необратимыми. Хотя доступ к ChatGPT обычные пользователи получили совсем недавно, уже сейчас мы видим глобальные последствия для системы образования и многих других, которые фактически принимаем как данность, так как отменить их не получится. К тому времени, когда вред технологии становится заметным, исправлять или отменять ее уже слишком поздно. Использование умных лент социальных сетей для манипулирования общественным мнением, распространение множества фейковых изображений, аудио- и видеофайлов, полученных с помощью нейросетей, и многие другие примеры демонстрируют, что, несмотря на кажущуюся безобидность конкретных случаев использования, «результаты применения технологий искусственного интеллекта зачастую непрозрачны, но в то же время радикальны, необратимы и широко распространены» (Raquib 2022, p. 5).

Одним из вариантов применения критического подхода может быть исследование установок и стереотипов, связанных в массовом сознании с искусственным интеллектом. Визуальные образы массовой культуры поддерживают ряд стереотипов, демонстрируя изображения искусственного интеллекта как сильного беспристрастного воина или героя картины Микеланджело, протягивающего руку помощи человеку. Более того, такие установки активно поддерживаются и транслируются в том числе и научным сообществом через визуальное сопровождение презентаций, сайтов и страниц, связанных с тематикой искусственного интеллекта. А. Ромеле называет само использование таких изображений неэтичным и обращает внимание на то, что «в то время как этика научной коммуникации обычно поощряет практику таких добродетелей, как скромность, смирение, искренность, прозрачность, открытость, честность и щедрость, стандартные изображения и другие популярные визуальные изображения ИИ являются высокомерными, напыщенными и самоуверенными» (Romele 2022, p. 16).

Представления людей об искусственном интеллекте формируют онтологическую основу их взаимоотношений с умными устройствами, и влияют через социальные ожидания на разработку самих интеллектуальных систем. Анализ представлений и ожиданий людей относительно искусственного интеллекта может дать точку отсчета для проработки концептуальных основ этики искусственного интеллекта. Вместо высмеивания страхов бунта машин и порабощения человечества можно выявить установки, лежащие в их основе. Осознание того, что «невозможно разработать какое-либо комплексное понимание

искусственного интеллекта, не принимая во внимание представления об искусственном интеллекте» (Romele 2022, p. 2), создает новое направление в этике, рассматривающее искусственный интеллект как «технологическое воображение и его последствия» (Romele, p. 3).

Заключение

Развитие систем искусственного интеллекта не просто актуализирует проблему этического регулирования в сфере высоких технологий. Внедрение интеллектуальных систем ставит задачу пересмотра этических норм в областях, выходящих за пределы сферы информационных технологий. Включаясь в практики повседневной коммуникации людей, заботы о здоровье, профессиональную деятельность и образование, искусственный интеллект «подсвечивает» и обостряет непроявленные аспекты человеческих взаимоотношений. Методологической основой этических исследований искусственного интеллекта должен стать критический анализ совместного действия и взаимовлияния человека и машин. Ответы на вопросы о том, почему люди стремятся передать машине ту или иную функцию или почему они доверяют боту больше чем врачу, позволят нам прогнозировать долгосрочные последствия внедрения технологии и формировать осознанное отношение людей к использованию искусственного интеллекта.

Библиографический список

- Chomanski, B. (2023), A Moral Bind? – Autonomous Weapons, Moral Responsibility, and Institutional Reality, *Philosophy & Technology*, vol. 36 (41), pp. 1–14, DOI: <https://doi.org/10.1007/s13347-023-00647-2>.
- Elder, A. (2020), Conversation from beyond the grave? A neo-confucian ethics of chatbots of the dead, *Journal of Applied Philosophy*, vol. 37 (1), pp. 73–88, DOI: <https://doi.org/10.1111/japp.12369>.
- Flick, C. and Worrall, K. (2022), The Ethics of Creative AI, *The Language of Creative AI. Springer Series on Cultural Computing*, Vear, C., Poltronieri, F. (eds), Springer, Cham: Springer International Publishing, pp. 73–91, DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-10960-7_5.
- Foot, P. (1967), The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect, *Oxford: Review*, vol. 5, pp. 1–7.
- Howard, D. (2018), Technomoral Civic Virtues: a Critical Appreciation of Shannon Vallor’s Technology and the Virtues, *Philosophy & Technology*, vol. 31, pp. 293–304.
- Jobin, A., Ienca, M. and Vayena, E. (2019), The global landscape of AI ethics guidelines, *Nature Machine Intelligence*, 2019, vol. 1, pp. 389–399. DOI: <https://doi.org/10.1038/s42256-019-0088-2>.
- Klenk, M. (2020), How Do Technological Artefacts Embod Moral Values? *Philosophy & Technology*, vol. 2, pp. 524–544, DOI: <https://doi.org/10.1007/s13347-020-00401-y>.
- Nyholm, S. (2018), Attributing Agency to Automated Systems: Reflections on Human–Robot Collaborations and Responsibility-Loci, *Science and Engineering Ethics*, vol. 24, pp. 1201–1219, DOI: <https://doi.org/10.1007/s11948-017-9943-x>.
- Ochigame, R. (2019), The invention of “ethical AI”: how big tech manipulates academia to avoid regulation, *The Intercept*, [Online], available at: <https://theintercept.com/2019/12/20/mit-ethical-ai-artificial-intelligence/> (Accessed 06 Jan 2024).
- Raquib, A., Channa, B., Zubair, T. et al. (2022), Islamic virtue-based ethics for artificial intelligence, *Discover Artificial Intelligence*, vol. 2 (11), pp. 1–16, DOI: <https://doi.org/10.1007/s44163-022-00028-2>.
- Reijers, W. (2023), Technology and Civic Virtue, *Philosophy & Technology*, vol. 36, pp. 1–22, DOI: <https://doi.org/10.1007/s13347-023-00669-w>.
- Romele, A. (2022), Images of Artificial Intelligence: a Blind Spot in AI Ethics, *Philosophy & Technology*, vol. 4 (35), DOI: <https://doi.org/10.1007/s13347-022-00498-3>.
- Taddeo, M. and Blanchard, A. (2022), Accepting moral responsibility for the actions of autonomous weapons systems – A moral gambit, *Philosophy & Technology*, vol. 35 (3), pp. 1–24.
- Vallor, S. (2016), *Technology and the Virtues: A Philosophical Guide to a Future Worth Wanting*, Oxford University Press, Oxford, 309 p.
- Нестеров А.Ю. Проблема субъекта в искусственной природе // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 2. С. 22–28.

References

and the Virtues, *Philosophy & Technology*, vol. 31, pp. 293–304.

Jobin, A., Ienca, M. and Vayena, E. (2019), The global landscape of AI ethics guidelines, *Nature Machine Intelligence*, 2019, vol. 1, pp. 389–399. DOI: <https://doi.org/10.1038/s42256-019-0088-2>.

Klenk, M. (2020), How Do Technological Artefacts Embody Moral Values? *Philosophy & Technology*, vol. 2, pp. 524–544, DOI: <https://doi.org/10.1007/s13347-020-00401-y>.

Nyholm, S. (2018), Attributing Agency to Automated Systems: Reflections on Human–Robot Collaborations and Responsibility-Loci, *Science and Engineering Ethics*, vol. 24, pp. 1201–1219, DOI: <https://doi.org/10.1007/s11948-017-9943-x>.

Ochigame, R. (2019), The invention of “ethical AI”: how big tech manipulates academia to avoid regulation, *The Intercept*, Url: <https://theintercept.com/2019/12/20/mit-ethical-ai-artificial-intelligence/> (дата обращения 06.01.2024).

Raquib, A., Channa, B., Zubair, T. et al. (2022), Islamic virtue-based ethics for artificial intelligence, *Discover Artificial Intelligence*, vol. 2 (11), pp. 1–16, DOI: <https://doi.org/10.1007/s44163-022-00028-2>.

Reijers, W. (2023), Technology and Civic Virtue, *Philosophy & Technology*, vol. 36, pp. 1–22, DOI: <https://doi.org/10.1007/s13347-023-00669-w>.

Romele, A. (2022), Images of Artificial Intelligence: a Blind Spot in AI Ethics, *Philosophy & Technology*, vol. 4 (35), DOI: <https://doi.org/10.1007/s13347-022-00498-3>.

Taddeo, M. and Blanchard, A. (2022), Accepting moral responsibility for the actions of autonomous weapons systems – A moral gambit, *Philosophy & Technology*, vol. 35 (3), pp. 1–24.

Vallor, S. (2016), *Technology and the Virtues: A Philosophical Guide to a Future Worth Wanting*, Oxford University Press, Oxford, 309 p.

Nesterov, A. (2021), The problem of the subject in artificial nature, *Gumanitarnyj Vektor*, vol. 16, no. 2, pp. 22–28.

Submitted: 10.01.2024

Revised: 03.02.2024

Accepted: 15.03.2024



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1-14

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-1-31-42

Дата поступления: 18.12.2023
рецензирования: 31.01.2024
принятия: 01.03.2024

Г.Ю. Карпенко

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: karpenko.gennady@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7325-2802>

**Радуга как «знамение завета» в духовной лирике И.А. Бунина:
семиотика сакрального
Статья 2. «Свод радуги – Творца благоволенья...»,
«Две радуги – и золотистый, редкий Весенний дождь»**

Аннотация: в стихотворениях И.А. Бунина «Две радуги» и «Радуга» сакральное и ценности, его обозначающие, возникают как проявление «библейской памяти» и «литургического воспоминания» писателя. Первый источник: «Я полагаю радугу Мою в облаке, чтобы она была знамением вечно-го завета между Мною и между землею» (Библия). Второй источник – молитва бунинского детства «Свете Тихий». Соотнесение «закатного света» субъекта переживания с вечной радостью литургического песнопения «Свете Тихий» вскрывает глубинный пласт авторской таящейся надежды быть подобным, «претвориться», или, если иметь в виду призвание «Света Тихого», «совоскреснуть». Сам человек, «Исполненный Господней благодати», становится «местом» завета. Стихотворения Бунина о радуге как о знамении завета есть высказывание, воплощающее связь с «онтологией» восприятия и толкования «знаков» Божественного присутствия «здесь и сейчас». Стихотворения есть отражение особой сферы духовного мировосприятия человека, выражение глубин и высот национального самосознания, не порвавшего еще с опытом религиозного переживания и нашедшего осуществление в «оздоровительной» художественной форме (в духовной лирике). Освобождение же человека от «предрассудков» сакрального, по словам К.Г. Юнга, открывает ему ворота в «преисподнюю» подсознательного, ставит его под власть психического «ада», откуда он возвращается «упраздненным» и упраздняющим «знаком».

Ключевые слова: Бунин; Библия; иерофания; иеротопия; радуга как знамение завета; анагогические смыслы; узнавание; необходимость сакрального.

Цитирование: Карпенко Г.Ю. Радуга как «знамение завета» в духовной лирике И.А. Бунина: семиотика сакрального. Статья 2. «Свод радуги – Творца благоволенья...», «Две радуги – и золотистый, редкий Весенний дождь» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4. № 1. С. 31–42. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-31-42>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Карпенко Г.Ю., 2024 – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

G.Yu. Karpenko

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: karpenko.gennady@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7325-2802>

**The rainbow as a "sign of the covenant" in I.A. Bunin's spiritual lyrics:
semiotics of the sacred. Article 2. "The arch of the rainbow –
the Creator's favor...", "Two rainbows – and a golden, rare Spring rain"**

Abstract: I.A. Bunin's poems "Two Rainbows" and "Rainbow" comprise the sacred and the values, which denote it, arising as a manifestation of biblical memory and liturgical recollection of the writer. The first source:

"I place my rainbow in the cloud for it to be a sign of the everlasting covenant between me and the earth" (The Bible). The second source is the prayer of Bunin's childhood "Quiet Light". The correlation of the "sunset light" of the experience subject with the eternal joy of the liturgical chant "Silent Light" reveals the deep layer of the author's hidden hope to be similar, "to transform", or, if we mean the vocation of the "Quiet Light", "to co-rise". The person himself, "Filled with the Lord's grace," becomes the "place" of the covenant. Bunin's poems about the rainbow as a sign of the covenant are a statement that denotes and embodies the connection with the "ontology" of perception and interpretation of the "signs" of the Divine presence "here and now". The poems reflect a special sphere of a human spiritual world perception, express the depths and heights of national consciousness, having not broken with the experience of religious experience yet and having realized in a "health-improving" artistic form (in spiritual lyrics). According to C.G. Jung, the liberation of the person from the "prejudices" of the sacred opens the gates to the "underworld" of the subconscious, puts him under the power of the psychic "hell", where it returns from being "abolished" and abolishing "sign".

Key words: Bunin; Bible; sacred; hierophany; rainbow as a testament; hierotopia; spiritual lyrics; analogic meanings; recognition; the need for commentary.

Citation: Karpenko, G.Y. (2024), The rainbow as a "sign of the covenant" in I.A. Bunin's spiritual lyrics: semiotics of the sacred. Article 2. "The arch of the rainbow – the Creator's favor...", "Two rainbows – and a golden, rare Spring rain", *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 1, pp. 31–42, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-31-42>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Karpenko G.Yu., 2024** – Doctor of sciences in Philology, Professor, Professor of Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Предмет предлагаемой статьи – конкретное выражение сакрального в двух стихотворениях И.А. Бунина, которые начинаются словами «Свод радуги – Творца благоволение...», «Две радуги – и золотистый, редкий Весенний дождь».

При вхождении в сакральное пространство человек должен или узнать «знаки» его проявления, или должен быть предупрежден, что «это место» – место священное, опять-таки предупрежден с той целью, чтобы видеть, научиться видеть-узреть сакральное и в лучшем случае быть причастным к нему, «быть здесь» хотя бы в восприятии-переживании «частью», «живой частицей» этого «общего дела» (литургии).

Конечно, хорошо, когда есть кому предупредить, что «здесь» «земля святая»: «И сказал Бог: не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исход 3: 5).

Но как быть человеку «здесь сегодня», когда предупредить вроде бы некому: «...современный человек лишил священного свой мир и принял светское существование. Достаточно лишь отметить, что эта утрата священности характеризует весь опыт нерелигиозного человека в современных обществах и что вследствие этого современный человек ощущает все более серьезные затруднения в понимании масштабов бытия» (Элиаде 1994, с. 18–19).

О том, что сакральное есть, бытийствует, предупреждают тексты и контексты культуры, продолжающие неустраимо хранить «знаки» священного и творить иеротопию для всякого чуткого

человека, восстанавливая тем самым в нем «понимание масштабов бытия».

Парадоксально, но точно: «масштаб бытия» – это не его количественное измерение и не его качественные характеристики, а духовное. По этому поводу М. Элиаде пишет: «Между элементарной иерофанией, например проявлением священного в каком-либо объекте, камне или дереве, и иерофанией высшего порядка, какой является для христианина воплощение Бога в Иисусе Христе, есть очевидная связь преемственности. И в том и другом случае речь идет о таинственном акте, проявлении чего-то “потустороннего”, какой-то реальности, не принадлежащей нашему миру, в предметах, составляющих неотъемлемую часть нашего “естественного” мира, т.е. в “мирском”» (Элиаде 1994, с. 17).

Вот о такой «элементарной иерофании», сохраняющей «очевидную связь преемственности» с «иерофанией высшего порядка» – о сакральном содержании двух стихотворений Бунина – и пойдет речь в данной статье.

Постановка проблемы и определение понятий

В предыдущей статье, посвященной типологическому описанию сакрального в творчестве Бунина, была обоснована возможность присутствия сакрального в тексте и показаны «механизмы» (сущности) и минимально-достаточная структура его выражения «Только я да Бог» (Бунин 1965–1967, т. 8, с. 25), а также был поставлен вопрос ситуативно-качественного порядка: хорошо, когда сакральное в «сверхзнаках» обнаруживается («И

сказал Бог: место, на котором ты стоишь, есть земля святая»); а как быть, если «не сказал Бог», а «земля», на которой «я» стою, нейтральна, то есть в ней есть «знаки» сакрального, которые «я» не замечаю, не «считываю». И повторим: одно дело, когда в художественном тексте Бунина наличествует «И сказал Бог», есть сверхсущностная духовная «реалия», узнаваемая по Имени своему и по месту в ценностной иерархии мира (волей-неволей сакральное «сверхзнаково» Именем обозначено), и другое дело – и как быть в таком случае, – когда в пространство текста «падают» «образы» природы (радуга, небо, океан) или привычные продукты (хлеб, вино), которые «с первого взгляда» вне религиозного контекста и узнавания к духовным реалиям никак не отнесешь, но которые такими являются. Есть только один путь – нужно увидеть, опознать: «...и виждь и внемли / Исполнись волею моей» (Пушкин 1977–1979, т. 2, с. 304). А увидеть можно только через соотнесение «малого» с «большим» на основе равной доли Его присутствия в том и в другом (Беркли 1913), через «очевидную связь преемственности» с «иерофанией высшего порядка». В Евхаристии такая «доля», «частица» называется таинством «пресуществления», «преложения».

Чтобы прояснить мысль и было понятно, о чем идет речь, о каком «пресуществлении» природного в духовное, обратимся к литургическому опыту Церкви. Протопресвитер и богослов о. Александр (Шмеман) в работе «Евхаристия: Таинство Царства» пишет: «Хлеб и вино. Принося и полагая на престол эти смиренные человеческие дары – нашу земную пищу и питье, – мы совершаем, часто и не думая об этом, то древнейшее, исконнейшее священнодействие, которое с первых дней человеческой истории составляло сердцевину всякой религии, – мы приносим жертву Богу» (Шмеман 2006, с. 50).

В другом месте о. Александр (Шмеман) словами молитвы ходатайства, «дошедшей до нас в византийском литургическом предании», в Литургии св. Василия Великого, объясняет суть «претворения», «преложения» в «двухактном» действии («священнодействии»): Бог своей «жертвой» возвращает в преумноженном виде ту «жертву Богу», которую мы Ему принесли и которую «мы» обнаруживаем в себе посредством этих же самых даров в «пресуществленном» виде – в виде жертвы благодати (с Его стороны) и нашей неизрекаемой радости «быть здесь» (Шмеман 2006, с. 116–118): «Нас же всех, от единого Хлеба и Чаши причащающихся, соедини друг ко другу во единого Духа причастие...» (Шмеман 2006, с. 118); (Булгаков 1930, № 20, с. 3–46; № 21, с. 3–33).

Бунин понимал и переживал смысл производимых во время литургии слов о причастии. Он всю свою жизнь уподоблял таинству Евхаристии:

«Жизнь моя – трепетное и радостное причастие вечному и временному, близкому и далекому, всем векам и странам, жизни всего бывшего и сущего на этой земле, столь любимой мною. Продли, Боже, сроки мои!» (Бунин 1965–1967, т. 5, с. 314–315).

Эту же мысль о преобразении пространства, о явленности иеротопического «здесь и сейчас» можно выразить и в обобщенной, отстраненно научной форме. М. Элиаде, выделяя священное и противопоставляя его мирскому, тем не менее вскрывает сущность проступания в мир духовного: «Всякое священное пространство предполагает какую-либо иерофанию, некое вторжение священного...» (Элиаде 1994, с. 25).

Слово «иерофания», вводимое М. Элиаде для обозначения сакральных пространств, как нельзя полно удерживает комплексы смыслов, «очерчивающих», определяющих это пространство. Если ориентироваться на авторитетный для XIX века словарь И.Ф. Синайского, то составляющие компоненты слова «иерофания» значат: *ierós* – «божественный, священный, святой, освященный, посвященный» и в локализации – «святыня, храм» (Синайский 1879, ч. 1, с. 365); *faíno* – «являю, показываю, делаю видимым, произвожу, произношу, даю услышать, звучу; обнаруживаю, доказываю; делаю ясным...» (Синайский 1879, ч. 2, с. 264).

С реалиями (природными явлениями) в духовной лирике совершается тоже нечто «литургическое». Там, «претворяясь», они обнаруживают в себе уже и священное, существуют в иеротопии, в сакральном пространстве, участвуют в его образовании: обретают в себе высшую свою сущность в свете Бога и в соотнесении с Ним и, «пресуществляя» уже текст (лирику), наделяют его другим статусом и содержанием: иерархически ценностно его выстраивают, дают «качество» и определяют человеку «место соизмерения» с абсолютным. В результате такого «семиотического священнодействия» текст становится реально духовным, то есть все антропологизированные отношения и связи в мире, не утрачивая своей реальности, «перестраиваются» – насыщаются смыслами Его присутствия: радостью, благодарением и надеждой.

Ход исследования

Как реальность обычного (природного) становится в тексте «пресуществленным» «знаком» духовной действительности, соединяющим в себе, в своей явленности материальность природного и духовность небесного, можно обнаружить в стихотворениях Бунина «Две радуги» (1903–1906) и «Радуга» (1922).

«Радуга»

Так как в первом стихотворении – «Две радуги» – «пресуществление» менее заметно и даже

скрыто, а в «Радуге» оно изображено со всей очевидностью полноты Божьего присутствия, то целесообразно в объяснительно-методических целях обратиться вначале именно ко второму стихотворению:

Свод радуги – Творца благоволенье,
Он сочетает воздух, влагу, свет –
Всё, без чего для мира жизни нет.
Он в чёрной туче дивное виденье
Являет нам. Лишь избранный Творцом,
Исполненный Господней благодати, –
Как радуга, что блещет лишь в закате, –
Зажжётся пред концом. (т. 8, с. 12)

Н.И. Макарова, рассматривая христианскую символику радуги и передавая общее настроение от созерцания природной радуги, явленность которой соизмерима с чудом, пишет: «...появление радуги в виде величавой небесной дуги, окрашенной сияющими цветами, вызывает ощущение чуда» (Макарова 2019, с. 411).

Но в стихотворении Бунина радуга вызывает переживания тройного чуда: радуга и природное явление, и Божье благоволение, но в первую очередь она есть вечное «напоминательное свидетельство» человеку о высшей реальности: радуга прежде всего есть «Творца благоволенья» – она не сама по себе.

Как видим, уже в первой стихотворной строке благодаря соподчинительному соотношению радуги с Творцом, благодаря энергии «претворения» радуга становится не просто природным явлением, а благоволением Творца, – восходит к другому – сакральному – пространству (точнее – к «точке» порождения его), освещает и освящает его.

Первая строка, чтобы семантически и духовно (религиозно, «связно», так как религия есть связь между человеком и высшей реальностью) быть проясненной, требует и конкретного библейского контекста, – только тогда она может отозваться в сознании читающего более глубокими смыслами и определенными переживаниями. Она есть краткая поэтическая реминисценция, напоминание о завете Бога с человеком, о котором впервые говорится в книге Бытия. Радуга – знамение завета Бога с Ноем, которому было даровано спасение после потопа: «И сказал Господь Бог: вот знамение завета, который Я поставлю между Мною, и между вами, и между всякою душою живою, которая с вами в роды навсегда. Я полагаю радугу Мою в облаке, чтобы она была знамением вечного завета между Мною и между землею. И будет, когда Я наведу облако на землю: то явится радуга Моя в облаке, и Я вспомню завет Мой <...> и не будет более вода потопом на истребление всякой плоти» (Бытие 9: 12–15).

Толкование данного откровения Господа нужно доверить иерарху Русской Церкви святителю

Филарету (Дроздову), тем более что святитель при раскрытии смысла завета Бога с Ноем использует «семиотический подход»: «Царство благодати и веры Бог обновляет *заветом*, который он обещал <...> Предмет завета есть обещание сохранения со стороны Бога, а со стороны человека – верование обещанию и соединенному с ним знаку. Сие, одною верою постигаемое, сопряжение невидимой вещи с видимым знаком составляет самую отличительную черту сего завета, без которой он был бы только благословением или обетованием в царстве природы, но которая дает ему свойство таинственное и благодатное. *Слово и Таинство* суть существенные принадлежности *Церкви*. Знамением завета избрана *дуга в облаке*. Сопутствуя обыкновенно дождю, она долженствовала представлять человекам образ начинающегося потопа, но Бог хочет, чтобы она уверяла их о безопасности от потопа. Такое сопряжение знака с означаемым особенно отражает в себе свойство завета. Являя знамение безопасности в самом действии опасности, Бог сколько возвышает благодать, столько искушает веру <...> Дуга, как печать завета сего, есть образ благодатного действия в душах *Солнца правды* (Мал 2). Три главные цвета радуги: огненный, червлёный и смарагдовый (зелёный), изображают огонь Божия правосудия, кровь Христову, Его угашающую, и благодатное обновление жизни» (Филарет 2004, с. 244–245).

Стихотворения Бунина о радуге как о знаменнии завета есть высказывание, обозначающее и воплощающее связь с «онтологией» восприятия и толкования «знаков» Божественного присутствия «здесь и сейчас». Оно само по себе есть запечатление особой сферы духовного мировосприятия человека, выражение глубин и высот национального самосознания, не порвавшего еще с опытом религиозного переживания и нашедшего осуществление в «оздоровительной» художественной форме (в духовной лирике).

В стихотворении Бунина радуга – это не только природное чудо, созерцать которое может «физический глаз», и даже не только «знамение вечного завета» между Богом и человеком. Она именно «Творца благоволенья». Бунин предельно эмоционально-духовно точен в переживании сути отношения Бога к человеку. Господь не просто сказал и совершил, а проявил благоволение: «Когда люди видят радугу после бури, они могут успокоиться, вспомнив, что “не будет более вода потопом на истребление всякой плоти” (Быт 9: 15). Таким образом здесь радуга играет роль образа Божьей милости и мира после бури суда» (Словарь 2005, с. 974).

Важно наметить и масштаб, историческую глубину, укорененность бунинского восприятия в религиозной традиции прошлого. В связи с этим следует привести предписания Талмуда, точно передающие иерархию отношений при созерцании

радуги: «Увидя радугу, произносят: “Благословен Верный Своему завету”» (Талмуд 1902, т. 1, с. 33). Все эти (и другие) источники одинаковым образом сообщают радость переживания абсолютно сокровенной связи человека и Бога: душевное ликование вызывает не только (не столько) сама радуга, а Его благоволение, явленное в радуге, Его милость к человеку: Человек! Не будет больше потопа – так Господь обещал, «сказал Бог».

Примечательно, что Бунин в «знаках» Его присутствия («Он сочетает воздух, влагу, свет – / Всё, без чего для мира жизни нет. / Он в чёрной туче дивное виденье / Являет нам») пробуждает как чувства благодарности Творцу, так и «библейскую память» читателя, которая может отсылать к религиозному опыту и традиции, в данном случае, например, к видению в книге пророка Иезекииля и к Откровению Иоанна Богослова.

В книге пророка Иезекииля описывается видение пророком славы Господней: «...отверзлись небеса, и я видел видения Божии <...> И я видел, и вот, бурный ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него <...> и ниже я видел как бы некий огонь, и сияние было вокруг него. В каком виде бывает радуга на облаках во время дождя, такой вид имело это сияние кругом» (Иезекииль 1: 1, 4, 27–28).

В изображениях, основанных на видении Иезекииля, радуга связана с Богом во славе («было подобие престола по виду как бы из камня сапфира» (Иезекииль 1: 26), а в целом картина видения строится на нераздельном противопоставлении, соотношении грозного, устрашающего и сияющего: «бурный ветер» и «великое облако», с одной стороны, и с другой – «клубящийся огонь», «сияние». Библейское цветовое сопряжение противоположного, соединенного в Боге, сохраняется и в стихотворении Бунина: «Он в черной туче дивное виденье являет нам...» («...отверзлись небеса, и я видел видения Божии»).

Неслучайность (и/или возможность) контекстного присутствия «образов» Откровения Иоанна Богослова в стихотворении «Две радуги» поддерживается устойчивым интересом Бунина к этому источнику. В 1901 году им создается стихотворное переложение четвертой главы Откровения Иоанна «Из Апокалипсиса»: «И радуга, подобная смарагду, / Его престол широко обняла...» (т. 1, с. 156) – «...и радуга вокруг престола, видом подобная смарагду» (Откровение 4:3). Примечательно, что Бунин эсхатологическую тональность Апокалипсиса в «присутствии» радуги преобразует в настроение надежды на благодать: «Исполненный Господней благодати».

В стихотворениях «Две радуги» и «Из Апокалипсиса» совпадают не только духовные «предметности» (радуга), но и мотивы креативного благоволения Творца: «Он сочетает воздух, влагу,

свет – Всё, без чего для мира жизни нет» – «Затем, что все Тобой сотворено / И существует волею Твоею!» (т. 1, с. 157).

Композиционно стихотворение трехмерно. В первой – однострочной (нимбообразной) – части «Свод радуги – Творца благоволение...» обозначен первично-сущностный и высший уровень теоантропных смыслов бытия, дан «нимб» («дуга») бытия: радуга есть благоволение Творца, его теплое участие в жизни человека, его забота о нем, его обещание в виде природного чуда, что не прольется вода потопом на землю, – и влага неба для блага человеку.

Во второй части стихотворения показано проявление жизнеспособной воли Творца: «Он сочетает воздух, влагу, свет – / Всё, без чего для мира жизни нет». Это есть и обозначение онтологического процесса житетворения, который композиционно (в этой части) завершается опять-таки возвращением-напоминанием «нам» о благоволении Творца: «Он в чёрной туче дивное виденье / Являет нам».

Особенностью бунинского изображения процесса творения является его антропологизация: человек (его взгляд, переживание, видение) включен в процесс творения и в «напоминательные» явления природы. Это характерно для всего творчества Бунина: «Но бездны страх – он не исчез» (т. 1, с. 158); «Я в бездне был, я жил кошмаром» (т. 1, с. 463).

В третьей содержательной части стихотворения нам открывается «автобиографизм» переживания: антропологическое дополняется биографическим. Герой ощущает свою избранность Творцом: как радуга есть благоволение Творца, так и он исполнен «Господней благодати» и подобен радуге – «знамению вечного завета»: он «частица» этого Божьего мира (что естественным образом реализуется в творчестве Бунина в мотивах «легкого дыхания», Атмана, «помнящего сердца») и в многочисленных лирических откровениях как в стихах, так и в прозе).

Такое обозначение человека как знамени («места» завета) не противоречит ни религиозной, ни тем более художественной логике и открывает возможность расширительного толкования символики двух радуг, если учитывать еще и контекст функционирования образа радуги в других стихотворениях Бунина. Варианты такого трехзначного толкования двух по смыслу различающихся и соотносимых образов радуг, поддерживаемые содержанием бунинской лирики, таковы: 1) природная радуга: «Вон радуга... Весело жить...» (т. 1, с. 119); «Перед закатом набежало / Над лесом облако <...> На взгорье радуга упала / И засверкало все вокруг» (т. 1, с. 167), – и библейская (ветхонная и новозаветная); 2) одна радуга ветхозаветная, она напоминает о потопах и символизирует обещание

Бога не посылать больше потопа, другая – новозаветная радуга, соотносимая с молитвой «Свете Тихий», она дает человеку возможность переживать любовь как дар («Ты дал мне видеть и любить»); 3) в третьем варианте «прочтения» двух радуг сам человек становится природно-духовным знаменем, «средоточием» божьей заботы и любви: «Исполненный Господней благодати», он становится «местом» завета, «местом» «пресуществления в духе» (Топоров 1994, с. 43), что и вызывает у него чувство благодарения.

Но как ни толковать символику двух радуг, они обозначают высокое чувство переживания перехода-соединения: обретения в природном божественного, в Сыне – Отца, в человеке – Его образ.

Конечно, нужно помнить, что религиозное сознание хотя и символично, но и канонично, придерживается своего круга представлений и толкований, но в данном случае – восприятие радуги священнослужителем – нисколько не отменяет и бунинского расширительного «канона»: «Радуга, подобно дуге или мосту, переброшенным между некими двумя берегами или краями, означает и связь между Ветхим и Новым Заветами и «мост» между жизнью временной и вечной в Царстве Небесном» (Настольная книга 1983, т. 4, с. 150–151).

В третьей части стихотворения намечаются едва заметные, но ощутимые семантические изменения (переходы), вбирающие в себя продолжение-смену духовного кода от ветхозаветного к новозаветному. Здесь актуализированы такие ценности, как Господня благодать, блеск радуги (свет) в закате, – усилено то, что С.Н. Булгаков назвал «Светом невечерним» (Булгаков 1917). Все эти узнаваемые «знаки» переключают восприятие и отсылают уже к евангельскому контексту и литургическому переживанию: «Свете Тихий святая Славы Безсмертного Отца Небесного, Святаго Блаженного, Иисусе Христе, пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поем Отца, Сына и Святаго Духа Бога. Достоин еси во вся времена пет быти гласы преподобными, Сыне Божий, живот даяй, темже мир Тя славит» («Свете Тихий» 2008, с. 558).

Возможность и естественность такого перехода – включение смыслов и настроений литургического песнопения «Свете Тихий» в состав стихотворения – не должны восприниматься как «натяжка», как желание что-то навязать «нашему» пониманию. Наоборот, для художественного сознания Бунина «Свете Тихий» становится духовно-семантическим кодом, «литургическим воспоминанием» детства:

Любил я в детстве сумрак в храме <...>
И в час, когда хор тихо пел
О «Свете Тихом», – в умиленье
Я забывал свои волненья
И сердцем радостно светлел... (т. 1, с. 63)

Можно говорить о характерной особенности художественного сознания Бунина воспринимать мир в «магическом кристалле» «литургического воспоминания», из духовно-ценностного пространства богослужебного гимна «Свете Тихий», преобразуя себя, приобщая к нему и явления окружающего мира.

«Литургическое воспоминание», как и любое другое воспоминание, может находиться в активной зоне сознательного порождения подобных образов (образов, связанных с источником воспоминания) или в подсознательной: но в любом случае оно порождает подобное (по такому же психоментальному принципу извлечения даже из зоны подсознательного, о котором пишет К.Г. Юнг, приводя пример с «запахом гусей»: запах непроизвольно и властно ворвался в размышления профессора, проходившего мимо фермы, и пробудил в его сознании картины детства: «Ребенком он жил на ферме, где разводили гусей, и их характерный запах с детства врезался ему в память, хотя и был забыт со временем» (Юнг 2006, с. 31)).

О таком роде воспоминания, живущем в «нас» как «**men*-субъект» (Топоров 1994, с. 45), Бунин говорит в очерке «Инония и Китеж»: «А воспоминание, – употребляю это слово, конечно, не в будничном смысле, живущее в крови и тайно связующее нас с десятками и сотнями поколений наших отцов, живших, а не только существовавших, воспоминание это, религиозно звучащее во всем нашем существе, и есть поэзия, священнейшее наследие наше, и оно-то и делает поэтов, сновидцев, священнослужителей слова, приобщающих нас к великой церкви живших и умерших» (Бунин 1998, с. 168).

«Небудничный» смысл слова «воспоминание», о котором пишет Бунин, пытается прояснить В.Н. Топоров: «...память, строго говоря, не выбирает своего “деятеля” и уж человек, во всяком случае, им не является, но “субъектность” памяти навязывается самим языком <...> память не что иное, как результат некоего **men*-действия <...> предполагающего существование особого “внутреннего” субъекта этого действия. Именно он производит то психоментальное тонкое, резонирующее с усилением “дрожание-трепетание”, с которым связано преодоление инертно-пассивных (“нечутких”) состояний и прорыв к переживанию некоего единства с миром, созвучности, совпадения, родства с ним. Этот прорыв обнаруживает себя полнее всего в пробуждении памяти, в припоминании, вдохновении, экстазе (*μανία*) и в других “предельных” движениях духовной субстанции (нужно подчеркнуть, что **men*-действие неотделимо от творчества в духе <...>). Человек же в этой ситуации выступает всего лишь как носитель и материальный восприимчивый этого внутреннего духовного движения и интерпретатор идущих от него импульсов, как некое “резони-

рующе-объясняющее” пространство» (Топоров 1994, с. 44).

В.Н. Топоров описывает «нейтральное» архетипическое состояние психофизического и пробуждающегося психоментального «“внутреннего” субъекта» («“резонирующе-объясняющего” пространства»), прорывающегося, что характерно (характерна направленность), «к переживанию некоего единства с миром, созвучности, совпадения, родства с ним».

Можно сказать, что в духовной лирике Бунина архетипически (психофизиологично) действует тот же «“внутренний” субъект», но его лирика субъектно центрирована, выражена в конкретной художественной форме и представляет определенные психоментальные состояния, сформировавшиеся в том числе под влиянием библейской традиции и «литургического воспоминания». Бунин в стихотворениях выступает как «священнослужитель» «помнящего» слова, «приобщающий нас к великой церкви живших и умерших» – к тихой радости переживания духовности и родственной связанности бытия.

Лирика Бунина постоянно и бережно фиксирует такую «воспоминательную привязанность» художественного сознания к литургическому гимну «Свете Тихий»: «В вечерний час, над степью мирной, / Когда закат над ней сиял <...> Он (Ангел – Г.К.) видел сумрак предзакатный»; «Благослови / Младенца в тихий час заката» (т. 1, с. 77); «Счастлив тот <...> / Для кого мерцают кротко <...> / Звезды тихим светом» (т. 1, с. 83); «Принес сюда в дары <...> / Печали тихий вздох, молитву – и смирень» (т. 1, с. 86); «Неуловимый свет разлился над землею <...> Неуловимый свет восходит над землей» (т. 1, с. 93); «К закату, точно окрыленный, / Спешу...» (т. 1, с. 118); «Скоро Троицын день <...> Все цветет...» (т. 1, с. 129); «Не угас еще вдали закат <...> / Светом и таинственным, и кротким» (т. 1, с. 129); «Из недр земных земле благовестую / Глаголы Незакатной Красоты!» (т. 1, с. 156); «Светит только безначальный, / Непорочный свет любви!» (т. 1, с. 163); «Золотой иконостас заката <...> Золотой венец по роще светит» (т. 1, с. 187); «О божественный отблеск незримого <...> / Море светит сквозь сумрак таинственно <...> / И тогда вся душа / У меня загорается радостью» (т. 1, с. 199); «Глядят монахи на посад / На синь лесов и на закат <...> Костром в далеком перелеске // Гнездо Жар-Птицы занялось» (т. 1, с. 241–242):

За всё тебя, Господь, благодарю!

Ты, после дня тревоги и печали,
Даруешь мне вечернюю зарю,

Простор полей и кротость синей дали. (т. 1, с. 151)

«Свете Тихий» – особая для религиозного сознания молитва (Логинов 2023) – молитва потаен-

ной радости. Она дошла до нас от первых веков христианства как «светильничное благодарение» Тому, кто стал человеку «на его закате» («пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний») «утешным светом святой славы» (Седакова 2005, с. 356–357); «Песнь заключает в себе вызываемое появлением вечернего света и благодарностью за дожитие до него прославление чрез Христа Св. Троицы и Его Самого» (Толковый Типикон 2008, с. 558).

Соотнесение содержания третьей части стихотворения – «закатного света» субъекта переживания с вечной радостью песнопения (гимна) «Свете Тихий» – вскрывает глубинный пласт авторской таящейся надежды: его чаяние быть подобным, «претвориться», или, если иметь в виду призвание «Света Тихого», «совоскреснуть» (Бальтазар 2006, с. 159).

Данное настроение «совоскресения» было Буниным выражено в стихотворении «Этой краткой жизни вечным измененьем...» (1917) в более категоричной утвердительной форме, в виде полной уверенности: «Бог оставит тайну – память обо мне...» (т. 1, с. 450).

«Две радуги»

Стихотворение Бунина «Две радуги» представляет собой более сложный, почти даже тайный вариант духовного стиха:

Две радуги – и золотистый, редкий
Весенний дождь. На западе вот-вот
Блеснут лучи. На самой верхней сетке
Садов, густых от майских непогод,
На мрачном фоне тучи озаренной
Чернеет точкой птица. Все свежей
Свет радуг фиолетово-зеленый
И сладкий запах ржей. (т. 1, с. 241)

Филологически нетрудно заметить некоторую лексическую общность двух стихотворений «Две радуги» и «Радуга»: дождь, влага, свет, туча, запад-закат, – а также близкое по цвету освещение пространства в контрастных – в черном и светлом – тонах. Названия стихотворений и их похожие начала, усиленные знаком тире, – «Две радуги –...», «Свод радуги –...» – даже в отрыве от духовного содержания задают единый тематический ритм и отражают устойчивую особенность художественного сознания Бунина (общая особенность) закреплять значимые (символически кодовые) слова за доминантными позициями в стихотворении.

С другой стороны, стихотворение «Две радуги» легко можно отнести и к пейзажной лирике, со всеми отсюда вытекающими методическими последствиями категориального анализа. Конечно, можно предположить, что перед нами два разных проблемно-тематических стихотворения: «Две радуги» – пейзажное стихотворение, а «Радуга» – духовное.

Однако, если учитывать религиозные ассоциации, содержательно – по контекстному наполнению – два стихотворения сближаются на основе «литургического воспоминания»: и там, и там проступает вечернее благодарение «возвратному свету» того, кому посчастливилось («пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний») засвидетельствовать: «...радуга <...> блещет лишь в закате» («Радуга»), «На западе вот-вот / Блеснут лучи» («Две радуги»).

Даже косвенного преобразующего присутствия молитвы «Свете Тихий» – узнавание ее присутствия – в пространстве стихотворения достаточно, чтобы обратить внимание на контекстные смыслы и задуматься над чудом двух радуг (Ветхого и Нового завета), двойного благоволения (Отца и Сына).

Связь радуги (двух радуг) как природно-духовного явления с христианской традицией не вызывает сомнений. По наблюдениям Н.И. Макаровой, изображение двух радуг – это повсеместный устойчивый духовно-символический прием как иконописи, так и живописи: «Характерный пример условного изображения радуги – византийская мозаика “Страшного суда” на западной стене церкви Санта-Мария-Ассунта на острове Торчелло (Венеция, XII век). Христос изображен восседающим на двойной радуге в сиянии мандорлы» (Макарова 2019, с. 413); «...устойчивый мотив европейской живописи “Христос, восседающий на двойной радуге”» (Макарова 2019, с. 415). Как отмечает исследовательница, «иконы с мотивом радуги» появляются и на Руси с середины XVI века (Макарова 2019, с. 415).

Следовательно, в скрытой сакрализованной кодировке двух радуг как духовных явлений для религиозного сознания нет ничего необычного. Как нет ничего необычного и в том, что центрированный религиозный символизм («присутствие Бога») перестраивает, «перезагружает» смысловые отношения в стихотворении: мир призывается, как и в таинстве Евхаристии, на служение миру и на благодарение за дары и плоды Господа. То, что происходит во время храмовой литургии, случается и в природной. Содержание стихотворения «литургично»: все «о всех и за вся» (Литургия 2016, с. 124) участвуют, – оно наполнено жизнетворящими реалиями (весенний дождь, рожь) и особенно узнаваемыми в богослужении цветовыми красками (золотистый, фиолетово-зеленый), которые и намечают «заснаковое» сакральное пространство. В этом пространстве «...жизнетворный дождь предстает чем-то большим, нежели простой силой природы: в нем выражается знамение Божьего благословения, понимаемого обычно как награда за послушание завету» (Словарь 2005, с. 269).

Важно понимать, что не авторское сознание савольно порождает духовное пространство тек-

ста, а «первотекст» – Священное писание и Священное предание: автор только сохранил в себе такой способ видения и переживания мира, наследовал его от дней Творения, от веков пророков и не утратил в себе духовный опыт предков видеть в зримом незримое, сакральное даже в самых простых «предметах»: «Просите у Господа дождя во время благопотребное; Господь блеснет молнией и даст вам обильный дождь, каждому знак на поле» (Захария 10: 1). Можно сравнить с тем, как у Бунина: «И сладкий запах ржей», – или из другого стихотворения: «Колосьям божьих нив» (т. 1, с. 118).

Прямая поддержка духовно-символическому соотношению двух радуг как двух Заветов (Ветхого и Нового) содержится в стихотворении «Новый завет», где Бог просит Иосифа исполнить Его новое благоволение:

«Иосиф! Я расторг с жестокими завет.

Исполни в радости господнее веленье:

Встань, возвратись в мой тихий Назарет –

И всей земле яви мое благоволенье». (т. 1, с. 368)

Вот такое «время благопотребное» и воспроизводит Бунин в стихотворении «Две радуги», соединяя в нем свет Ветхого и Нового завета, и окрашивая его в цвета богослужения, придавая ему усиленные смыслы нового благоволения.

А.Г. Гачева напоминает о действии в религиозном сознании «переходящего» символизма, когда «...сокровенная Жизнь Троицы высвечивалась в событиях, образах, ситуациях сначала Ветхого, а потом Нового Заветов, проступала в них, как Лик на Нерукотворной иконе, облачалась в одежду символа» (Гачева 2021, с. 61).

«Время благопотребное», если расшифровать «знаки присутствия» (золотистый весенний дождь, свет с запада, свет радуги, озаренная туча), – это день Пятидесятницы, Святой Троицы, как раз выпадающий достаточно часто на последнюю декаду мая (по старому стилю), когда можно почувствовать «сладкий запах ржей» и «облачить» мир в цвета Святой Троицы (зеленый): «Праздникам, где прославляется непосредственно действие Святого Духа, – Дню Святой Троицы и Дню Святого Духа усвоен не голубой, как можно было бы ожидать, а зеленый цвет. <...> Так что и обычная земная зелень деревьев, лесов и полей всегда воспринималась религиозным чувством как символ жизни, весны, обновления, оживотворения» (Настольная книга 1983, т. 4, с. 154–155).

Именно по этим «знакам присутствия» можно высказать предположение о дате (времени) написания стихотворения: оно писалось на духовное событие дня Пятидесятницы в майские дни или в память об этих днях.

В качестве дополнительного «явно-неявного» аргумента в пользу версии о «троичной» символи-

ке «Двух радуг» может выступать художественная «привычка» Бунина утаивать «образ», не называть главного, но создавать атмосферу его присутствия. Таким, например, является стихотворение «Стамбул», в котором Константинополь не назван, но, как град Китеж, «иеротопичен», «возглавляет» хронотоп. В стихотворении Бунина Троица проступает как «третья радуга» Святого Духа (поддерживаемая троекратным освещением пространства: свет с запада, свет радуги, озаренная туча).

Но примечательно, что Бунин к торжествующему зеленому цвету «облачения» мира «добавил» фиолетовый, опустив другие и соединив именно эти: «Свет радуг фиолетово-зеленый». Если исходить из гипотезы, что Бунин, описывая состояние природы, изображает «природную литургию», торжество Троицы, то такое цветовое соединение органично воспринимается как победа жизни над смертью не только в природном выражении (очевидность зеленого), но и в христологическом (неочевидность для воспринимающего христологии фиолетового). «Фиолетовый» – в соответствии с канонем богослужбных одеяний священнослужителей и религиозным символизмом – определяется и в своем спектральном значении, и в христологическом: «Если спектр солнечного света представить в виде круга, чтобы концы его соединились, то окажется, что фиолетовый цвет является средостением двух противоположных концов спектра – красного и голубого (синего). <...> Таким образом фиолетовый цвет объединяет в себе начало и конец светового спектра. Этот цвет усвоен воспоминаниям о Кресте и великопостным службам <...> Присущий памяти о Кресте и Распятии фиолетовый цвет, содержа в себе красный и голубой цвета, обозначает, кроме того, некое особое присутствие всех Ипостасей Святой Троицы в крестном подвиге Христа. И в то же время фиолетовый цвет может выражать мысль о том, что Своею смертью на Кресте Христос победил смерть, так как соединение вместе двух крайних цветов спектра не оставляет в образовавшемся тем самым цветовом замкнутом круге никакого места черноте, как символу смерти» (Настольная книга 1983, т. 4, с. 155). (Ср.: «На мрачном фоне тучи озаренной / Чернеет точкой птица»).

«Свет радуг фиолетово-зеленый» – цветовое соединение обозначает цветовой переход, пасхальное завершение сошествием Святого Духа всеземной и всеобъемлющей победы жизни над смертью: но эта победа выражена не только символикой зеленого, но и фиолетового, хранящего в себе – в своей светоносной победе – «память» о смертном подвиге Христа ради «всех и за всех», ради обновления мира, где храмом, сакральным местом становится «всякое место», где есть «только я да Бог», или по-другому: «Я был в духе в день воскресный» (Откровение 1: 10).

Действительно, время, изображенное Буниным, «время благопотребное» – это время праздника, когда «обильный дождь», вызывающий тревогу и память о сокрушительном потоке, сменился «золотистым, редким весенним дождем», радостью полной победы животворящей жизни над смертью: царственные цвета жизни (золотистый, зеленый) и живое воплощение жизни – рожь («каждому злак на поле») – являются зримым выражением сокрытого: «вечного завета», знаменем которого выступает радуга. Она есть «знак» двойной направленности. Радуга и вечное напоминание самому вечному Богу о его вечной ответственности перед человеком («...вечно помнит завет Свой» – Псалтырь, 110: 5), и она, оставаясь природным, воспринимается человеком как «сверхприродное» явление, пробуждающее у него чувство благодарности Творцу. А открыто выраженные и сокрыто переживаемые световые и цветовые «знаки» присутствия Христа, явившего пример богочеловеческого «перехода» (пасхальности) в «жизнь вечную», только усиливают торжество праздника Святой Троицы и творимой Буниным «природной литургии».

Для Бунина творить «природную литургию» – превращать природное в храмовое пространство, возводить природу в Храм – было его постоянной творческой заботой. «И Ночь, спускаясь с гор, вступает точно в храм» (т. 1, с. 135); «И вновь крестить нагую душу / В купели неба и морей!» (т. 1, с. 392):

Гимн природы животворный

Льется к небесам...

В ней твой храм нерукотворный,

Твой великий храм! (т. I, с. 74)

Опять-таки в такой природной иерофании нет ничего неожиданного и особенного. Как обобщает М. Элиаде, «...для людей, обладающих религиозным опытом, вся Природа способна проявляться как космическое священное пространство. Космос, во всей его полноте, предстает как иерофания» (Элиаде 1994, с. 18). Более того, для христианской традиции, о которой пишет святитель Иоанн Златоуст, «храмово-природная» литургия должна быть естественным и привычным делом: «А нам теперь, так как пришедший Христос очистил всю вселенную, всякое место стало местом молитвы. Поэтому и Павел смело увещевал безбоязненно молиться везде <...> Видишь, как очистилась вселенная? На всяком месте мы можем воздевать святые руки, потому что вся земля стала святее внутреннего святилища (храма): там приносилась бессловесная овца, здесь же духовная, а насколько больше жертва, настолько больше и освящение» (Златоуст 1896, с. 438).

Об этом пишет и о. Александр (Шмеман): «Нерукотворный храм, а отверстие небо, Мир, претво-

ренный в храм, вся жизнь – в Литургию: такова основа христианской *Lex orandi* («закона молитвы» – Г.К.) (Шмеман 2006, с. 115).

Духовная лирика Бунина в ее «природно-литургических» особенностях находит поддержку и оправдание в непрерывающейся христианской традиции: от «модерна» святителя Иоанна Златоуста до модерна о. Александра (Шмемана). В ней художественное и религиозное ценностно совпадают, одно пронизано другим, образуя устойчивую структуру, порождающий «сдвоенный» центр «Только я да Бог», которые и обеспечивают религиозно-художественную сакрализацию в соответствии с соединением-переходом ветхозаветного и новозаветного, – и расширение храмового пространства до пределов Вселенной:

Воистину достоин воспрятьи
Ты, Господи, хвалу, и честь, и силу
Затем, что все тобой сотворено
И существует волею твоею! (т. 1, с. 157)

Как, Господи, благодарить
Тебя за все, что в мире этом
Ты дал мне видеть и любить. (т. 8, с. 38)

Выводы

Таким образом, стихотворения Бунина «Две радуги» и «Радуга», конечно, могут оставаться «знаками» эстетического объекта и эстетического восприятия, классифицироваться по проблемно-тематическому признаку: одно – как пейзажное стихотворение, другое – как какое-то иное. Но в контексте ветхозаветной и евангельской традиции и опыта, ею порожденного, «знаки» бунинских стихотворений образуют единое теоантропное, ценностно иерархически центрированное – сакральное – пространство, по своей аксиологии разомкнутое в жизнь, а по своей художественной форме в веках сберегающее те ценности, которые в ней прикровенно выражены. Поистине: «Бог оставит тайну – память обо мне...»

Однако, с другой стороны, в «неочевидном» не все столь очевидно, потому что сказанное здесь о сакральности бунинских «знаков» только потенциально значимо (или попросту мертво) для воспринимающего сознания, не обладающего опытом «контекстного» чтения и религиозного восприятия. Очевидно одно, что «воспринимающий человек», оснащенный, как ему кажется, всесильными и все проясняющими методами чтения, подошел к черте, откуда стала видна «преисподняя», как об этом убедительно пишет К.Г. Юнг, размышляющий об опасности утраты способности переживания сакральных «знаков»: «Эти символы, став частью общечеловеческой культуры, сохраняют тем не менее значительный заряд своей первоначальной трепетности или “волшебности”. <...> они жизненно важны

для развития общества. Невозможно отказаться от них без значительного ущерба. Когда их подавляют или не принимают, их специфическая энергия исчезает в подсознании, что ведет к непредсказуемым последствиям. <...> Наше время показало, что значит открыть ворота в преисподнюю. <...> Современный человек не понимает, насколько “рационализм” (уничтоживший его способность к восприятию символов и идей божественного) отдал его под власть психического “ада”. Он освободился от “предрассудков” (так, во всяком случае, он полагает), растеряв при этом свои духовные ценности. Его нравственные и духовные традиции оказались прерваны, расплатой за это стали всеобщие дезориентация и распад, представляющие реальную угрозу миру. <...> Мы сняли со всех вещей покров таинственности и богосиянности. Ничто более не свято» (Юнг 2006, с. 92–94).

Справедливое суждение К.Г. Юнга – это всего лишь констатация факта, вынесенный диагноз современному «воспринимающему сознанию», это смирение психоаналитика, имеющего дело с «реальностью» пациента, но не решение «векового вопроса», который, по слову Ф.М. Достоевского, только «русские мальчишки» могут разрешить (Достоевский 1972–1986, т. 14, с. 213). А оно видится в дальнейшей всесторонней практике изучения сакральных пространств, знаков «чувственно-сверхчувственных». И здесь наука о знаке должна взять на себя чрезмерные «предупредительные» функции и высокие «просветительские» обязанности: «И сказал Бог: не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая».

И с последней (главной) стороны, семиотика сакрального открывает возможности преодоления некоторых методологических и теоретических тупиков в современном литературоведении, о которых все чаще стали говорить в последнее время, а именно: о необходимости осознанной смены «режима релевантности». Об этом убедительно и провокационно пишет Г. Тиханов в монографии «Рождение и смерть литературной теории. Режимы релевантности в России и за ее пределами» (Tihanov 2019). В постановке проблемы Г. Тихановым нет ничего нового: сведение значимости знака к информативному, а художественного содержания к «приему» не с теории литературы, как она сформировалась в начале XX века, началось. В.Н. Топоров указывает на начало XIX века, когда мы прошли мимо «тех залогов, которые были нам даны» (Топоров 1995, с. 24), когда сложилась уникальная ситуация выбора, по какому пути идти: придерживаться аристотелевско-гегелевской традиции или библейско-византийской. Возобладал «дух Гегеля», который формульно точно определил Л. Фейербах: «Дух Гегеля – дух логический

<...> Гегель на самом деле не был вовлечен в чувственное сознание» (Фейербах, 1995, т. 1, с. 23, 43). В России «в чувственное сознание» был тогда «вовлечен» В.Г. Белинский. Им вопрос о лидерстве форм познания решался практически однозначно: «В сознании истины высшая действительность есть религия, искусство и наука» (Белинский 1953–1959, т. 3, с. 437). Как раз семиотика сакрального (гуманитарная наука), чтобы быть причастной к «высшей действительности», не может обойтись только «духом логическим» и не «вовлекаться в чувственное сознание».

Фактический материал

Библия. Синодальный перевод. Москва: Сретенский монастырь, 2022. 1536 с.

Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. Москва: Художественная литература, 1965–1967. В дальнейшем ссылки на это издание будут даваться в тексте с указанием тома и страницы.

Библиографический список

Tihanov, G. (2019), *The Birth and the Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russia and Beyond*, Stanford University Press, Stanford, England.

Бальтазар фон Г.У. Пасхальная тайна. Богословие трех дней. Москва: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. 288 с.

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Москва: Издательство АН СССР, 1953–1959. Т. 3. 684 с.

Беркли Дж. Опыт новой теории зрения. Казань: Издание книжного магазина М.А. Голубева, 1913. 100 с.

Божественная литургия святителя Иоанна Златоуста: с параллельным переводом на русский язык. Москва: Ника, 2016. 192 с.

Булгаков С.Н., протоиерей. Евхаристический догмат // Путь. Орган русской религиозной мысли. Paris. 1930. № 20. С. 3–46; 1930. № 21. С. 3–33.

Булгаков С.Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. Сергиев Посад: Московская губернская типография Иванова, 1917. 425 с.

Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. Москва: Наследие, 1998. 640 с.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1986. Т. 14. 511 с.

[Златоуст Иоанн] Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского: В 12 т. Санкт-Петербург: Издание Санкт-Петербургской духовной академии, 1896. Т. 2. Кн. 1. 979 с.

Логинов Д.А. Гимн «Свете Тихий»: историческая справка и краткий богословско-филоло-

гический комментарий // *Universum: филология и искусствоведение: электронный научный журнал*. 2023. № 5 (107). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/15454> (Дата обращения 10.11.2023).

Макарова Н.И. Мотив радуги в христианском искусстве // *Идеи и идеалы*. 2019. Т. 11. № 2, ч. 2. С. 410–419.

Настольная книга священнослужителя: В 7 т. Москва: Издание Московской Патриархии, 1983. Т. 4. 824 с.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Ленинград: Наука, 1977–1979. Т. 2. 401 с.

«Свете Тихий» // *Толковый Типикон / Составитель М.Н. Скабалланович*. Москва: Издательство Сретенского монастыря, 2008. С. 558–561.

Седакова О.А. Церковнославяно-русские паронимы. Материалы к словарю. Москва: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2005. 432 с.

[Синайский И. Ф.] *Греческо-русский словарь Ивана Синайского: в 2 ч.* Москва: Издание книжного магазина наследников братьев Салаевых; Типография Т. Рис, на Садовой. 1879.

Словарь библейских образов / под ред. Л. Райкен, Д. Уилхойт, Т. Лонгман Санкт-Петербург: Русское издание, Библия для всех, 2005. 1423 с.

Талмуд. Мишна и Тосефта: В 7 т. Санкт-Петербург: Издание П.П. Сойкина, 1902. Т. 1. Кн. 1. 417 с.

Толковый Типикон; сост. М.Н. Скабалланович. Москва: Издательство Сретенского монастыря, 2008. 816 с.

Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения. Москва: РГГУ, 1995. 511 с.

Топоров В.Н. Судьба и случай // *Понятие судьбы в контексте разных культур*. Москва: Наука, 1994. С. 38–74.

Фейербах Л. Сочинения: В 2 т. Москва: Наука, 1995. Т. 1. 502 с.

Филарет (Дроздов), митрополит. Толкование на Книгу Бытия. Москва: Лепта-Пресс, 2004. 831 с.

Шмеман А.Д., протоиерей. Евхаристия: Таинство Царства. Москва: Паломник, 2006. 311 с.

Элиаде М. Священное и мирское. Москва: Издательство Московского университета, 1994. 144 с.

Юнг К.Г. К вопросу о подсознании // *Человек и его символы*. Москва: Медков С.Б.; Серебряные нити, 2006. С. 14–104.

References

Tihanov, G. (2019), *The Birth and the Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russia and Beyond*, Stanford University Press, Stanford, England.

Balthazar von, G.U. (2006), *The Easter Mystery. Theology of three days*, Bible and Theological Institute of St. Andrew the Apostle, Moscow, Russia.

- Belinsky, V. (1953–1959), *Complete works: In 13 vols*, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, vol. 3, Moscow, Russia.
- Berkeley, J. (1913), *The experience of a new theory of vision*, Publication of M.A. Golubev's bookstore, Kazan, Russia.
- The Divine Liturgy of St. John Chrysostom: with a parallel translation into Russian* (2016), Nikea, Moscow, Russia.
- Bulgakov, S., Archpriest (1930), The Eucharistic dogma, *Path. The organ of Russian religious thought*, Paris, no. 20, pp. 3–46; no. 21, pp. 3–33.
- Bulgakov, S. (1917), *The light is not evening. Contemplation and speculation*, Ivanov's Moscow Provincial Printing House, Sergiev Posad, Russia.
- Bunin, I. (1998), *Journalism of 1918-1953*, Heritage, Moscow.
- Dostoevsky, F. (1972–1986), Complete collection of works: In 30 vols., vol. 14, Nauka, Leningrad, Russia.
- [Zlatoust Ioann] (1896), *The works of our Holy Father Ioann Zlatoust, Archbishop of Constantinople: In 12 vols*, vol. 2, book 1, Edition of the St. Petersburg Theological Academy, Saint Petersburg, Russia.
- Loginov, D. (2023), Hymn "Quiet Light": historical background and brief theological and philological commentary, *Universum: philology and art criticism: electronic scientific journal*, no. 5 (107), [Online], available at: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/15454> (Accessed 10 Nov 2023).
- Makarova, N. (2019), The rainbow motif in Christian art, *Ideas and Ideals*, vol. 11, no. 2, part 2, pp. 410–419.
- The clergyman's handbook: In 7 vols, vol. 4* (1983), Edition of the Moscow Patriarchate, Moscow, Russia.
- "Light Is Quiet" (2008), *Explanatory Typicon*, Compiled by M. Skaballanovich, Sretensky Monastery Publishing House, Moscow, Russia, pp. 558–561.
- Pushkin, A. (1977–1979), *Complete works: In 10 vols, vol. 2*, Nauka, Leningrad, Russia.
- Sedakova, O. (2005). *Church Slavonic-Russian paronyms. Materials for the dictionary*, The Greek-Latin cabinet of Yu.A. Shichalin, Moscow, Russia.
- [Sinaisky, I.] (1879). *The Greek–Russian dictionary of Ivan Sinaisky: at 2 o'clock*, Publishing of the bookstore of the heirs of the Salaev brothers; Printing house T. Ris, on Sadovaya, Moscow, Russia.
- Dictionary of Biblical Images* (2005), Ed. Ryken L., Wilhoit D., Longman T., Russian edition, Bible for All, Saint Petersburg, Russia.
- The Talmud. Mishnah and Tosefta: In 7 vols* (1902), Edition of P. Soykin, vol. 1, book 1, Saint Petersburg, Russia.
- Explanatory Typicon* (2008), Compiled by M. Skaballanovich, Sretensky Monastery Publishing House, Moscow, Russia.
- Toporov, V. (1995), "Poor Liza" by Karamzin: *The experience of reading*, RSUH, Moscow, Russia.
- Toporov, V. (1994), Fate and chance, *The concept of fate in the context of different cultures*, Nauka, Moscow, Russia.
- Feuerbach, L. (1995), *Essays: In 2 vols, vol. 1*, Nauka, Moscow, Russia.
- Filaret (Drozdov), Metropolitan (2004), *Interpretation on the Book of Genesis*, Lepta–Press, Moscow, Russia.
- Schmeman, A., Archpriest (2006), *The Eucharist: The mystery of the Kingdom*, Pilgrim, Moscow, Russia.
- Eliade, M. (1994), *Sacred and Worldly*, Moscow University Press, Moscow, Russia.
- Jung, K.G. (2006), On the question of the subconscious, *Man and his symbols*, Medkov S.B.; Silver Threads, Moscow, Russia, pp. 14–104.

Submitted: 18.12.2023

Revised: 31.01.2024

Accepted: 01.03.2024



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1-31

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-1-43-50

Дата поступления: 30.12.2023
рецензирования: 31.01.2024
принятия: 15.03.2024

П.Д. Кветкин

Самарский государственный
социально-педагогический университет,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: kvetkin@sgspu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0001-2425-1002>

К.С. Поздняков

Самарский государственный
социально-педагогический университет,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Kpozdneyakov@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2646-6410>

**Элементы орнаментальной прозы
в романе Александра Соболева «Грифоны охраняют лиру»**

Аннотация: тема статьи актуальна, поскольку посвящена рассмотрению специфики поэтики современного неомодернистского произведения. Стоит отметить, что роман «Грифоны охраняют лиру» представляется частью новой волны модернизма, которая за последние несколько десятилетий сложилась в русской литературе. К этой волне, помимо А. Соболева, можно отнести таких писателей, как Е. Водолазкин, С. Болмат, А. Варламов и др. Цель статьи заключается в описании функций элементов орнаментальной прозы в произведении А. Соболева «Грифоны охраняют лиру». Основные методы исследования, применявшиеся в статье, – это семиотический и интертекстуальный анализы. Эмпирическими материалами, помимо романа А. Соболева, стали произведения В. Набокова, Ю. Олеши, Ф. Сологуба. В ходе рассмотрения произведения А. Соболева с точки зрения критериев, применяющихся к орнаментальной прозе, было установлено, что роману присущи следующие черты: а) органичное слияние эпического и лирического начал; б) деструкция и деконструкция жанровых форм. Сказовое начало также присутствует в романе А. Соболева, но выполняет совершенно иные функции. Думается, что сказ автором используется как объект манипуляции. Можно сделать вывод, что некоторые приёмы А. Соболев позаимствовал у отечественных постмодернистов/концептуалистов. Так как элементы орнаментального письма в романе «Грифоны охраняют лиру» прежде не рассматривались, можно с уверенностью констатировать, что все полученные научные результаты являются новыми.

Ключевые слова: орнамент; композиция; ритм; модернизм; эвфония; аллитерация; ассонанс; дискурс.

Цитирование: Кветкин П.Д., Поздняков К.С. Элементы орнаментальной прозы в романе Александра Соболева «Грифоны охраняют лиру» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4. № 1. С. 43–50. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-43-50>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Кветкин П.Д., 2024 – старший преподаватель кафедры литературы, журналистики и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Максима Горького, д. 65/67.

© Поздняков К.С., 2024 – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы, журналистики и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Максима Горького, д. 65/67.

SCIENTIFIC ARTICLE

P.D. Kvetkin

Samara State University of Social Sciences
and Education, Samara, Russian Federation
E-mail: kvetkin@sgspu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0001-2425-1002>

K.S. Pozdnyakov

Samara State University of Social Sciences
and Education, Samara, Russian Federation

E-mail: lilsidorenko@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0009-0006-8363-5782>

Elements of decorative prose in the novel by Alexander Sobolev “Griffins guard the lyre”

Abstract: the topic of the article is relevant because it considers the specific poetics of the modern neo-modernist work. It is worth noting that the novel “Griffins Guard the Lyre” is a part of a new wave of modernism that has emerged in the Russian literature over the past few decades. In addition to A. Sobolev, this wave includes such writers as E. Vodolazkin, S. Bolmat, A. Varlamov and others. The purpose of the article is to describe the functions of the ornamental prose elements in A. Sobolev’s work “Griffins Guard the Lyre.” The main research methods used in the article are semiotic and intertextual analyses. Besides A. Sobolev’s novel, the works of V. Nabokov, Y. Olesha, and F. Sologub served as the empirical materials. In the course of considering the work of A. Sobolev from the point of view of the criteria applied to the ornamental prose, it was found that the novel has the following features: a) an organic fusion of the epic and lyrical principles; b) destruction and deconstruction of genre forms. The fairy tale principle is also present in A. Sobolev’s novel, but it performs completely different functions. The author seems to use the tale as an object of manipulation. We can conclude that A. Sobolev borrowed some techniques from domestic postmodernists/conceptualists. Since the elements of the ornamental writing in the novel “The Griffins Guard the Lyre” have not been considered before, we can confidently state that all the obtained scientific results are new.

Key words: ornament; composition; rhythm; modernism; euphony; alliteration; assonance; discourse.

Citation: Kvetkin, P.D. and Pozdnyakov, K.S. (2024), Elements of decorative prose in the novel by Alexander Sobolev “Griffins Guard the Lyre”, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 1, pp. 43–50, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-43-50>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Kvetkin P.D., 2024** – Senior Lecturer of the Department of Literature, Journalism and Teaching Techniques, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, Maxim Gorky str., Samara, 443099, Russian Federation.

© **Pozdnyakov K.S., 2024** – Doctor of sciences in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Literature, Journalism and Teaching Techniques, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, Maxim Gorky str., Samara, 443099, Russian Federation.

Введение

Изучение вопроса орнамента в рамках исследования произведения Александра Соболева имеет концептуальное значение. Будучи филологом, историком литературы и, в частности, исследователем поэзии Серебряного века, Александр Львович создал сложно структурированный роман в манере, свойственной эпохе модернизма. Тем не менее, стоит учитывать, что «Грифоны охраняют лиру» был написан в начале XXI века, поэтому невозможно говорить о точном воспроизведении принципов художественного высказывания эпохи модернизма, скорее, рассматриваемый текст следует определить как неомодернистский. К неомодернизму можно отнести не только Соболева, но и Е.Водлазкина, С.Болмата, А.Варламова и др. Неомодернистские произведения, помимо отсылки, собственно, к модернизму, учитывают и постмодернистскую поэтику, например, эксперименты с письмом московской концептуальной школы (МКШ), каламбурную стилистику текстов В.Пелевина и т.д.

Основной задачей данной статьи представляется изучение одной из сторон романа Александра

Соболева «Грифоны охраняют лиру», а именно элементов орнаментальной прозы. Цель заключается в том, чтобы определить функции этих элементов в художественном целом произведения.

Основными методами, используемыми в статье, стали семиотический и интертекстуальный методы исследования текста.

Ход исследования

Орнаментальная проза – это литературное явление начала XX века, одного из самых ярких периодов русской литературы. Как правило, к писателям-орнаменталистам относят Всеволода Иванова, Бориса Пильняка, Андрея Белого и других. Сам термин ввел Виктор Шкловский, обозначив причиной появления орнаментальной прозы «ослабление ощущения сюжета и перенесение установок на образ» (Шкловский, с. 227). Чаще всего, орнаментальная проза характеризуется как «поэтическая», то есть «основанная не на сюжетных причинно-следственных связях, а на ритмических повторах, лейтмотивах образов, ассоциативных связях» (Голубков, с. 231). Вследствие наличия

перечисленных элементов ткань текста становится «яркой и цветистой». В орнаментальной прозе используется большое количество тропов и символов, в основной текст включаются философские рассуждения и отсылки к другим произведениям.

В статье Н.В.Алексеевой ««Орнаментальная проза» (вопросы генезиса и поэтики)» приводятся следующие черты обозначенного в заглавии художественного феномена: 1) «органическое сочетание приемов эпического изображения как результат отказа от традиционного противопоставления прозы поэзии» (Алексеева, с. 97); 2) «решающая роль в организации образно-стилевого, ритмического и языкового пространства произведения принадлежит Автору» (Алексеева, с. 98); 3) «сознательная, намеренная деструктивность формы на всех ее уровнях, решительное неприятие «корсетной» (Е. Замятин) структуры повествования» (Алексеева, с. 98); 4) «новое художественное слово, рожденное в результате взаимодействия двух стилистических доминант: «сказа» и «орнаментальности»» (Алексеева, с. 98); 5) «особый тип художественного мышления: «синтез фантастики с бытом», по Е. Замятину, «мышление, которое можно назвать мифическим», по Вольфу Шмиду» (Алексеева, с. 99).

Стоит отметить, что не все перечисленные черты представляются бесспорными. Например, описанная во втором пункте роль Автора нуждается в уточнениях, которые в статье, конечно же, сделаны. Но, думается, что сам факт подобных уточнений ставит под сомнение формулировку. По мнению Н.В.Алексеевой, специфика орнаментальной прозы в том, что Автор, не отказываясь от всевластия, отказывается от всеведения, предлагая исключительно субъективный взгляд на действительность. Даже с приведёнными уточнениями подобную роль Автора вряд ли можно считать чертой исключительно орнаментальной прозы. Очевидно, например, что в ряде произведений отечественного постмодернизма наблюдается исключительно субъективное видение мира, при этом ни о каких чертах орнаментальной прозы и речи быть не может – это совершенно иное письмо. Постмодернистское художественное высказывание может использовать дискурс орнаментальной прозы, но исключительно для манипулятивных или деконструирующих целей, как, впрочем, и любой другой дискурс.

Не выдерживает критики и тезис о «мифическом мышлении»/«синтезе фантастики с бытом». Возвращение к мифическому мышлению – не есть прерогатива орнаментального письма, о чём, правда, косвенно свидетельствует и автор статьи, отмечая, что так «происходит всякий раз, когда человеческая мысль на очередном витке ее развития заходит в тупик». И действительно – кризисные, переломные моменты истории вызывают к жиз-

ни художественные практики, возвращающиеся к мифическому мышлению. Таким образом, признать этот критерий легитимным для определения степени орнаментальности той или иной прозы не представляется возможным.

Итак, попробуем соотнести текст романа с тремя оставшимися чертами орнаментальной прозы.

1. С первых же страниц романа автор постоянно использует обязательные для лирики средства эвфонии. В первом абзаце романа стоит обратить внимание на следующее описание квартиры: «Кухня, на которой оба они сидели, больше всего напоминала то, как средневековые граверы, споду не выезжавшие дальше своего Нюрнберга или Аугсбурга, изображали жаркие страны: джунгли – так уж джунгли, а вместо тигра – чудовищно увеличенная домашняя кошка с гипертрофированными зубами и когтями» (Соболев, с. 8). Очевидная аллитерация готовит реципиента к появлению рычащего тигра, место которого занимает кошка. Повторение звука «у», сливаясь с «р», даёт то ли «урррр», то ли «мурррр», первое сочетание ассонанса и аллитерации может ассоциироваться с грозным хищником, а второе – с домашним питомцем.

Иногда ассонансы и аллитерации становятся подкреплением не столько звукового, сколько визуального ряда, как, например, в следующем фрагменте: «наспех сопоставляя свое воображаемое отражение в мысленном зеркале» (Соболев, с. 49). Зеркало мысленное соотносится с зеркалом звуковым, несколько искривлённым «ажайзайэ-аажйэ». За счёт лирических средств картина становится более полной, многослойной.

Очевидна аллитерация и в следующем предложении: «Наконец с особенно продолжительным пароксизмом рева автомобиль выбрался задним ходом из плена, разбрызгивая из-под большого колеса брызги хвои, и, не останавливаясь, выбрался кормой вперед на себежский берег» (Соболев, с. 386). Повторение звуков «б» и «р» ассоциируется со звуком работы мотора, но встречается в романе и не столь прямолинейное использование средств эвфонии, выводящее реципиента на интertextуальный уровень.

Таковым представляется следующий ассонанс, отсылающий, в первую очередь, к классике: «эти люди жили в тесном – не протолкнуться – окружении мелких домашних духов, лесных бесов и обидчивых божков, загнанных ослепительным светом христианства в полутьму, но чувствовавших себя там превосходно» (Соболев, с. 348).

Повтор звука «у», связанный с языческими верованиями, отсылает к стихотворению А.С. Пушкина «Бесы»:

Мчатся тучи, *вьются* тучи;

Невидимкою луна

Освещает снег летучий;

Мутно небо, ночь мутна (Пушкин, с. 297).

Ассонанс в стихотворении погружал читателя в атмосферу метели, вьюги, которая в финале и уносит бесов в «беспредельную вышину». Таким образом, это проходившее через всё стихотворение завывание степного ветра подчёркивало тему обречённости, рока, судьбы. Черта орнаментальной прозы – использование в эпическом произведении лирических приёмов – приобретает в романе Соболева несколько постмодернистский оттенок, поскольку в приведённом отрывке налицо игра с аллюзиями. В одной фразе «Бесы» Пушкина за счёт ассонанса встречаются с «Мелким бесом» Ф. Сологуба, но вряд ли можно говорить о неких новых смыслах, родившихся благодаря этому соприсутствию, скорее, автор демонстрирует своё мастерство на уровне художественной формы, заодно объединяя узнаваемые черты литературы Золотого и Серебряного веков.

Стоит отметить, что имя Сологуба не раз является в романе. Например, шторка в уже упомянутом описании кухни шевелится так, будто за ней прячется невидимый соглядатай. Конечно же, в очередном тропе, на этот раз сравнении, видится отсылка к эпизоду смерти Полония из трагедии Шекспира «Гамлет», но стоит вспомнить, что в романе «Мелкий бес» Ф. Сологуба есть следующий фрагмент:

«Ветер шевелил обои. Они шуршали тихим, зловещим шелестом, и легкие полутени скользили по их пестрым узорам. «Соглядатай прячется там, за этими обоями», – думал Передонов. «Злые люди! – думал он, тоскуя, – недаром они наложили обои на стену так неровно, так плохо, что за них мог влезть и прятаться злодей, изворотливый, плоский и терпеливый. Ведь были и раньше такие примеры».

Смутные воспоминания шевельнулись в его голове. Кто-то прятался за обоями, кого-то закололи не то кинжалом, не то шилом. Передонов купил шило. И когда он вернулся домой, обои шевельнулись неровно и тревожно, – соглядатай чуял опасность и хотел бы, может быть, проползти куда-нибудь подальше. Мрак метнулся, прыгнул на потолок и оттуда угрожал и кривлялся.

Злоба закипела в Передонове. Он стремительно ударил шилом в обои. Содрогание пробежало по стене. Передонов, торжествуя, завыл и принялся плясать, потрясая шилом. Вошла Варвара.

– Что ты пляшешь один, Ардальон Борисыч? – спросила она, ухмыляясь, как всегда, тупо и нахально.

– Клопа убил, – угрюмо объяснил Передонов.

Глаза его сверкали диким торжеством. Одно только было нехорошо: скверно пахло. Гнил и вонял за обоями заколотый соглядатай» (Сологуб, с. 199–200).

Думается, что лексема «соглядатай» не случайно появляется и у Соболева, отсылая одновремен-

но и к «Гамлету», и к «Мелкому бесу», и к одному произведению Набокова. Фёдор Сологуб для Соболева – одна из важнейших фигур Серебряного века, о чём свидетельствует следующий отрывок из интервью с писателем:

«Забавно, что оммаж Сорокину получился совершенно бессознательно, я даже не могу сообщить, из какой это книги – «Сердца четырех», наверное? Там, в «Сердцах», есть скрытая цитата из Сологуба, которую я при первом чтении с удовольствием опознал – значит, теперь мы в некотором роде квиты» (Волчек).

Постоянное использование автором витиеватых метафор и метонимий позволяет сопоставлять текст Соболева с такими мастерами орнаментальной прозы, как В. Набоков и Ю. Олеша. Сравнения с В. Набоковым появились и в некоторых рецензиях на роман Соболева: «Текст в «Грифонах» причудливо переливается отсылками то к Набокову, то к Булгакову, то к Олеше, а то и, например, к Сергею Малашкину» (Юзефович), «Впрочем, что касается «Грифонов», палимпсест легко скоблится, обнаруживая на подложке набоковский гипертекст, а еще конкретнее — «Истинную жизнь Себастьяна Найта». Так же как в «Найте», в «Грифонах» используются названия вымышленных произведений, пересказ сюжетов и обширное «цитирование»» (Шлыков). И действительно – достаточно сравнить фрагменты из текстов Набокова и Соболева, чтобы в ритме и построении фразы уловить сходство.

«Письменный стол. На нем почти ничего: красный карандаш, коробочка со скрепками; он выглядел насупившимся и отрешенным, но лампа на западном его краю была чудесная. Я нащупал ее пульс, и опаловый шар оттаял и засветился: волшебная эта луна следила за движением белой руки Себастьяна» (Владимир Набоков) (Набоков, с. 57).

«Окно, балкон и все горизонтальные поверхности были уставлены горшками, в которых росли материнские, раздобревшие в холе тропические питомцы: сансевиерия, вымахавшая чуть не в человеческий рост, с ее зелеными мечевидными (и действительно острыми, как ножи) мясистыми побегами; широколиственные спатириллы, временами скупо цветшие белыми цветками, формой повторяющими листья, светло-зеленые хлорофитумы, свешивающие свои побеги, на которых образовывались новые молодые кустики, нелепо пускающие в воздух паклю блеклых корешков в тщетной надежде дотянуться ими до жирной, питательной родной почвы, оставшейся в тысячах километров к югу, – и еще десятки растений, названий которых Никодим не знал или забыл» (Александр Соболев) (Соболев, с. 8).

Владимир Набоков представляется прямым наследником не только и не столько модернистов

Серебряного века, но и таких советских писателей, как, например, Юрий Олеся, писателей, явно ориентированных на зарубежный модернизм. Ю. Олеся в романе «Зависть» использовал средства эвфонии, но главной отличительной чертой его стиля, особенно на фоне остальной советской литературы 1920-х годов была насыщенность тропами, особенно метафорами. Эту же линию продолжает и Набоков. Письменный стол Севастьяна «выглядит насупившимся и отрешённым», лампа обладает пульсом (фокус этой метафоры создаётся, видимо, за счёт промежутков пульсации и неустойчивого напряжения, из-за которого свет становится то ярче, то тусклее), а потом и вовсе превращается в волшебную луну.

Соболев так же, как и Набоков, использует разветвлённые синтаксические конструкции, довольно редкие для современной русской литературы, с обязательным выстраиванием ряда развёрнутых метафорических определений. В этом плане особенно удачным примером стилистического сходства с Набоковым и другими предшественниками представляется описание молодых кустиков, «нелепо пускающих в воздух паклю блеклых корешков в тщетной надежде дотянуться ими до жирной, питательной родной почвы, оставшейся в тысячах километров к югу» (Соболев, с. 8). Если аллитерация предвосхищала появление рычащего тигра или имитировала звуки, издаваемые автомобилем, то приведённая выше развёрнутая метафора анонсирует тему эмиграции, с которой связан весьма любопытный бизнес Никодима. Молодые кустики, словно эмигранты, находящиеся на чужбине, пытаются дотянуться до родной земли, но эти попытки заведомо обречены на провал.

Стоит отметить, что весьма нетривиальная ритмика присуща не только фразе Соболева, но и всему повествованию в целом. Произведение состоит практически из двух равных по количеству страниц частей, но совершенно разных по своему темпу ритму. Если первая часть – это медленно развивающаяся половина произведения с подчёркнуто неспешным повествованием, то вторая часть предельно динамична. Ритм для произведения имеет огромное значение, поскольку благодаря ему общий смысловой рисунок становится конкретным художественным образом. Ритм романа абсолютно неоднороден: с каким спокойствием и размеренностью начинается произведение, с такой же скоростью осуществляется сюжетное развёртывание в конце. Если в первой трети книги мы получаем неспешные диалоги на фоне медленно развивающегося сюжета, то окончание романа заставляет следить за постоянными субжанровыми трансформациями – за несколькими десятками страниц произведение превращается из «семейного» модернистского романа, посвящённого поискам отца сыном (конечно же, поиски Никодима

отсылают и к «Одиссее» Гомера, и к «Улиссу» Джойса), в детектив, триллер и, в конце концов, в сказ. Вполне возможно, что на ритмическую организацию романа повлияли «Зависть» Ю. Олеши и «Отчаяние» В. Набокова, организованные похожим образом. В каждом из этих романов первая часть выполняет функцию неспешного введения в мир произведения, а ключевые события, выполняющие кардинальную роль в повествовании, описываются во второй половине текстов.

Итак, благодаря приведённым примерам становится ясно, что первая черта орнаментальной прозы, несомненно, присуща роману А. Соболева.

2. «Сознательная деструктивность формы», действительно характерная для многих классических произведений орнаментальной прозы, на первый взгляд, совершенно не свойственна тексту А. Соболева. Роман «Грифоны охраняют лиру» по типу своей композиции является простым, так как события разворачиваются последовательно, а такие формы нарратива, как ассоциативный монтаж или поток сознания, автором не используются.

Однако деструктивность традиционных форм всё же можно обнаружить в произведении. К несомненной деструкции можно отнести, например, финал романа, где наконец-то встретившиеся Никодим и Шарумкин рассматривают маленький городок, после чего происходит следующий обмен репликами:

«?Ну нам нужно, наверное, как-то представиться там или записаться куда-то, нет?», ?Для начала я бы побрился и позавтракал?», – отвечал Шарумкин, улыбаясь» (Соболев, с. 494).

На этом роман заканчивается, оставляя достаточное количество лакун и обманывая читательские ожидания. Роман «Грифоны охраняют лиру» не получил продолжения, следующим произведением А. Соболева станет «Тень за правым плечом», поэтому предполагать, что ответы будут даны во второй книге, не стоит. Реципиент так и не получит ответ на свои многочисленные вопросы. Можно предположить, что автор пародирует в финале моду на сериалы, каждый сезон которых неминуемо должен завершаться клиффхэнгером, открытой концовкой, настраивающей зрителя на продолжение. При этом большое количество сериалов, несмотря на наличие подобных финалов, второго сезона не получают. Вполне возможно, что ирония автора связана с подобными практиками в области массовой культуры.

Однако присутствие в тексте романа многочисленных выпадов в адрес современной отечественной литературы позволяет предположить, что автор иронизирует по поводу некоторых коллег, которые, подобно шоураннерам сериалов, увлеклись бесконечными продолжениями в рамках одной и той же вселенной (В. Сорокин, В. Пелевин). В любом случае, «пустое место» в финале, несколько

обесмысливающее всё предыдущее развитие романного сюжета, налицо.

Во второй части романа возникает детективная сюжетная линия, связанная с убийством персонажа по фамилии Заяц. Не затрагивая ассоциативного ряда, вызванного к жизни фамилией (от Святослава Зайцева до кролика из «Алисы в Стране Чудес» Льюиса Кэрролла), отметим, что сцена преступления обставлена так, что читатель ожидает дальнейшее развитие детективного сюжета: в дверь Зайца звонят, Никодим идёт в ванную комнату, а выйдя из неё, обнаруживает труп хозяина дома. Главный герой пытается вызвать полицию, но после неудачного звонка просто покидает место преступления. Читатель, знакомый с произведениями экспрессионистов, во многом повлиявших на Ю. Олешу и В. Набокова, может ожидать часто встречающийся сюжетный ход, использованный, в частности, Г. Майринком и Л. Перуцем: невиновного героя арестовывают и изматывают допросами. Но ничего подобного не происходит. Вопреки канону классического детектива Никодим не становится сыщиком поневоле, герой не начинает самостоятельное расследование убийства (учитывая количество врагов покойного, подобное распутывание тайн могло бы получиться вполне в духе романов А. Кристи), продолжая поиски отца. Ареста и допросов тоже не происходит. Наконец, имя убийцы Никодим узнаёт случайно:

«Я в земском радио послушать изволил, – продолжал он (возница – К.П., П.К.) без всякой интонации, как будто зачитывая слова, по одному появлявшиеся перед его внутренним взором. – И вот передавали – в Москве покойный профессор зайца убил» (Соболев, с. 441).

Таким образом, профессор Покойный признан убийцей Зайца. Действительно, в романе есть намёк на то, что профессор мог совершить убийство на почве ревности. Тем не менее, преступление раскрывается уж слишком тривиально, походя, в очередной раз деконструируя законы жанра и разрушая структуру наметившейся было детективной сюжетной линии. Впрочем, возница – явно ненадёжный источник, а фамилия Покойного отлично подходит для каламбура, который тут же и начинает расшифровываться собравшимися пейзажами. Возможно, что истинный убийца так и не найден. Какой бы вариант не выбрал реципиент, можно констатировать деконструкцию жанрового канона и эксперименты с композицией романа.

3. Взаимодействие двух стиливых доминант, «орнаментального» и «сказового» речевых жанров, отчётливо проявляется под занавес второй части, когда в модернистский дискурс, агентом которого является Никодим, вторгается фольклорное начало. Характерно, что столкновение двух речевых жанров иллюстрирует конфликт: главный герой пленён деревенскими сектантами. Речь од-

ного из тюремщиков Никодима стилизована под фольклорные, сказовые формы:

«"Вот, поснедай пока", – проговорил он. "А можно мне лампу или свечку? – попросил Никодим. – Темно здесь". "Мне так и сказали, что ты попросишь, – ухмыльнулся стражник, доверительно придвигаясь поближе к Никодиму и обдавая его скверным запахом изо рта. Это изволь, только, чур, блошницу не жечь"» (Соболев, с. 450–451).

Однако никакого синтеза, как это происходило в орнаментальной прозе А.М. Ремизова, в романе А. Соболева не наблюдается. Автор экспериментирует с героем: персонаж модернистского романа неожиданно попадает в хоррор о сельских сектантах, справляющих таинственные обряды. Скорее, речь можно вести про очередную деконструкцию жанра, нежели о слиянии орнаментального и сказового начал.

Полученные результаты и выводы

В результате исследования в романе А. Соболева «Грифоны охраняют лиру» были обнаружены следующие черты, присущие орнаментальной прозе:

А) «превращение прозы в «поэзию-прозу»: использование автором средств эвфонии, ритма, оригинальных метафор;

Б) «деконструкция жанровых форм»: несмотря на то, что автор не использует «фрагментарность, разорванность, мозаичность композиции», в романе деконструируются такие жанровые формы, как детектив и хоррор, происходит деструкция соответствующих сюжетных линий;

В) синтез орнаментального и сказового начал: несмотря на очевидное присутствие сказового начала во второй части, нельзя сказать, что автор следует традициям орнаментальной прозы, в которой синтез стиливых доминант позволял повествованию выйти на новый качественный уровень. Скорее, повествователь использует постмодернистские (концептуалистские) стратегии, сталкивая речевые жанры, заставляя их конфликтовать, но о созидательной работе здесь речи быть не может, только об очередной игре с читательскими ожиданиями.

Орнаментальный способ написания романа в интерпретации Соболева – это поиск компромисса между литературной традицией и современным контекстом; это художественная оболочка, с помощью которой Александр Соболев выражает реакцию на внешние факторы – большое место в произведении занимает новая история, которая менее трагична, чем реально существовавшая. В одном из немногочисленных интервью автор обозначил свою позицию: «Тех, кто попал в советскую мясорубку, мне очень жаль. Не говоря уже, что я, в общем-то, и сам родился в советском плену и успел посмотреть, как выглядит страна, где по-

бедила революция, хотя мне, конечно, это зрелище досталось в сильно вегетарианском изводе» («Смерти нет...»).

Библиографический список

Browning, G.P. (1979), *Russian Ornamental Prose, Slavic and East European Journal*, vol. 23, pp. 346–352.

Carden, P. (1976), *Ornamentalism and Modernism*, ed. by G. Gibian and H.W. Tjalsma, Ithaca, pp. 49–64.

Connolly, J.W. (1974–1975), *The Role of Duality in Sologub's «Tvonmaja legenda»*, *Die Welt der Slawen*, Jahrgang XIX / XX, pp. 25–36.

Louw, W.E. and Milojkovic, M. (2014), *Semantic Prosody, The Cambridge Handbook of Stylistics*, ed. by P. Stockwell and S. Whiteley, Cambridge, pp. 260–283.

Masing-Delic, I. (1992), *Abolishing Death: A Salvation Myth of Russian Twentieth Century Literature*, Irene, Stanford University Press.

Short, M. and Leech, G. (2007), *Style in fiction*.

«Смерти нет – и это, в общем-то, правда» // Образовательный проект о самых важных произведениях русской литературы «Полка» [сайт]. URL: <https://polka.academy/materials/754> (дата обращения 26.12.2023).

Алексеева Н.В. «Орнаментальная проза» (вопросы генезиса и поэтики) // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. Вып. 6. Екатеринбург: Издательство Уральского государственного педагогического университета, 2002. С. 93–99.

Волчек Д. «Никодим в несоветской России. О романе «Грифоны охраняют лиру» // Подкасты Радио «Свобода». URL: <https://www.svoboda.org/a/31097242.html> (дата обращения 2.12.2023).

Голубков М.М. Русская литература XX века: после раскола. Москва: Аспект Пресс, 2001. 267 с.

Гусев В. О близости к народному сказу в повествовательной манере А. Платонова, М. Зощенко, А. Белого, В. Маканина, В. Шукшина, Б. Окуджавы // В мире Лескова: Сб. статей. Москва: Советский писатель, 1983. С. 191–192.

Лежнев А. Художественная литература // Начало пути. Из советской литературной критики 20-х годов. Москва: Советская Россия, 1987. С. 271–290.

Набоков В. Истинная жизнь Севастьяна Найта. Москва: Издательство АСТ: CORPUS, 2022. 320 с.

Пушкин А.С. Бесы // А.С.Пушкин. Собрание сочинений в десяти томах. Том 2. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 297–298.

Соболев А. Грифоны охраняют лиру. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2021. 496 с.

Сологуб Ф. Мелкий бес: научное издание. Санкт-Петербург: Наука, 2004. 890 с.

Шкловский В. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). Москва: Советский писатель, 1990. 544 с.

Шлыков В. Ни революции, ни войны, ни смерти: альтернативная реальность в романе «Грифоны охраняют лиру» // Горький. Медиа. URL: <https://gorky.media/reviews/ni-revolyuutsii-ni-vojnyni-smerti-alternativnaya-realnost-v-romane-grifony-ohranayut-liru/> (дата обращения: 1.12.2023).

Юзефович Г. Если бы Гражданская война закончилась победой белых. Филолог Александр Соболев рассказывает альтернативную историю в дебютном романе «Грифоны охраняют лиру». Что из этого выходит? // Издательство Ивана Лимбаха. URL: <https://www.limbakh.ru/index.php?id=8075> (дата обращения: 06.12.2023).

References

Browning, G.P. (1979), *Russian Ornamental Prose, Slavic and East European Journal*, vol. 23, pp. 346–352.

Carden, P. (1976), *Ornamentalism and Modernism*, ed. by G. Gibian and H.W. Tjalsma, Ithaca, pp. 49–64.

Connolly, J.W. (1974–1975), *The Role of Duality in Sologub's «Tvonmaja legenda»*, *Die Welt der Slawen*, Jahrgang XIX / XX, pp. 25–36.

Louw, W.E. and Milojkovic, M. (2014), *Semantic Prosody, The Cambridge Handbook of Stylistics*, ed. by P. Stockwell and S. Whiteley, Cambridge, pp. 260–283.

Masing-Delic, I. (1992), *Abolishing Death: A Salvation Myth of Russian Twentieth Century Literature*, Irene, Stanford University Press.

Short, M. and Leech, G. (2007), *Style in fiction*.

“There is no death – and this, in general, is true”, *Educational project about the most important works of Russian literature “Polka”*, [Online], available at: <https://polka.academy/materials/754> (Access 26 Dec 2023).

Alekseeva, N.V. (2002), “Ornamental prose” (issues of genesis and poetics), *Ural Philological Bulletin. Series: Russian literature of the XX–XXI centuries: directions and trends*, vol. 6, pp. 93–99, Publishing house of the Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Volchek, D. (2021), “Nikodim in non-Soviet Russia. About the novel “Griffins Guard the Lyre”, *Radio Liberty Podcasts*, [Online], available at: <https://www.svoboda.org/a/31097242.html> (Access 02 Dec 2023).

Golubkov, M.M. (2001), *Russian literature of the twentieth century: after the split*, Aspect Press, Moscow, Russia.

Gusev, V. (1983), On the closeness to folk tales in the narrative style of A. Platonov, M. Zoshchen-

ko, A. Bely, V. Makanin, V. Shukshin, B. Okudzhava, *In the world of Leskova*, Sat. articles, Soviet writer, pp. 191–192.

Lezhnev, A. (1987), Fiction, *The beginning of the journey. From Soviet literary criticism of the 20s.*, pp. 271–290, Soviet Russia, Moscow, Russia.

Nabokov, V. (2022), *The True Life of Sebastian Knight*, Publishing house AST: CORPUS, Moscow, Russia.

Pushkin, A.S. (1959), Demons, *A.S. Pushkin. Collected works in ten volumes*, vol. 2, State Publishing House of Fiction, Moscow, Russia.

Sobolev, A. (2021), *Griffins guard the lyre*, Ivan Limbach Publishing House, St.-Petersburg, Russia.

Sologub, F. (2004), *Small demon: scientific publication*, Science, St.-Petersburg, Russia.

Shklovskij, V. (1990), *Hamburg Account: Articles – Memoirs – Essays (1914–1933)*, Soviet writer, Moscow, Russia.

Shlykov, V. (2021), No revolution, no war, no death: an alternative reality in the novel “Griffins Guard the Lyre”, *Gorky. Media*, [Online], available at: <https://gorky.media/reviews/ni-revoljutsii-ni-vojnny-ni-smerti-alternativnaya-realnost-v-romane-grifony-ohranyayut-liru/> (Access 01 Dec 2023).

Yuzefovich, G. (2021), *If the Civil War had ended with a white victory Philologist Alexander Sobolev tells an alternative story in his debut novel “Griffins Guard the Lyre.” What comes out of this?* [Online], available at: <https://www.limbakh.ru/index.php?id=8075> (Access 06 Dec 2023).

Submitted: 30.12.2023

Revised: 31.01.2024

Accepted: 15.03.2024



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1+7.01

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-1-51-57

Дата поступления: 10.01.2024
рецензирования: 02.02.2024
принятия: 01.03.2024

А.В. Марков

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: markovius@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

О.А. Штайн (Братина)

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: shtaynshtayn@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0009-0004-1701-3147>

**Ладья небесная: экфрасис Елены Шварц
как сумма читательского опыта**

Аннотация: в статье исследуется позднее стихотворение Елены Шварц «Китайская игрушка». Поэтесса необычно описывает экспонат Кунсткамеры, превращая механические принципы движения корабля и китайские мифологические образы в инструмент стирания границ между замыслом и данностью. Цель статьи – показать, что магический реализм, реконцептуализирующий чтение, укоренен в том понимании чтения, которое предлагает Елена Шварц в постсоветский период своего творчества. На основании теории оппозиций Лотмана и теории шифтеров Якобсона установлено, что в поэзии Шварц используется обратный экфрасис: сам артефакт показывает принципы оживления статического. Обращение к китайской мифологии и китайской механике позволяет отказаться от западного понимания экфрасиса как ситуативного оживления изображаемого и принять то переизобретение космогонии в Китае, которое и выражено в упомянутом в стихотворении артефакте. Шварц осуществляет редукцию опыта, возвышенного с целью преодолеть устойчивые представления о чтении как конструктивном воображении и показать альтернативные механизмы чтения. Новым способом чтения, предлагаемым в стихотворении, оказывается метакритика прежней фигуры читателя как фланера, наблюдателя за различными фатальными механиками мироздания. Как в лирике, так и в прозе поздней Шварц появляется единая механика мироздания, по отношению к которой читательский опыт выглядит как игра, а читательское воображаемое – одной из игрушек в этой игре.

Ключевые слова: Елена Шварц; игрушка; экфрасис; культура чтения; шифтер; близкое чтение; семиотика поэтического текста.

Цитирование: Марков А.В., Штайн (Братина) О.А. Ладья небесная: экфрасис Елены Шварц как сумма читательского опыта // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4. № 1. С. 51–57. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-51-57>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Марков А.В., 2024** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, Российская Федерация, г. Москва, Миусская площадь, д. 6.

© **Штайн (Братина) О.А., 2024** – кандидат философских наук, доцент, доцент Департамента философии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.V. Markov

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation
E-mail: markovius@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

O.A. Shtayn (Bratina)

Ural Federal University named after the First

President of Russia B.N. Yeltsin,

Ekaterinburg, Russian Federation

E-mail: shtaynshtayn@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0009-0004-1701-3147>**The celestial ferry: Elena Shvarts's ekphrasis
as the sum of readerly experience**

Abstract: the article analyzes Elena Shvarts's late poem "Chinese Toy", where the poet describes the Kunstkamera exhibit in an unusual way, turning the mechanical principles of the ship motion and Chinese mythological imagery into a tool for blurring the boundaries between conception and givenness. The aim is to find how this magical realism, which reconceptualizes reading, is embedded in the understanding of reading that Elena Shvarts offers in the post-Soviet period of her work. With methodological reference to classical semiotic positions, Lotman's theory of oppositions and Jakobson's theory of shifters, it is ascertained that we are facing a reverse ekphrasis: the artifact itself demonstrates the principles of the animation of the static. Turning to Chinese mythology and Chinese mechanics allows us to reject the Western understanding of ekphrasis as a situative enlivening of the depicted and to accept the reinvention of cosmogony in China, which is expressed in the artifact mentioned in the poem. Shvarts performs a reduction of the sublime experience in order to overcome the persistent ideas about reading as constructive imagination and to show alternative mechanisms of reading. The new way of reading, implied by the poem, turns out to be a metacriticism of the former figure of the reader as a flaneur, an observer of the various fatal mechanics of the universe. Both in the lyrics and prose of the late Shvarts, a unified mechanics of the universe appears, in relation to which the reader's experience looks like a game, and the reader's imaginary is one of the toys in this game.

Key words: Elena Shvarts; toy; ekphrasis; reading culture; shifter; close reading; semiotics of poetic text.

Citation: Markov, A.V. and Shtayn, O.A. (2024), The celestial ferry: Elena Shvarts's ekphrasis as the sum of readerly experience, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 1, pp. 51–57, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-51-57>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Markov A.V., 2024** – Doctor (Dr. Hab.) sciences in Philology, Professor of the Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russian Federation.

© **Shtayn (Bratina) O.A., 2024** – Candidate of Philosophical sciences, Associate Professor, Department of Philosophy, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, 19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation.

Введение

Исследование независимой русской поэзии всегда сталкивается с рядом трудностей, одна из которых – сложность применения привычных категорий описания лирического опыта к этим произведениям. Сами участники «второй культуры» обращали на это внимание не раз (Седакова 2001, с. 685), говоря, что требуется критика с другим категориальным аппаратом, учитывающим концептуальные и метафизически мотивированные решения (общие представления об икономии и целесообразности мироздания и слова), определяющие природу этой поэзии. Поэтому для обобщения этих решений стали использоваться особые категории, позволяющие отказаться от слишком натуралистического понимания художественной образности, такие как экфрасис (Житенев 2021). Экфрасис как переизобретение изображенного с помощью слова позволяет вернуть слову концептуальную насыщенность и одновременно тот жиз-

нестроительный пафос, который был во второй культуре. Разумеется, экфрасис – только один из многих ключей к перипетиям слова и идеи в независимой русской поэзии. В последнее время стали появляться и другие ключи, например, с опорой на *sound studies*, исследование звучания стиха как порогового опыта для независимой поэзии (Азаренков 2002, с. 5).

В этой статье мы показываем, как классическая семиотика позволяет расширить поле употребления понятия *экфрасис* для исследования новаций в русской поэзии последнего полувека. Мы вводим понятие «обратный экфрасис», дополняющее понятия «сложный экфрасис» (Марков 2019; Марков 2020а). Отчасти мы методологически примыкаем к исследованиям «телесного кода» как ключу к поэзии Шварц (Романов 2018), но понимаем этот код иначе: не как центробежное и центростремительное движения к функциям тела, но как переоткрытие телесности в ее центробежности и

центростремительности, – с помощью семиотических шифтеров и семиотических оппозиций, понятых как конструктивные и для физического тела, и для тела текста. Отчасти такой анализ был уже проведен на материале русской поэзии эпохи модерна, где было показано отсутствие внутреннего единства экфрасиса при необходимости тотальной семиотизации мира в постсимволистской поэзии (Марков 2018, с. 44), из-за чего экфрасис смещается в область подразумеваемого. Тогда как у Елены Шварц становится возможен обратный экфрасис: не описание произведения, а описание самим произведением, его функционалом (в данном случае функционалом игрушки) мифопоэтических предпосылок его существования как части общей икономии мироздания.

В поэзии Елены Шварц экфрасисы всегда связаны с лиминальным опытом движения, а не только созерцания: опытом перехода от путешествия к паломничеству, от простого побега к спасению (Марков 2020b). Наиболее продуктивны методологически здесь работы Кристины Воронцовой, убедительно показавшей, как преобразование пространственных моделей (центр-периферия и других) приводит в поэзии Шварц к эффекту близости и достоверности, отличающемуся от эффекта реальности (Воронцова 2012, с. 137). Мы исходим из того, что именно такая близость-достоверность и позволяет принять игрушку как текст, порождающий мифопоэтическое видение мира – что как раз не позволяет ставить поэзию в зависимость от какой-либо мифопоэтической картины мира и сохранить ее (поэзии) свободу.

Стихотворение Елены Шварц «Китайская игрушка» впервые появилось в журнальной подборке, озаглавленной по названию стихотворения. Основная тема стихов подборки – катастрофическое переживание системы отражений и подобий. В первом стихотворении, «Перевернутый Эверест», умение видеть бездну под ногами становится залогом открытия в себе и рая, и ада – конкретность именованного опыта бездны как «Эвереста» и позволяет конкретизировать сами духовные условия переживания, райский и адский опыт. В стихотворении «Выстрел» риск отождествляется с уничтожением, что позволяет отождествить опыт рождения и райский предельный опыт. В стихотворениях «Крест после Распятия» и «Созвездие Лебедя, или снятие с Креста» разрезание мира отождествляется с его метафизическим членением, что и позволяет мыслить Крест как символ слияния человеческого и божественного. В стихотворении «Имена царей» сердце находит своего двойника как знатока тайны волхвов, а в стихотворении «На острове святой Елены» разум мыслится как единственный способ представить Наполеона не как человека рока, а как соперника смерти.

После стихотворения «Китайская игрушка» интонация меняется: говорится уже не о всматривании в бездну как единственном способе вновь соединить беспредельность и определенное, но о неопределенности и текучести времени как способе мыслить пространство местом соединения прежде разъединенного: событий, принадлежностей, имен. Таким образом, «Китайская игрушка» – это *переключатель*, переход от позиции *убежденная*, когда бездна оказывается ключом к предельному опыту, – к позиции *преданности* времени, в каковом только и раскрывается смысл принадлежности человека к чему-то другому.

Приводим текст стихотворения:

Китайская игрушка

Людмиле Березиной

Как сладостно, отрадно знойным летом
В кустах смороды разогретых
Читать о кораблях во льдах,
Торосах, вьюгах, полюсах
И мужественных снегирях.
Зимою небо сизо
Как горла сизарей,
Что жмутся на карнизах,
Когда дохнёт Борей.
В благоуханьи срезанного сена
Я вспоминаю буйного Нансена,
Его корабль Фрам, чьё даже имя
Хрустит, как будто валенки по снегу
(фрам-фрум, хрум-хром),
И сполохи над бесконечным льдом.

Корабль весь замёрз – от клотика до киля,
Льды медленно влекут его куда-то.
От пенья птичьего очнусь – зима умчалась,
И не корабль, а туча лиловата
Куда-то душу ветрено манила.

Всё это я пишу в мороз,
Глаза пронзающий до слёз,
Мечтая, будто знойным летом
В кустах смороды разогретых –
Лежу я с книгою в руках
О злых морозах и снегах.

Стихотворение Шварц сначала кажется вариацией романтической темы фантазийных образов как способа освобождения от ближайшего контекста переживания, от размышлений, где именно, в какое время года ты сейчас говоришь: погружившийся в книгу замечает только мощь слов книги, а опыт окружающего мира оказывается только обстоятельством привычного функционирования тела. Романтическая фантазийность подразумевала особую позицию чтения: ты погружаешься в книгу, забываешь обо всем вокруг, но делаешь

так именно потому, что фантазийная реальность может оказаться настоящей реальностью. Таков был, например, известный страх исторического романтизма перед новым ледниковым периодом, который мог бы быть просто эффектом чтения книг, где возвышенное присутствует в описаниях, жанрово обеспеченных нарративах.

Обрыв этого возникновения реальности перед нами и составляет сюжет стихотворения. Но этот сюжет сильнее старых режимов переживания при чтении. Страдание текущего момента и параметры мечты о другом времени года в последней строфе стихотворения оказываются сильнее прежнего читательского опыта.

Ход исследования

Процитированное стихотворение построено не как экфрасис, но как отчет о чтении, том интенсивном увлеченном чтении (погружении в книгу), которое стало в Новое время пониматься как формирующее субъектность человека, отношение к себе, к собственному телу, своим переживаниям, опыту, воспоминаниям, идеям и стремлениям. Интенсивное чтение и было изобретением Другого, того, кто как бы читает через тебя, кто колеблется между нормой чтения и ее эксцентрическими авантюрами измерениями. Этот Другой – функция от начальной нормативности чтения, что читать всем *надо*, и одновременно от размыкания этой нормативности, что воображение уносит тебя далеко от прочитанного, где действует уже не «надо» (мол, кто ты такой, если не читал такой-то книги?), а принудительность воображения, неотвратимость его образов и формирующих ситуации телесности читателя (Штайн 2010). Благодаря книгам и становилось возможным пластическое формирование телесности: тело, которое как бы знает свои программы, где оно может быть свободным, где – авантюрным, где – трудовым и исполнительным и т. д.

Зазор между реальным социальным использованием тела, довольно скованным, и предполагаемым книгами вольным и даже трансгрессивным телом (например, телом пирата в приключенческих книгах), вновь пробуждал воображение, которое и становилось основанием для дальнейшего обоснования пластических возможностей тела, возможностей телесной коммуникации. Читатели одних и тех же книг сто или даже пятьдесят лет назад узнавали друг друга не столько даже по цитатам и отсылкам, сколько по определенному телесному *габитусу*, например, свободной позе при сидении на стуле, по непринужденности рук, по смелости и вместе с тем сдержанности взгляда. В каком-то смысле тело читателя – это инобытие того *тела фланёра*, которое исследовал Вальтер Беньямин (Беньямин 2023, с. 39); с тем различием, что фланёр только открывает для себя различные способы потребления, в том числе потребления приятного

ему чтения, тогда как читатель уже имеет список чтения, определенный набор читаемого.

Стихотворение Шварц имеет в виду кризис этого фантазийного чтения: уже в первых строках характеристики вроде «отрадно» или игровой (псевдо)архаизм «кусты смороды» указывают на дворянскую культуру как место такого чтения, причем как на культуру уже ушедшую, которая может быть предметом сравнения, но не непосредственным опытом повествователя. Несмотря на, казалось бы, полную иллюзию погружения в арктическую морскую образность в первой строфе, с закономерным словесным производством опыта возвышенного, «я» здесь выступает как «шифтер», по Роману Якобсону: переключатель от одного типа речи к другому (Якобсон 1972). Можно вспомнить любые примеры, с которыми работал Якобсон, говоря уже о спецификации поэтической грамматики: например, показ того, как в стихотворении А.С. Пушкина «Я вас любил...» происходит переход от Я как субъекта речи к Я как субъекту мысли и затем, в последних строках, Я как субъекту и объекту наблюдения со стороны героини (Якобсон 1983). Переключение, шифт, и позволяет состояться сюжету стихотворения как трансформации не образов, а самих правил субъективности, лежащих в основании сюжетности. Равно можно указать и на то, как Якобсон на многих примерах из разных поэзий исследовал десубъективацию поэта в результате автоматизированного действия шифтеров, что сближает поэзию с речью безумца (Якобсон 1996). Елена Шварц как раз стремится к новой субъективации поэта, через средства обратного экфрасиса, что мы и покажем далее.

В рассматриваемом стихотворении Шварц Я как субъект сравнивающий, воскрешающий прежние опыты чтения и прежние состояния культуры, сменяется другим Я, строгим субъектом семиотизации, выстраивающим структурные оппозиции (Марков 2018, с. 46). Эти оппозиции видны во второй части первой строфы: это оппозиция конечного и бесконечного, стихийного (буйного) и повторяемого (звуковые повторы), индивидуальной чувствительности (чтение на сеновале) и общей чувственности природы (сполохи, то есть зарницы северного сияния, как всполошенность – это слово в южно-русских диалектах означает не только вспышки, но и переполошенность, хаотичность). Изящное проведение оппозиций как бы укрощает картину возвышенного, превращая ее в предмет описания, что очень похоже на механику семиосферы по Лотману, которая порождает базовые оппозиции для данной культуры, но обеспечивает жизненную цельность семиозиса (Лотман 2005). Экфрастическое начало появляется уже здесь, где возвышенное оборачивается предметом строгого осуществления оппозиций как культурной разметки, оживляющей чувства лирической повествовательницы.

Тогда начальная функция экфрасиса, представить изображенное как живое, оживающее, оказывается вполне осуществлена в многоголосье, в *звучащем имени*; что очень напоминает многоголосье семиосферы Лотмана, где именование как семиотический взрыв, семиотическая революция, вполне сочетается с нормативным семиозисом, определяющим текущее функционирование культуры. Семиосфера Лотмана может быть в такой перспективе названа «обратным экфрасисом» отдельных текстов, типичных для данной культуры. Ведь работают в семиосфере Лотмана не тексты, а социокультурная реальность, – тогда как тексты расходятся по ситуативным условным интерпретациям, всегда недостаточным, по Лотману, для семиотического целого с его органичностью и социальной катастрофичностью.

Название стихотворения прямо указывает на вещь, известную всем петербуржцам, любящим музейные фонды своего города. Китайская игрушка – это вполне определенный экспонат Кунсткамеры (Инв. № МАЭ № 673-278). Иезуиты научили китайцев делать часовые механизмы, но китайцы использовали их не столько для отсчета времени, сколько как бы для практической космогонии. Завод механизма оказывался таким начальным движением, создающим отношение пластических фигур, с их предначертанными сценариями труда и танца, с устройством мироздания. В китайской мифологии есть своеобразная Гиперборея: в III в. до н. э. создатель империи Цинь, Ши-хуан, пытался найти острова блаженных где-то на полюсе. Там должны были жить бессмертные, покрывшие время и потому передвигающиеся на кораблях, которым не страшны любые шторма. Эти корабли и назывались небесными ладьями: они были на легких парусах, а их стройность и небесный блеск поражали воображение.

Проект Ши-хуана, хотя и не мог быть визуализован (никто не видел ладьи блаженных), был обречен стать частью игры, как вошедший в нужный для самоопределения страны набор китайских сказаний. Такова и заводная игрушка Кунсткамеры: это модель вполне традиционного прогулочного судна, на котором знатный китаец путешествует в сопровождении слуг, музыкантов и танцовщиц. Ключик не только приводит в действия колеса, имитирующие полет корабля, но и движения танцовщицы, и извлечение музыкантами звуков: это музыкальная шкатулка, но и искусственный перформанс. Корабль движется, но он движется как сцена, на которой искусные фигурки играют, – но благодаря впечатляющим движениям корабля и однозначности жестов эта игра считывается как естественная. Мы бы назвали это прогулочное назначение корабля легкомысленным, если бы корабль не находился, по исконному замыслу китайской игрушки, в постоянном движении.

Игрушка была изготовлена при дворе маньчжурского императора Канси по рецептам западных часовщиков, а после смерти Канси в 1722 году мастерская механиков прекратила существование: для его преемников западные забавы были ничем. В любом случае в Петербурге этот ценный дар оказался при жизни Петра I: не вполне ясно, передан ли он был посольству Л.В. Измайлова или же получен от Лоренца Ланга, секретаря российского посольства, который как раз был тесно связан с миссионерами, знатоками западной механики. Но существенно, что в стихотворении Шварц, двух последних строфах, есть схождение всех смыслов этой игрушки: и космогонического, и мифологического, и динамического.

Вторая строфа, скорее всего, полемична по отношению к парадигматическому западному изображению навигации, которая начинается весной. Полярная экспедиция здесь уже не предмет повествования в книге, но единственная реальность, позволяющая осмыслить отношение стихий, в том числе стихии чтения. Именно в природе оказывается то манящее, что и позволяет говорить о полярных экспедициях как об образе всей человеческой жизни, где медленные влечения, соблазны и неопределенные мечтания («туча лиловата») и составляют содержание переживаний, в то время как книжные переживания могут только отчасти им соответствовать.

Книжные переживания – это как запуск того самого часового механизма, который служит вовсе не отсчету времени, в котором и образуется та самая западная читательская телесность, но реализации мифологической ситуации неопределенных гиперборейских влечений. Образец западного изображения времени как сезонного отсчета, без обращения к полюсу, который и ведает запуском сезонов – это, конечно, ода Горация I, 4, которая начинается картиной весны: «*Solvitur acris hiems grata vice veris et Favoni, / trahuntque siccas machinae carinas*» [разрешается суровая земля добрым поворотом весны и Зефира, и тащат машины сухие кили]. В этой импрессионистической картине Горация поворот на весну или поворот весны – разрушение прежней зимней скованности и начало навигации, требующей усиленного внимания. Здесь нет общего запуска всех механизмов; напротив, смена времен года оспаривает привычную зависимость всех явлений друг от друга, внезапно врывается зефир, а механическая организация навигации требует, наоборот, от корабельщиков немалой смелости.

А вот китайская игрушка выплывает из страны блаженной страсти, она влекома непонятным стремлением подчинить себе всё пространство, не подчиняя его, и чистый эротический танец и придает смысл этому стремлению, превращает *эротическое* в чистую игру, хотя оно начиналось с космогонической разметки мироздания и вычленения

мира полярных духов. В этом смысле экфрасисом оказывается не текст, а скорее, *функционирование* китайской игрушки. Это функционирование, как обратный экфрасис, описывает ситуацию природы. Обратный экфрасис показывает, как механическое оживает в органическом и как начальная механика страсти превращается в чистую игру стихий, отражающую столь же чистое, ни во что не вмешивающееся наблюдение за происходящим.

Поэтому мы можем реконструировать сюжет Шварц как метакритику чтения и фланерства. В стихотворении говорится не о приятности чтения, а о том, что сама механика чтения регулирует и ситуации внимательного чтения, и ситуации вовлеченного чтения. Эта механика подчиняется не порядкам наших привычек и габитусов, но порядкам катастроф. Над этими катастрофами *властна игрушка* – именно она только и может засвидетельствовать, что это не случайное чтение, не бред, не иллюзия, а настоящая встреча с реальностью. Она оказывается универсальным *шифтером* объективности и создающим любое субъективное состояние читателя как состояние встречи с собой и другим. А интенсивность поэтической речи тогда отвечает и интенсивности субъективного желания, и общей интенсивности эротической мифологии, влекущей к страшному и запретному.

Полученные результаты и выводы

Таким образом, можно говорить, что китайская мифология служит в позднем творчестве Елены Шварц альтернативой западной (античной) мифологии эроса, который изначально (у Гесиода) понимается как космогоническое начало, но постепенно превращается в индивидуализированную страсть, благодаря риторическим фигурам, запускающим уже местную космогонию соединения тел, как это и происходит в античной лирике или диалоге «Пир» Платона. В китайской мифологии, благодаря появлению иезуитского искусства расчета и создания расчетливых часовых механизмов, актуализуется другой эротизм, как бы необязательный для космогонии, но прямо следующий из уже осуществившейся космогонической справедливости. Механизм оказывается эротическим фрагментом в общей справедливой икономии покорения и покорности. В таком случае обратный экфрасис и позволяет понять, как возможен эрос вообще, как увлечение чем-либо.

Елена Шварц в стихотворении преодолевает привычные представления о чтении как вчитывании себя в текст, которое и определяет телесную культуру и в конце концов эротическое обаяние пластического тела. В ее поэтике как раз эротическим обаянием обладает только сам экспонат, который при этом не описывается. Он определяет каждый режим катастрофы как режим неполноты, никакая катастрофа не может быть окончательной,

не может низвергнуться в то безумие, о котором писал Якобсон. Поэтому так нарочито условны все эпизоды чтения в этом стихотворении. Напротив, в стихотворении эротическая полнота начального полярного путешествия, путешествия корабля из полярной области блаженных в полярных вспышках на парусах чистого серебристого эроса. Как воспоминания, так и предчувствия – это только способы описания произошедшего, тогда как суть описания – в этом паломничестве, с риском для жизни, но уже осуществившемся в реальности и совершенно реалистичном.

Обратный экфрасис можно считать общим свойством позднего творчества Шварц. В тот же период Шварц выступила с повестью «Концерт для рецензий», своеобразным вариантом магического реализма. В этой повести изображена жизнь ленинградского alter ego, участника войны и знакомящего всей тогдашней литературной сцены. Наследие русской литературы в этой повести не просто известно, оно вторгается и становится частью его жизни. Это можно считать обратным экфрасисом и одновременно той самой новой концепцией чтения: герой не вычитывает о себе в русской литературе, не проецирует себя в нее, – но напротив, его бытие и оказывается способом развернуть те космогонии, которые как бы содержатся в русской литературе. Наконец, и биография Д'Аннунцио «Крылатый циклоп» также представляет героя не как читателя, вчитавшего себя в образцы прежней литературы, но как изобретателя новых режимов чтения, в том числе чтения его судьбы и его поступков. Это чтение может быть восторженным, авантюрным, странным, даже сомнительным, но оно никогда не будет таким, каким чтение было прежде. Исследование других категорий, описывающих особенности позднего творчества Шварц, кроме обратного экфрасиса, – дело будущих исследований.

Источники фактического материала

Гораций Флакк, К. Ода I, 4. [латинский текст и русские переводы]. URL: <https://www.horatius.ru/index.xps?2.104> (дата обращения: 01.12.2023).

Механическая ладья (игрушка) [официальное описание экспоната]. URL: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/64543?query=%25D0%259B%25D0%2590%25D0%2594%25D0%25AC%25D0%25AF%2520%25D0%259D%25D0%2595%25D0%2591%25D0%2595%25D0%25A1%25D0%259D%25D0%2590%25D0%25AF&index=3> (дата обращения: 01.12.2023).

Шварц Е.А. Китайская игрушка // Знамя. 2006. № 6. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=2983> (дата обращения: 01.12.2023).

Шварц Е.А. Концерт для рецензий // Знамя. 2007. № 10. URL: <https://magazines.gorky.media/>

znamia/2007/10/koncert-dlya-recenzij.html (дата обращения: 01.12.2023).

Шварц Е.А. Габриэле Д'Аннунцио. Крылатый циклоп. Санкт-Петербург: Вита Нова, 2010. 528 с.

Библиографический список

Азаренков А.А. И. Бродский и О. Седакова: Мотивы христианства в поэтической системе // *Acta Eruditorum*. 2022. Вып. 40. С. 3–8.

Беньямин В. Бодлер. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2023. 224 с.

Воронцова К.В. Пространство русской литературы в поэзии Елены Шварц // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2012. Т. 70. № 6. С. 136–139.

Житенев А.А. О нескольких «эрмитажных» экфрасисах Виктора Кривулина // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2021. Т. 13. № 1. С. 83–89.

Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2005.

Марков А.В. От знака к знанию. Москва: Рипол-Классик, 2018. 174 с.

Марков А.В. Сложный экфрасис в русской поэзии: основы теории и один пример // *Вестник Костромского государственного университета*. 2019. Т. 25. № 2. С. 91–97.

Марков А.В. Эрмитажный сложный экфрасис Роальда Мандельштама: тень «Катилины» Блока и вопросы датировки стихотворений // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*. 2020. № 3. С. 40–43. а

Марков А.В. Закономерности христианской культуры в поздней поэзии Елены Шварц // *Культурный код*. 2020. № 3. С. 7–14. б

Романов А.А. Алфавит и функции телесного кода в лирике Елены Шварц // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика*. 2018. Т. 18. № 4. С. 459–462.

Седакова О.А. Очерки другой поэзии. Очерк первый: Виктор Кривулин // Седакова О.А. Проза. Москва: NFQ; Ту Принт, 2001. С. 684–705.

Штайн О.А. Трансформация телесности в современном мире // *Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*. 2010. № 1. С. 99–102.

Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / пер. с англ. А.К. Жолковского // *Принципы типологического анализа языков различного строя*. Москва: Наука, 1972. С. 95–113.

Якобсон Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // *Семиотика*. Москва: Радуга, 1983. С. 462–482.

Якобсон Р.О. Язык и бессознательное / пер. с англ., фр. К. Голубович. Москва: Гнозис, 1996. 248 с.

References

Azarenkov, A.A. (2022), I. Brodsky and O. Sedakova: Motives of Christianity in the poetic system, *Acta Eruditorum*, vol. 40, pp. 3–8.

Benjamin, W. (2023), *Baudelaire*, Ad Marginem Press, Moscow, Russia.

Vorontsova, K.V. (2012), Space of Russian literature in the poetry of Elena Shvarts, *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, vol. 70, no. 6, pp. 136–139.

Zhitenev, A.A. (2021), About several "Hermitage" ekphrasis of Victor Krivulin, *Vestnik of Perm State University. Russian and foreign philology*, vol. 13, no. 1, pp. 83–89.

Lotman, Yu. (2005), *Semiosphere: Culture and Explosion. Inside the Thinking Worlds*, Art-SPB Publ, Saint-Petersburg, Russia.

Markov, A.V. (2018), *From sign to knowledge*, Ripol-Classic, Moscow, Russia.

Markov, A.V. (2019), Complex ekphrasis in Russian poetry: basics of theory and one example, *Vestnik of Kostroma State University*, vol. 25, no. 2, pp. 91–97.

Markov, A.V. (2020a), Hermitage complex ekphrasis of Roald Mandelstam: the shadow of Blok's "Catiline" and the issues of dating poems, *Vestnik of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, no. 3, pp. 40–43.

Markov, A.V. (2020b), Regularities of Christian culture in the late poetry of Elena Shvarts. *Cultural Code*, no. 3, pp. 7–14.

Romanov, A.A. (2018), Alphabet and functions of the body code in the lyrics of Elena Shvarts, *Izvestia of Saratov University. New Series. Series Philology. Journalism*, vol. 18, no. 4, pp. 459–462.

Sedakova, O.A. (2001), Sketches of other poetry. Essay one: Viktor Krivulin, *Prose*, pp. 684–705, NFQ Tu Print, Moscow, Russia.

Shtayn, O.A. (2010), Transformation of corporality in the modern world, *Vestnik of Udmurt University. Series "Philosophy. Psychology. Pedagogy"*, no. 1, pp. 99–102.

Jakobson, Roman (1972), Shifters, verb categories and the Russian verb. tr. A.K. Zholkovsky, *Principles of Typological Analysis of Languages of Different Structures*, pp. 95–113, Nauka Publ., Moscow, Russia.

Jakobson, Roman (1983), Poetry of grammar and grammar of poetry, *Semiotics*, pp. 462–482, Raduga Publ., Moscow, Russia.

Jakobson, Roman (1996), *Language and the Unconscious*, ed. by X. Golubovich, Gnosis Press, Moscow, Russia.

Submitted: 01.01.2024

Revised: 02.02.2024

Accepted: 01.03.2024



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82-1

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-1-58-68

Дата поступления: 10.01.2024
рецензирования: 01.03.2024
принятия: 04.04.2024

О.А. Журавлева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: zhuravchic@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5515>

Роман в стихах: поэтика пограничной формы

Аннотация: перестройка жанровой системы и выход романа на ведущее место в литературном процессе на рубеже XVIII–XIX вв. приводит к романизации жанров и появлению гибридных форм, чья внутренняя мера определяется взаимодействием разнородных стратегий и техник. Объектом статьи является результат романизации лироэпической поэмы – роман в стихах, чей статус с момента его появления является проблемным как для литературы, так и для литературоведения. В статье кратко освещается история появления, разнообразие определений и тематики романа в стихах, анализируются его ведущие жанровые черты, а также предпринимается попытка показать, как в пределах этой формы романное и лирическое начала трансформируют друг друга. Роман в стихах рассматривается в качестве литературного жанра, в котором сложное многоуровневое взаимодействие прозаического и поэтического слова под воздействием процессов распада культуры готового слова и романизации становится формообразующим принципом. Делается вывод о том, что результатом такого сложного межжанрового взаимодействия является изменение понимания поэтического, а сам феномен жанра сопутствует становлению романа в прозе, участвуя в поиске им своей внутренней меры, и отражает масштабный поиск литературой «примирительной» формы в условиях ценностного кризиса.

Ключевые слова: поэма; романизация; диалог; повседневность; жанровая модальность; викторианская литература; метрические поэмы В. Скотта; Евгений Онегин.

Цитирование: Журавлева О.А. Роман в стихах: поэтика пограничной формы // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4. № 1. С. 58–68. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-58-68>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Журавлева О.А., 2024 – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

O.A. Zhuravleva

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: zhuravchic@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5515>

A novel in verse: poetics of intermediate form

Abstract: at the turn of the 18th-19th centuries, the genre system restructuring and the leading role of the novel in the literary process leads to the novelization of genres and the emergence of hybrid forms, the internal measure of which is determined by the interaction of different kinds of strategies and techniques. The object of the article is a novel in verse as a result of the novelization of the lyric epic poem, whose status since its emergence has been problematic for both literature and literary studies. The article provides a brief overview of the novel in verse history, the variety of its definitions and themes, it analyses its leading genre features, and attempts to show how the novel and lyric transform each other within this form. The novel in verse is regarded as a literary genre, where the complex multilevel interaction of the prose and poetic word under the influence of the processes of the ready-made word decay and novelization becomes a genre-forming principle. It is concluded that the result of such complex inter-genre interaction is a change in the understanding of the poetic, and the phenomenon of the genre itself accompanies the novel formation, participating in its search

for its internal measure, and reflects literature large-scale search for a “reconciliatory” form in the conditions of the value crisis.

Key words: poem; novelization; dialogue; everyday life; genre modality; Victorian literature; metrical poems by W. Scott; Eugene Onegin.

Citation: Zhuravleva, O.A. (2024), A novel in verse: poetics of intermediate form, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 1, pp. 58–68, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-58-68>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Zhuravleva O.A., 2024 – postgraduate student of the Russian and Foreign Literature and Public Relations department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

До сих пор роману в стихах уделялось недостаточно внимания в отечественном литературоведении: он если не игнорируемый, то избегаемый большинством исследователей жанр. Работы по поэтике романа в стихах традиционно основаны на исследовании «Евгения Онегина» А.С. Пушкина. Таковы работы М.М. Бахтина (Бахтин 1975) о романном слове и диалогизме, исследования С.Г. Бочарова (Бочаров 1974) и Ю.Н. Тынянова (Тынянов 1977), посвященные стилю и композиции «Евгения Онегина», монографии о реализме в романе Г.Н. Поспелова (Поспелов 1941), Г.А. Гуковского (Гуковский 1948) и Н.Д. Тамарченко (Тамарченко 1977), работы по поэтической структуре романа Л.П. Гроссмана (Гроссман 1928), Г.О. Винокура (Винокур 1990) и О.А. Проскурина (Проскурин 1999), а также исследования Ю.М. Лотмана (Лотман 1988; Лотман 1995). Что касается других романов в стихах, они часто рассматриваются на орбите пушкинского как «производные» от него или не достигшие присущей ему жанровой полноты.

В западном литературоведении – особенно в британском и американском – интерес к роману в стихах зарождается в 1970-х с выходом диссертации М. Мэги (M. Magie) с названием, подчеркивающим проблемный статус жанра: «The Verse-Novel: Bastard Child of the Nineteenth Century» (1971). Многие из англоязычных исследований рассматривают жанр с точки зрения гендерного подхода в его феминистском и квир- (англ. *queer* – странный, необычный) аспекте, указывают на его маргинальность и «подрывную мощь» (Д. Феллуга), подразумевая под этим его важную роль в процессе распада жанровой иерархической системы. В то время как некоторые исследователи романа в стихах, в первую очередь крупный теоретик жанра и автор нескольких монографий по теме Д. Феллуга (D. Felluga), делают попытки подробного изучения жанра, другие, например, Н. Мур (N. Moore), избегают определять тексты как романы в стихах, классифицируя их как частные случаи нарративной поэзии. Тем не менее интерес к роману в стихах как к периферийной форме в последние годы растет. Так, в 2017 г. вышли сразу две монографии –

«A Genealogy of the Verse Novel» К. Эддисон (C. Addison) и «The Victorian Verse-novel: Aspiring to Life» С. Марковиц (S. Markovits), – подробно рассматривающие роман в стихах в его историческом и теоретическом аспектах. На данный момент существует следующая проблема: с одной стороны, исследователи склонны игнорировать существование романа в стихах, с другой стороны, переоценивать его радикальность, делая практически локомотивом модернизации викторианской литературы XIX в. При этом большинство работ анализируют англоязычные романы в стихах XX–XXI вв., уделяя мало внимания проблеме рождения жанра.

Исследование романа в стихах кажется актуальным на фоне возросшего интереса литературоведения к субжанрам и всевозможным межжанровым образованиям. Цель этой статьи видится нам следующим образом: не обосновать легитимность жанра, но показать роман в стихах как форму с «мерцающей идентичностью», которая однажды родилась в самом центре процесса романизации и с тех пор пребывает на границе между прозой и стихом, формируется в пространстве родового синтеза и остается по своей сути лиминальным жанром, который не отдает предпочтения ни стиху, ни прозе, но скорее находит себя, свою внутреннюю меру, в постоянном взаимодействии разнородных стратегий и техник. Таким образом, жанр романа в стихах видится нам в качестве становящейся, всегда неготовой формы, возникшей под воздействием процесса романизации повествовательной поэзии.

Ход исследования

Несмотря на то, что ответом на своеобразный крах поэтического рынка 1820–1830-х гг. в Англии стала маргинализация поэзии, повлекшая за собой появление достаточного количества романов в стихах, достоверно можно отследить зарождение жанра уже на рубеже XVIII–XIX вв.: первым текстом, обозначившим себя как «поэтический роман», был эпистолярный роман А. Сьюард «Луиза», опубликованный в 1784 г. «Путеводитель по новым баням» К. Ансти, опубликованный в 1766 г., также должен быть отнесен к раннему образцу

жанра по ряду признаков. К. Эддисон предлагает отодвинуть появление жанра еще на сто лет и считать «Фарониду» (1659) У. Чемберлейна первым романом в стихах на английском языке. Однако все эти примеры кажутся спорадическими случаями зарождения романа в стихах и как будто свидетельствуют не о поступательном вызревании формы-традиции, но о том, что периодически в европейской культуре складываются благоприятные условия для рождения гибрида поэмы и романа. Сходным образом развивается история романа в прозе: роман зарождался в европейской литературе несколько раз и отдельные его образцы, принадлежащие к разным культурам и векам, не всегда становились импульсом к развитию устойчивой традиции.

Хотя примеры стихотворных романов до XVIII в. достаточно скудны, с начала XIX в. эта традиция, пусть и не широко распространенная, не прерывается. Стихотворные романы сопровождают магистральное становление западноевропейского романа в прозе, находясь в диалоге с ним и питаясь во многом теми же источниками. Первый расцвет жанра относят к 1810-1830 гг. и связывают с выходом в свет «Дона Жуана» (1818–1824) Дж. Г. Байрона, «Евгения Онегина» (1831) А.С. Пушкина и «Пана Тадеуша» (1834) А. Мицкевича. Примечательно, что Вяч. Иванов называл «Евгения Онегина» «первым и, может быть, единственным «романом в стихах» в новой европейской литературе» (Иванов 1987, с. 222), т.е. выделяет его среди прочих как достигший наибольшей полноты, воплощенности новой формы, решительно отмежевывает его от поэмы. Как известно, в русской литературе «Онегин» не дал толчка к развитию устойчивой традиции романа в стихах, вместо этого явившись как бы переходной формой между поэмой и прозаическим романом XIX в. (С.Г. Бочаров: «художественная постройка “Онегина” содержит своего рода “теорию реализма” и “теорию романа” – не как отвлеченную систему, но как “живое созерцание”» (Бочаров 1967, с. 115); Ю.М. Лотман: «подчеркнутая литературность повествования [...] парадоксально разрушает самый принцип “литературности” и ведет к реалистической манере» (Лотман 2003, с. 411)). В течение XIX–XX вв. в русской и советской литературе появляются поэмы, которые – с оговорками – могут быть отнесены к жанру романа в стихах, такие как «Сашка (нравственная поэма)» (1835–1836, 1839) М.Ю. Лермонтова, «Двойная жизнь» (1848) К.К. Павловой, «Дневник девушки» (1850) Е.П. Ростопчиной, «Свежее предание» (1862) Я.П. Полонского, «Возмездие» (1921) А. Блока, «Спекторский» (1931) Б.Л. Пастернака, «Поэма без героя» (1940–1962) А.А. Ахматовой, однако в сравнении с английской литературой об устойчивой традиции говорить не приходится. В англий-

ской литературе писатели и поэты активно обращаются к жанру стихотворного романа на протяжении всего XIX в., а 50–60-е гг. для викторианской литературы становятся временем расцвета жанра: пишут свои романы в стихах А.Л. Теннисон, Р. Браунинг, Э.Б. Браунинг, А.Х. Клафф, Дж. Мередит и др.

Существенные изменения в балансе между поэзией и прозой с точки зрения повествования происходят в середине XIX в., однако впервые проза в лице романа начинает теснить поэзию на рубеже XVIII–XIX вв., когда читатель обращается к историям, рассказанным с позиции современного опыта, в силу своей многоаспектности требующего прозы, которая позволяет выразить сложные и во многом противоречивые представления человека модерна о мире и личности. Помимо этого, на возникновение романа в стихах повлияла массовая культура, зарождение которой историки относят к первой трети XIX в., и в особенности появление во всех смыслах доступной литературы (первые «Грошковые ужасы» появляются в 1836 г.). Так, Л. Эрикссон утверждает, что в Англии к 1825 г. сложились все условия для появления массового рынка, ориентированного на средний класс и его предпочтения, среди которых главным литературным жанром был роман (Erickson 1996, p. 36). Одна из ведущих черт романа – его развлекательный характер и простота восприятия. Роман появляется как жанр, не вполне соответствующий высокому вкусу, лишенный каких-либо заметных эстетических и моральных стандартов, рассчитанный на неискушенную публику, охочую до увлекательных жизнеподобных сюжетов, прежде всего женскую. Будучи популярной литературой, роман соответствует ожиданиям этой публики, господствующему стандарту вкуса и потому представляет собой коммерческую жанровую литературу, «находящуюся на передовой линии сражения» в поле литературы (Bourdieu 1995, p. 71). Противоречивость романа в стихах проистекает из того обстоятельства, что в то время, как роман с самого начала имел репутацию «низкого» жанра, большинство поэтических жанров, в особенности эпос, являются «высокими» литературными формами, для чтения которых требуется определенная подготовка. Как метко замечает К. Эддисон, с самого начала отношения между стихом и романом подразумевали «выравнивание литературного статуса между двумя неравными супругами» (Addison 2017). И в XVIII–XIX вв. тексты, называвшие себя или рассматриваемые исследователями как стихотворные романы, имели тенденцию избегать высокого стиля большей части поэзии того времени и склонялись к смысловой и языковой доступности романа. Ощущение поглощенности вымышленным, но правдоподобным, т.е. имеющим прямую связь с окружающей действительностью, миром, которое

вызывал опыт чтения романа в прозе XIX в., являлось одним из ведущих аспектов чтения романа в стихах. Их сюжет обычно также разворачивался в современности, а не в историческом или мифическом прошлом и, хотя он мог включать некоторые элементы, однозначно опознаваемые читателем как романские, т.е. принадлежащие сфере вымысла, такие как удачное стечение обстоятельств или счастливая концовка, его события опознавались как имитирующие материальный мир читателя, т.е. жизнеподобные, а герои выглядели и действовали как люди в реальном мире, их мысли и чувства, коррелировавшие с субъективным опытом читателя, вызывали сочувствие. Кроме того, в отличие от поэтических жанров, предметом романа в стихах могла стать повседневная частная, а зачастую «домашняя», жизнь, позволявшая читателю, в особенности женской аудитории, идентифицировать себя с персонажами. Поэтическая форма романа добавляла к опыту чтения новый рецептивный аспект, однако большинство романной прозы XIX в. было в известном смысле «поэтическим», а многие читатели романов также являлись активными потребителями поэзии, поэтому этот аспект не был решающим. Несмотря на то, что роман в стихах на протяжении всей своей истории разделял регистр и читательскую аудиторию романа в прозе, появление жанра нельзя рассматривать исключительно как борьбу поэтов за возвращение территории, которую они уступили романистам. Формальная и содержательная неоднородность романов в стихах и различия в эстетических воззрениях и художественных методах их авторов показывают, что жанр находился в активном взаимодействии с другими современными ему формами. Так, лирическая поэма «Дон Жуан» Байрона, которую уже в 1830 г. Дж. Галт предлагал определять как поэтическую новеллу (Galt 1830), представляет собой многожанровое образование: в ней находим следы рыцарского, плутовского и готического романов, биографии, историографии, сатиры, путешествия и др., а также ссылки на такие нелитературные жанры, как религиозная литература, юридические законы, путевые заметки и т.д. (Vone 2004, p. 11).

Если бы мы решили определить некий инвариант романа в стихах, мы бы столкнулись с теми же трудностями, с которыми сталкиваются исследователи, пытающиеся установить устойчивую совокупность конститутивных черт романа в прозе: жанровые свойства не являются необходимыми и не наследуются от произведения к произведению, а представляют собой группу характеристик с расплывчатыми границами ввиду непостоянного количества слагаемых. Попытки определить роман в стихах иначе, как описательным образом, терпят неудачу: так, К. Эддисон в своем исследовании «Генеалогия романа в стихах», пытаясь окончательно установить место романа в стихах в рамках

общей таксономии жанров, приходит к выводу, что «как бы мы их (*романы в стихах* – О. Ж.) ни классифицировали [...] “длинная повествовательная поэма” является их окончательным и адекватным определением» (Addison 2017, p. 544). В самом широком смысле роман в стихах может быть определен как романизованная повествовательная поэма значительного размера, имеющая предмет реалистичное изображение действительности, включающее достаточное количество персонажей, событий и объектов, т.е. отличающаяся усложненной структурой повествования, романским типом героя и сюжета, специфическим статусом автора (автор как герой повествования) и формообразующими, динамическими отношениями стиха и прозы.

«Роман в стихах» – жанровое определение, впервые появившееся в русской литературе в качестве авторского подзаголовка «Евгения Онегина» и с тех пор закрепившееся в отечественном литературоведении. Примечательна конъюнктивность, с которой автор подошел к определению романа: Пушкин ясно дает понять, что текст является гибридным, помещая в качестве подзаголовка определение «роман в стихах», а также давая ему весьма неоднозначную, противоречивую характеристику, во вступлении обозначая, что это произведение есть «...собрание пестрых глав, Полусмешных, полупечальных, Простонародных, идеальных, Небрежный плод моих забав, Бессонниц, легких вдохновений, Незрелых и увядших лет, Ума холодных наблюдений И сердца горестных замет» (Пушкин 1950, с. 7). Таким образом, Пушкин видит необходимость уже в паратексте заявить двойственность текста, как бы отказываясь давать ему завершенное, как того в недавнем прошлом требовала риторика, жанровое и тематическое определение.

Оба доминирующих в англоязычном литературоведении понятия «verse novel» (стихотворный роман) и «novel in verse» (роман в стихах) ставят слово «роман» в субстантивную позицию, а слово «стих» сводится к адъективной модификации, т.е. с точки зрения грамматики «стихотворный роман» является, по существу, «романом». О.А. Проскурин, анализируя структуру «Евгения Онегина», напротив, делает вывод, что в пушкинском подзаголовке «роман в стихах» определяющим словом является «в стихах», таким образом, в авторской жанровой характеристике первичны именно стихи. Авторы стихотворного романа XVIII–XIX вв. придерживались разных взглядов на то, какие именно поэтические и повествовательные элементы желательно включать в название: «поэтический роман» (poetical novel, А. Сьюард), «метрическая поэма» (metrical romance, В. Скотт), «роман в стихах» (novel in verse, Э. Бронте; А. Пушкин), «роман-поэма» (novel-poem, Р. Браунинг),

«бытовой роман в стихах» (domestic novel in verse, Э. Бульвер-Литтон) и т.д. Необходимо отметить и то, что в то время, как одни авторы дали своим произведениям жанровое определение, другие никак не обозначили место своих текстов в жанровой таксономии. Многообразие определений дает представление о том, что форма воспринимается авторами как неготовая, экспериментальная. Более того, название «роман в стихах» должно было восприниматься их современниками как оксюморон, поскольку в представлении классицизма, которое сохранялось в XIX в., роман – прозаический жанр, существующий где-то на границах таксономии, в то время как поэзия относится к высоким жанрам.

Жанровая модальность – ведущая конститутивная черта романа в стихах. Как и роман в прозе, он демонстрирует разнообразие содержательное и формальное, оставляя уникальное соотношение элементов за конкретным произведением. Вероятно, существует столько определений романа, сколько существует самих романов, и, говоря о том, что есть роман, проще определить, чем роман не является. Хотя в прошлом отдельные поэтические стили были связаны и обусловлены определенным содержанием и формой, роман в стихах никогда не был привязан к конкретной поэтической форме: с самого начала разные тексты сильно отличались друг от друга по длине строк и форме стихов. Как показывает К. Эддисон, начиная с «Луизы» и далее, используются все три основные метрические линии: пентаметр, тетраметр и гекзаметр, а также множество различных типов строф и рифм, в том числе авторские (онегинская строфа), или их отсутствие (белый стих). Роман в стихах допускает и отступление от размера – невозможная для поэмы вольность: так, Байрон в «Доне Жуане» пишет несколько песен не октавой (стихи некоего поэта в песне третьей и песня леди Амондевилл в песне шестнадцатой), а Пушкин демонстрирует такие же отступления от онегинской строфы в «Онегине». Жанровая неоднородность достигается также за счет включения авторами в романы в стихах песен («Марианна» У.Б. Скотта), дневниковых записей («Аврора Ли» Э.Б. Браунинг), писем («Евгений Онегин» А.С. Пушкина), драматического монолога («Кольцо и книга» Р. Браунинга, поэмы В. Скотта), а также романного поглощения – своеобразного «присвоения» и переработки романом – жанров сонета («Современная любовь» Дж. Мередита), эпического романа («Королевские идиллии» А.Л. Теннисона) и др. Эти примеры свидетельствуют о разнообразии техник, используемых авторами романизированной поэмы и романа в стихах XIX в.

Не может роман в стихах быть определен и через такие аспекты содержания формы, как тематика и тип повествования, т.к. и то и другое

чрезвычайно разнообразны. Тематический спектр романов в стихах XVIII–XIX вв. весьма широк и включает в себя следующие темы (но не исчерпывается ими):

- эпистолярные повествования («Новый путеводитель по баням» К. Ансти, «Луиза» А. Сьюард, «Семья Фадж» Т. Мура, «Любовное путешествие» А.Х. Клафа, «Победы любви» К. Патмора, «Письмо к терпению» Дж. Хейнса, «Письма Предера» Дж. Бейкера Холла);

- биография и Bildungsroman («Дон Жуан» Байрона, «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, «Аврора Ли» Э.Б. Браунинг);

- легенды о Доне Жуане («Дон Жуан» Байрона);

- социальный роман («Гризельда» У.С. Бланта, «Свежее преданье» Я. Полонского);

- семейные саги («Лоуренс Блумфилд в Ирландии» У. Эллингема, «Семья Фадж» Т. Мура);

- «женские» романы («Луиза» А. Сьюард, «Аврора Ли» Э.Б. Браунинг, «Рынок гоблинов» К. Росетти, «Гризельда» У.С. Блант) (тот факт, что роман в стихах был облюбован женщинами-писательницами, может, как и в случае с драмой в стихах, а также ранним положением романа в прозе, свидетельствовать об известной маргинальности жанра. От момента рождения жанра через весь XIX в. прослеживается нить текстов, обращенных к анализу положения женщины в обществе и часто сосредоточенных на женской сексуальности);

- исторический роман («Пан Тадеуш» А. Мицкевича, «Свежее преданье» Я. Полонского, с оговорками – исторические поэмы В. Скотта);

- сатира («Дон Жуан» Байрона, «Семья Фадж» Т. Мура);

- любовные романы («Луиза» А. Сьюард, «Евгений Онегин» А. Пушкина, «Аврора Ли» Э.Б. Браунинг, «Любовное путешествие» А.Х. Клафа, «Ангел в доме» К. Патмора и др.). Здесь же отметим, что многие романы в стихах романтического и викторианского периода посвящены любовным отношениям. Романтические отношения представляются неким компромиссом, позволяющим авторам удержать повествование в сфере поэтического (любовь традиционно расценивалась как сфера поэтического) и одновременно сделать предметом истинно романские отношения, которые могут быть отнесены к «буржуазному» эпосу, каковыми и являются близкие отношения между персонажами. Наконец, являющийся кульминацией романтических отношений брак – одна из сфер жизни XIX в., где личное и общественное непосредственно пересекаются, если не конфликтуют, и которая поэтому может рассматриваться в качестве единственной доступной арены для героических действий (особенно это актуально для обществ с пуританской моралью, таких как викторианское).

Как видно из перечня, большинство из названных произведений являются мультижанровыми и могут быть отнесены сразу к нескольким тематическим группам. Отказ от родового монолога и расшатывание иерархии жанров, которые подразумевает бахтинское понимание романизации, ведет к жанровой дисперсии романа в стихах. Такая способность пересекать жанровые границы очевидным образом роднит роман в стихах с романом в прозе: с точки зрения содержания и формы роман в стихах оказывается не менее разнообразным, чем роман в прозе, и разделяет способность последнего быть диалектическим в своей постоянной конфигурации соседних жанров. Отсутствие жанрового единства позволяет крупному теоретику викторианского романа в стихах Д. Феллуге заключить, что «только в 1850–1860-х годах роман в стихах действительно стал самостоятельным гибридом двух архиродовых форм, которые до этого момента считались непримиримыми и даже антагонистическими» (Felluga 2002, p. 172).

Отношения стиха и прозы в романе в стихах – ключевая проблема в исследовании жанра. Хотя литературоведение уже много лет активно откликается на спрос на междисциплинарные исследования, а современные жанровые концепции допускают существенную свободу в межжанровых отношениях, есть несколько границ, которые, тем не менее, остаются относительно ненарушаемыми, в частности, граница между стихом и прозой.

А. Сьюард в предисловии к роману в стихах «Луиза, поэтический роман в четырех посланиях» замечает: «Один изобретательный друг, прочитав первое послание, заметил, что в “Луизе...” могло бы с большей подробностью быть описано признание ее возлюбленного и то, как это признание было воспринято; но автор счел предпочтительным поэтический способ донесения этих событий до сознания читателя». Далее Сьюард проводит черту между ее романом и «Элоизой», пеня на недостаток деталей, мимесиса, обусловленные другим модусом описания – поэтическим, а не прозаическим, – при описании встречи у Поупа: «“Элоиза” подробно описывает ужасный пейзаж, образованный скалами, реками и горами Параклита, но отнюдь не подробно рассказывает о любовном свидании между Элоизой и Абельяром. “Луиза...” рассказывает о раннем внимании к ней возлюбленного, но при этом оставляет воображению способ, которым он объявил о его источнике» (Seward 1784, p. 3–4) (здесь и далее перевод мой – О.Ж.). Для Сьюард различие между ее романом и романом Поупа кроется в фокусе повествования: в то время как «Луиза...» говорит на языке романа в том смысле, что в ней внимание сосредоточено непосредственно на событии, повествование «Элоизы» лирично. Роман Сьюард поэтический, но не лирический – интенсивный эмоциональ-

ный регистр, связанный с лирикой, считался несовместимым с акцентом раннего стихотворного романа на современность и объективное (согласно возможностям метода того времени) изображение общества и человека. Но почему Сьюард выбирает именно поэтическую форму для своего повествования? В чем «дьявольская разница» между романом и романом в стихах? Очевидно, выбор автором стихотворной формы неслучаен: он оказывает прямое влияние на повествовательный прозаический дискурс, делая опыт чтения романа в стихах отличным от опыта чтения как собственно романа, так и других крупных форм нарративной поэзии. Роман как эпический жанр требует от автора романа в стихах воссоздания сложной универсальной реальности при соблюдении норм характерных для поэтического изображения мира. Самая структура романа в стихах вырастает из постоянного преодоления противоречия между условностью стиховой формы и безусловностью жизненных явлений.

Очевидно, чтобы классифицироваться как стихотворный роман, текст должен одновременно соответствовать некоторым характеристикам стиха и романа. Хотя стих, как считает современное стиховедение, опознается по наличию строфы и специфической интонации, роман трудно определить, поскольку он чрезвычайно многогранен и непостоянен; это жанр, который принимает форму только для того, чтобы снова изменить её. С точки зрения диалогической концепции Бахтина, роман может быть охарактеризован как текст существенного объема, стремящийся к правдоподобию изображению действительности, имеющий связь с современностью, включающий персонажей, отличающихся сложным внутренним миром, и обладающий определенным диалогизмом. Возникает вопрос: при каких условиях текст может рассматриваться и как роман, и как стихотворение? Несмотря на то, что гибридность литературных жанров является скорее правилом, чем исключением, риторика на протяжении веков выстраивала свои жанровые системы на основании фундаментального различия и даже противопоставления романа и стиха (роман – это «поэма без метра» (Morhof 1682)). Однако все системы классификаций представляют собой исторические предположения, которые служат эстетическим и коммуникативным целям, следовательно, являются динамическими и эмпирическими, а не логическими. По мере того, как в эти противопоставленные друг другу группы входит все большее число членов, они подвергаются переосмыслению или упраздняются. Согласно жанровой теории Ж. Деррида, в отрыве от риторической системы не существует «чистых» форм – все они так или иначе «загрязнены» элементами других жанров. С учетом этого роман должен рассматриваться как «мон-

струозный» жанр, состоящий из переработанных фрагментов-языков других жанров. Следовательно, как только различие прозы и поэзии ставится под сомнение, могут быть опущены формальные различия между романом и другими типами художественного повествования, в том числе поэтическими.

Несмотря на то, что история европейского романа включает в себя произведения как в прозе, так и в стихах (известно, что рыцарские романы, по крайней мере со времен Т. Мэллори, не были ограничены формой), проза воспринимается большинством исследователей как одна из немногих устойчивых романских характеристик и является общим местом при рассуждении о романе. Многие крупные теоретики романа – М.М. Бахтин, Х. Ортега-и-Гассет, Я. Уотт – сходятся во мнении, что одной из фундаментальных отличительных черт жанра является то, что он написан в прозе. Этот формальный признак связан с требованием реализма: проза долгое время рассматривалась как знак того, что автор имеет дело с фактами, а не вымыслом. И совершенно очевидно, как показал Уотт, подъем романа в Англии, благодаря ряду обстоятельств ставший одной из наиболее плодородных почв для развития жанра (Дизраэли: «Англия – мастерская мира»), в XVIII в. был связан с развитием прозы, а основу реализма заложили крупнейшие прозаики того времени Дэфо и Ричардсон. Под их пером, считает исследователь, проза утратила большую часть своих литературных или поэтических качеств, став неизящной, расплывчатой, повторяющейся и даже вульгарной в интересах создания «непосредственности и близости» между словами и их предметом (Watt 1957, p. 28–31). Уотт полагает, что Ричардсону и Дефо пришлось изобрести новый тип прозы, потому что в их время «прозаическая норма... оставалась слишком литературной, чтобы быть естественным голосом Молль Флендерс или Памелы Эндрюс» (Там же, p. 30). Роман, таким образом, представляет собой форму, характеризующуюся непоэтической и незелантной прозой (Там же, p. 28–31), однако, как убедительно показывает К. Эддисон, несмотря на отчетливую приближенность к нелитературному языку, проза Ричардсона и Дэфо все же остается отчетливо «литературной» (Addison 2017, p. 25–26).

Для М.М. Бахтина прозаическая форма романа определяется ключевым для теории исследователя понятием диалога, базирующимся на дифференциации двух типов повествования – монологического (эпос) и диалогического (роман). Из этого следует, что роман может быть написан исключительно прозой, т.к. только она удовлетворяет принципу разноречия и делает возможным соединение языков и стилей. Для Бахтина разница между поэтическим и романским словом принципиальна: «вся-

кие попытки перенести на роман понятия и нормы поэтической образности обречены на неудачу. Поэтическая образность в узком смысле, хотя и есть в романе (преимущественно в прямом авторском слове), имеет второстепенное для романа значение. Более того, эта прямая образность часто приобретает в романе совсем особые, не прямые функции» (Бахтин 1975, с. 410). Заявляя, что роман – прозаический жанр, Бахтин все же признает существование романов в стихах и использует «Евгения Онегина» как яркий пример различия между романским и поэтическим словом, ставя диалогичность романа (автор фактически беседует с героем) выше его поэтической формы.

Г. Лукач, который также обычно отличает роман от поэзии, делает исключение для таких произведений, как «Евгений Онегин» и «Дон Жуан», называя их «типичными романами». Эти тексты, заявляет он, хотя и написаны в стихах, «принадлежат к числу великих юмористических романов» (Lukács 1971, p. 59). Эти частные исключения, которые крупные исследователи романа делают для романа в стихах – и, что не может остаться незамеченным, для произведений Пушкина и Байрона, – показательны: различия между прозой и поэзией не являются непреодолимыми. Тексты таких писателей, как А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, Ч. Диккенс, Э. Бронте, Г. Мелвилл и др., за счет ритмичности, образности производят впечатление поэтических; следовательно, прозаическая форма не должна быть достаточным или ультимативным критерием для определения романа, поскольку, во-первых, нет абсолютной границы между прозой и поэзией, во-вторых, проза и поэзия не являются взаимоисключающими категориями, наконец, большинство романов в стихах удовлетворяют более важным для романа требованиям – реализму, диалогизму, связи с современностью, соединению языков, наличию авторского «я» и романного, а не лирического типа героя и т.д.

Н.Т. Рымарь, говоря о ценностном конфликте модерна, указывает на «примирительный» характер романной формы: «Художественная организация романа – центрального для литературы XIX века жанра – рассматривается как литературная форма метанарративности, с одной стороны, раскрывающей драматическую противоречивость духовной ситуации новой эпохи культуры, с другой стороны, на уровне этой художественной формы предлагающей перспективу относительной гармонизации изображаемых противоречий» (Рымарь 2023, с. 48). Одним из первых в начале XIX в. попытку такой гармонизации предпринимает В. Скотт, в творчестве которого противостояние прозы и поэзии закономерно разрешилось их синтезом. Так называемые «метрические романы» (metrical romances) «Мармион» (1808), «Леди озера» (1810), «Видение дон Родерика» (1811),

«Рокби» (1813), «Свадьба в Трирмене» (1813), «Властитель островов» (1815), «Поле Ватерлоо» (1815) и «Гарольд Бесстрашный» (1817) демонстрируют проникновение романских элементов в лироэпическую поэму, по форме и по содержанию приближаясь к концепции стихотворного романа, несмотря на то, что в этот период автором еще не была найдена модель, которая позволила бы адаптировать к поэтическому повествованию такие черты романа, как наличие реалистических характеров, злободневность темы, связь с современностью. Вместо этого в метрических романах Скотта заметно влияние балладной поэзии с ее отрывочностью и недосказанностью, высоким стилем и обильной традиционными повторами лирической манерой повествования, чередованием драматического диалога с эпическим рассказом и типичным ритмом. Тем не менее, это поэмы нового образца: их герои узнаваемо человечны, а сюжет отчетливо новеллистичен, в основе – романтическая, «средневековая» фабула, поэмы снабжены масштабными этнографическими картинами-каталогами, а центре в соответствии с художественными взглядами романтической эпохи находится личность. Здесь зачинаются те принципы, которые будут применены Скоттом в его исторических романах, эстетика которых тесно связана с эстетикой поэзии Скотта, развивает и вбирает ее в себя. Таким образом, все творчество Скотта можно рассматривать как парадигму сдвига установленного риторикой баланса между поэзией и прозой, между поэмой и романом.

Открытые Скоттом художественные принципы будут развиты Пушкиным, чей «Евгений Онегин» – центральное произведение периода перехода русской литературы от романтизма к реализму, в котором еще не завершен спор между риторикой и поэтикой, но уже намечены черты русского романа XIX в. Сама структура произведения, основанная на соединении, но не слиянии двух начал, становится здесь объектом изображения. В.Б. Зусева-Озкан, определяя пушкинский роман как метароман первого диалогического типа или метароман идеального баланса, говорит об «Онегине» в контексте борьбы противоположных начал – «искусства и реальности, поэзии и прозы, вымысла и правды и, в конечном счете, романа и жизни» (Зусева-Озкан 2014, с. 8). В пушкинском романе сразу на нескольких уровнях (сюжет, система образов, стиль, триада «автор-герой-читатель» и др.) решается проблема отношений жизни и литературы, их драматического несоответствия. Роман, будучи поэтической формой, в которой парадоксальным образом господствуют стилистические нормы прозаической речи, самой своей структурой устанавливает между прозой и поэзией, фактом и вымыслом, жизнью и искусством новые гармоничные отношения, баланс которых

поддерживается на уровне субъективной организации произведения и его языка.

Н. Мур в своем исследовании «Victorian Poetry and Modern Life: The Unpoetical Age» (2015) доказывает, что викторианская повествовательная поэма является центром всех современных ей проблем – начиная от повседневной жизни и роли поэзии в ней до проблемы личности в обществе, брака и кризиса веры. Она характеризует такие произведения, как «длинная викторианская поэма о современной жизни» (the Victorian long poem of modern life). По ее мнению, в викторианскую эпоху три общепринятых ожидания от такой поэмы включают в себя: наличие занимательной истории, отказ от языковых условностей, т.е. определенное разнообразие стиля, связь с современностью (цит. по West 2014). Предпочтение, которое викторианцы отдают современности перед ушедшими эпохами, само по себе является существенным сдвигом в эстетике и свидетельствует о том, что в их сознании современность становится достойным предметом изображения даже в сфере идеального, заслоняя своей важностью прошлое, на которое долгое время в поисках предмета поэзии был устремлен взгляд европейца. В эпоху романтизации поэзия открывает для себя современность как источник нового вдохновения и легитимное пространство построения образа. Романное мышление не требует дистанции между предметом изображения и текстом, таким образом, перед автором романа в стихах больше не стоит проблема несоответствия между поэзией и современной прозаической действительностью.

В сферу поэтического активно проникает быт: в «Доне Жуане» Байрона драматические и лирические сцены любовных признаний, смерти от разбитого сердца, штурма крепости, каннибализма и войны соседствуют не только с комичными сценами с переодеваниями и прятанием в кровати любовницы, но также с «чулками, тапочками, щетками, расческами» (не можем игнорировать здесь пушкинское «Гребенки, пилочки стальные, Прямые ножницы, кривые И щетки тридцати родов И для ногтей и для зубов» (Пушкин 1950, с. 20)). Даже ночные горшки становятся полноправными объектами авторского внимания: «Под кроватью они искали и нашли... Неважно что – это было не то, что они искали» (Byron 1824). Соединение разных стилистических регистров – средство достижения комического эффекта, который, в частности, был одной из целей Байрона («Неужели вы полагаете, что у меня могло быть какое-то намерение, кроме как хихикать (самому) и заставлять хихикать (других)?») (цит. по The Works of Lord Byron, p. 16)). Вместе с тем соотносением «высокого» и «низкого» позволяет усомниться в адекватности существующей иерархии объектов изображения: подобно тому, как все может быть уравниво в неэпическую

эпоху, все может стать источником поэзии. Хотя обилие объектов, персонажей, сюжетных поворотов и авторских отступлений в «Доне Жуане» может создавать впечатление хаотического нагромождения, оно – часть замысла по созданию произведения настолько полного и всеобъемлющего, насколько полна и всеобъемлюща сама жизнь. В. Скотт писал применительно к поэме, что ею Байрону удалось «охватить все темы человеческой жизни и озвучить все струны божественной арфы, от самых незначительных до самых мощных и потрясающих сердце тонов» (цит. по *The Works of Lord Byron*, p. 19). Поиск литературой нового источника поэзии, адекватного способа изображения нового чувства жизни продолжится в викторианском романе в стихах. Так, эпистолярный роман в стихах «Любовное путешествие» А.Х. Клафа, рассказывающий о путешествии скептика-интеллектуала по революционному Риму 1849 года, включает фотографическое изображение непримечательных и даже неприятных деталей повседневности. Политические события в романе – не столько фон для любовной линии, эмоционального путешествия героя или его исповеди, сколько самостоятельный сюжет, движущий повествование и наполненный интеллектуальными и моральными вопросами современной писателю эпохи. Э. Браунинг, героиня Аврора Ли которой сталкивается с социальными противоречиями эпохи, безоговорочно прославляет поэтическую ценность современности, утверждая, что это единственная подходящая тема для поэтов и все аспекты жизни достойны поэзии, в том числе «обычный уродливый людской прах» (*common, ugly, human dust*) (Browning 1864). К. Патмор, автор критикованного современниками за тривиальность романа в стихах «Ангел в доме» (1854, 1862), посвященного бытовым аспектам любви и брака, видит целью поэзии «сделать видимым божественное значение, лежащее в основе обычного опыта» (цит. по Bosc 1977, p. 48), т.е. осветить в стихах повседневную рутину взаимоотношений мужчины и женщины. Такое «обытовление» поэзии, массовое введение в нее деталей повседневности и обсуждения социальных и политических тем проистекает из разрушения канонических представлений о жанрах, где поэзия долгое время считалась сферой идеального, а уделом романной прозы была повседневность. Романизация – это, помимо прочего, поступательное снятие запрета на то, какие темы и аспекты человеческой жизни могут быть описаны литературой, какие из них могут попасть в поле зрения искусства. Конкуренция между лирическим и романным началами в романе в стихах приводит к появлению произведений с радикальной энергией, способствующих дальнейшему распространению романизации в поэзии, поиску новой поэтичности. Как замечал

Х. Ортега-и-Гассет, роман имеет дело с современной действительностью, которая сама по себе является «абсолютным синонимом “непоэзии”», однако и он, начиная с Сервантеса, обладает особым лиризмом, который черпается в «другом источнике поэзии» (Ортега-и-Гассет 1991, с. 130). Результатом межродового взаимодействия в романе в стихах становится рождение нового понимания поэтического, которое будет развиваться в романе XIX в.

Заключение

Роман в стихах может быть охарактеризован как повествовательная поэма значительной длины, демонстрирующая такие романские черты, как многоплановость повествования и диалогизм, подразумевающие наличие сложной системы точек зрения, образа чужого языка, дистанцию между сознаниями автора и героя, интерес к внутреннему миру героев, а также характерный для романа увлекательный сюжет. Поскольку сам роман предполагает такую парадигму изучения теории жанров, которая исходит из процессуальных изменений, а не кумулятивного наследования, из становления, а не прихода к окончательной форме, то процесс сгущения жанровых характеристик в таком подвижном жанре не может быть завершен, следовательно, затруднительно установить его окончательные отличия от поэмы.

Вместе с этим представляется неверным определять роман в стихах посредством романа в прозе как произведение, напоминающее последний во всех отношениях, за исключением поэтического типа дискурса. Проза и поэзия в романе в стихах связаны не дихотомичными, но синтетическими отношениями, рождающими новую целостность, основанную на уникальном для каждого романа взаимодействии поэтических и повествовательных стратегий. В этом смысле роман в стихах является пограничной формой, которая, соединяя прозу и поэзию, не сливает их в единое целое, не отдает предпочтения ни одному из начал, но скорее находит свою внутреннюю меру в постоянном обмене между разными техниками. Из этого обстоятельства проистекает трудность выведения инварианта жанра, невозможность привести все образцы жанра к общему знаменателю.

Источники фактического материала

Byron, G. (1824), *Don Juan*, Internet archive, [Online], available at: <https://archive.org/stream/donjuan-21700gut/21700.txt> (Accessed 20 December 2023).

Seward, A. (1784), *Louisa: a poetical novel, in four epistles*, Printed and sold by J. Jackson and G. Robinson, Lichfield, London, UK, 93 p.

Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах: Том 5. Евгений Онегин. Дра-

матические произведения (1950). Москва – Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1950. 626 с.

Библиографический список

Addison, C. (2017), *A Genealogy of the Verse Novel*, Cambridge Scholars Publishing, Cambridge, UK.

Bone, D. (2004), *The Cambridge Companion to Byron*, Cambridge UP, Cambridge, UK.

Bose, A. (1977), *The early Victorian verse-novel*, R. West, USA.

Bourdieu, P. (1995), *The Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field*, Stanford UP, Stanford, USA.

Browning, E.B. (1864), *Aurora Leigh*, J. Miller, London, UK, [Online] available at: <https://digital.library.upenn.edu/women/barrett/aurora/aurora.html> (Accessed 20 December 2023).

Erickson, L. (1996), *The Economy of Literary Form: English Literature and the Industrialization of Publishing, 1800-1850*, Johns Hopkins University Press, Baltimore, USA.

Felluga, D. (2002), *Verse Novel, A Companion to Victorian Poetry*. Blackwell Publishers, Oxford, UK.

Galt, J. (1830), *The Life of Lord Byron, Lord Byron and his Times*, [Online] available at: <https://lord-byron.org/contents.php?doc=JoGalt.1830.Contents> (Accessed 20 December 2023).

Lukács, G. (1971), *Theory of the Novel. A historico-philosophical essay on the forms of great epic literature*, The MIT Press, London, UK.

Morhof, D.G. (1682), *Unterricht Von Der Teutschen Sprache und Poesie*, Deutsches Textarchiv, [Online] available at: https://www.deustextarchiv.de/book/show/morhof_unterricht_1682 (Accessed 20 December 2023).

Byron, G. (1903), *Don Juan*, The Works of Lord Byron, ed. E.H. Coleridge, vol. 6, J. Murray, London, UK; C. Scribner's sons, New York, USA.

Watt, I. (1957), *The Rise of The Novel*, Chatto and Windus, London, UK.

West, L. (2014), Verse Novel Research and Reception in the Twenty-First Century, *New Scholar: An International Journal of The Humanities, Creative Arts And Social Sciences*, vol. 3, no. 2, pp. 113–124.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Худож. лит., 1975. 504 с.

Бочаров С.Г. Форма плана // Вопросы литературы. 1967. № 12. С. 115–136.

Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина. Очерки. Москва: Наука, 1974. 208 с.

Винокур Г.О. Слово и стих в «Евгении Онегине» // Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. Москва: Наука, 1990. С. 146–195.

Гроссман Л. Исследования и статьи. Этюды о Пушкине. Пушкин в театральном кресле // Со-

брание сочинений Леонида Гроссмана. Москва: Современные проблемы, 1928. Т. I. 389 с.

Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. Москва: ОГИЗ, 1948. 436 с.

Зусева-Озкан В.Б. Историческая поэтика метаромана: монография. Москва: Intrada, 2014. 488 с.

Иванов Вяч. И. Роман в стихах // Собрание сочинений в 4 томах. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 324–329.

Лотман Ю.М. В школе поэтического слова – Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. Москва: Просвещение, 1988. 352 с.

Лотман Ю.М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин»: Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста // Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; "Евгений Онегин": Комментарий. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 1995. С. 393–462.

Ортега-и-Гассет Х. Краткий трактат о романе // Эстетика. Философия культуры. Москва: Искусство, 1991. С. 113–151.

Поспелов Г.Н. "Евгений Онегин" как реалистический роман // Пушкин. Сб. ст. Москва: Гослитиздат, 1941. С. 76–154.

Проскурин О.А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. Москва: Новое литературное обозрение, 1999. 462 с.

Рымарь Н.Т. Художественный метанарратив модерна и структура романа XIX в. // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2023. Т. 3, № 3. С. 45–58.

Тамарченко Н.Д. Русский классический роман XIX в: проблемы поэтики и типологии жанра. Москва: Издательство РГГУ, 1977. 203 с.

Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. Москва, 1977. С. 284–309.

References

Addison, C. (2017), *A Genealogy of the Verse Novel*, Cambridge Scholars Publishing, Cambridge, UK.

Bone, D. (2004), *The Cambridge Companion to Byron*, Cambridge UP, Cambridge, UK.

Bose, A. (1977), *The early Victorian verse-novel*, R. West, USA.

Bourdieu, P. (1995), *The Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field*, Stanford UP, Stanford, USA.

Browning, E.B. (1864), *Aurora Leigh*, J. Miller, London, UK, [Online] available at: <https://digital.library.upenn.edu/women/barrett/aurora/aurora.html> (Accessed 20 December 2023).

Erickson, L. (1996), *The Economy of Literary Form: English Literature and the Industrialization of Publishing, 1800-1850*, Johns Hopkins University Press, Baltimore, USA.

Felluga, D. (2002), *Verse Novel, A Companion to Victorian Poetry*. Blackwell Publishers, Oxford, UK.

- Galt, J. (1830), *The Life of Lord Byron*, Lord Byron and his Times, [Online] available at: <https://lord-byron.org/contents.php?doc=JoGalt.1830.Contents> (Accessed 20 December 2023).
- Lukács, G. (1971), *Theory of the Novel. A historico-philosophical essay on the forms of great epic literature*, The MIT Press, London, UK.
- Morhof, D.G. (1682), *Unterricht Von Der Teutschen Sprache und Poesie*, Deutsches Textarchiv, [Online] available at: https://www.deutsches-textarchiv.de/book/show/morhof_unterricht_1682 (Accessed 20 December 2023).
- Byron, G. (1903), *Don Juan*, The Works of Lord Byron, ed. E.H. Coleridge, vol. 6, J. Murray, London, UK; C. Scribner's sons, New York, USA.
- Watt, I. (1957), *The Rise of The Novel*, Chatto and Windus, London, UK.
- West, L. (2014), Verse Novel Research and Reception in the Twenty-First Century, *New Scholar: An International Journal of The Humanities, Creative Arts And Social Sciences*, vol. 3, no. 2, pp. 113–124.
- Bakhtin, M.M. (1975), *Questions of literature and aesthetics. Research from different years*, Khudozh. lit., Moscow, USSR.
- Bocharov, S.G. (1967), Plan form, *Questions of literature*, no. 12, pp. 115–136, Moscow, USSR.
- Bocharov, S.G. (1974), *Poetics of Pushkin. Essays*, Nauka, Moscow, USSR.
- Vinokur, G.O. (1990), Word and verse in “Eugene Onegin”, *Philological studies: Linguistics and poetics*, Nauka, Moscow, USSR.
- Grossman, L. (1928), Research and articles. Sketches about Pushkin. Pushkin in theater seats, *Collected works of Leonid Grossman, Modern Problems*, Moscow, USSR.
- Gukovsky, G.A. (1948), *Pushkin and problems of realistic style*, OGIZ, Moscow, USSR.
- Zuseva-Ozkan, V.B. (2014), *Historical poetics of the metanovel: monograph*, Intrada, Moscow, Russia.
- Ivanov, V.I. (1987), *Novel in verse, Collected works in 4 volumes, vol. 4*, Brussels, Belgium.
- Lotman, Yu.M. (1988), *At the school of the poetic word – Pushkin. Lermontov. Gogol: Book. for the teacher*, Education, Moscow, USSR.
- Lotman, Yu.M. (1995), *Novel in verses by Pushkin “Eugene Onegin” : Special course. Introductory lectures to the study of text. Pushkin: Biography of the writer; Articles and notes, 1960-1990; “Eugene Onegin” : Commentary*, Art-SPB, St. Petersburg, Russia.
- Ortega y Gasset, H. (1991), *A short treatise on the novel*, Aesthetics. Philosophy of culture. Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Pospelov, G.N. (1941), “Eugene Onegin” as a realistic novel, Pushkin. Sat. Art. Moscow: Goslitizdat, Moscow, USSR.
- Proskurin, O.A. (1999), Pushkin’s Poetry, or Mobile Palimpsest, *New Literary Review*, Moscow, Russia.
- Rymar, N.T. (2023), The modernity artistic metanarrative and the 19th century novel structure, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 3, pp. 45–58, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-45-58>.
- Tamarchenko, N.D. (1977), *Russian classic novel of the 19th century: problems of poetics and typology of the genre*, Publishing House of the Russian State University for the Humanities, Moscow, USSR.
- Tynyanov, Yu.N. (1977), *Poetics. History of literature. Movie*, Moscow, USSR.

Submitted: 10.01.2024

Revised: 01.03.2024

Accepted: 04.04.2024



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.4

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-1-69-75

Дата поступления: 01.11.2023
рецензирования: 24.11.2023
принятия: 01.02.2024

А.А. Моисеева
Медицинский университет «Реавиз»,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: fpdoreaviz@bk.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-3534-9807>

Концепция женского предпринимательства как механизм социального лифта

Аннотация: работа является актуальной, так как она направлена на всестороннее раскрытие потенциала женского предпринимательства и обоснование его значимости для развития общества, достижения гендерного равенства, а также на создание благоприятных условий для экономического роста и социальной мобильности женщин. Автор анализирует современные тенденции в области женского предпринимательства и их влияние на экономическое развитие. Отмечается, что возможности для женского бизнеса расширяются, а предпринимательство становится действенным социальным лифтом для женщин. Ключевая цель статьи – обосновать концепцию женского предпринимательства как эффективного механизма социальной мобильности и достижения гендерного равенства. Задачи: проанализировать женское предпринимательство как средство расширения прав и возможностей женщин, повышения их социального статуса и преодоления гендерных барьеров. Продемонстрировать на основе статистических данных и фактов усиление позиций женского бизнеса в России и мире. Обосновать потенциал женского предпринимательства в решении социальных проблем и продвижении прогрессивных изменений. В работе используются методы сравнительного анализа, обобщения, вторичного анализа результатов исследований, проведенных специалистами в области развития женского предпринимательства. Особое внимание уделяется роли женщин-предпринимателей в политической сфере и их возможностям влиять на принятие решений. Отмечается, что возможности для женского бизнеса расширяются, а предпринимательство становится действенным социальным лифтом для женщин.

Сделаны выводы о важности развития женского предпринимательства как инструмента прогрессивных преобразований и достижения гендерного равенства в обществе и необходимости целенаправленной государственной политики по стимулированию и поддержке женского предпринимательства.

Ключевые слова: концепция; женщины-предприниматели; бизнес; политика; социальный лифт; гендер.

Цитирование: Моисеева А.А. Концепция женского предпринимательства как механизм социального лифта // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4. № 1. С. 69–75. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-69-75>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Моисеева А.А., 2024 – директор центра продвижения Медицинского университета «Реавиз», 443000, Российская Федерация, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 243.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.A. Moiseeva
Medical University "Reaviz",
Samara, Russian Federation
E-mail: fpdoreaviz@bk.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-3534-9807>

The concept of women's entrepreneurship as a mechanism of social lift

Abstract: the work is relevant as it is aimed at a comprehensive disclosure of the female entrepreneurship potential and substantiation of its importance for the development of society, achieving gender equality, as well as creating favorable conditions for the economic growth and female social mobility. The author analyzes current trends in the field feminine entrepreneurship and its impact on economic development. It is noted that opportunities for women's business are expanding, and entrepreneurship is becoming an effective social

elevator for women. The key goal of the article is to substantiate the concept of female entrepreneurship as an effective mechanism of social mobility and achievement of gender equality.

Objectives: to analyze female entrepreneurship as a means of expanding women's rights and opportunities, increasing their social status and overcoming gender barriers; based on statistics and facts, to demonstrate the strengthening of the position of women's business in Russia and the world; to substantiate the potential of female entrepreneurship in solving social problems and promoting progressive changes. The paper uses methods of comparative analysis, generalization, secondary analysis of research results conducted by specialists in the development of female entrepreneurship. Particular attention is paid to the role of women entrepreneurs in politics and their ability to influence decision-making. It is noted that opportunities for women's business are expanding, and entrepreneurship is becoming an effective social elevator for women.

Conclusions are drawn about the importance of developing female entrepreneurship as a tool for progressive transformations and achieving gender equality in society, and the need for a purposeful state policy to stimulate and support female entrepreneurship.

Key words: concept; women entrepreneurs; business, politics; social elevator; gender.

Citation: Moiseeva, A.A. (2024), The concept of women's entrepreneurship as a mechanism of social lift, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 1, pp. 69–75, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-69-75>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Moiseeva A.A., 2024 – Director of the Promotion Center of the Medical University "Reaviz", 243, Sovetskaya Armiya str., Samara, 443000, Russian Federation.

Введение

Концепция женского предпринимательства в качестве механизма искусственного подъема предполагает, что эффективное развитие женского предпринимательства способствует решению проблем женщин, обеспечивает равные возможности для женщин в бизнесе и сокращение географических показателей в обществе. Женское предпринимательство может обеспечивать эффективную социальную мобильность, предоставляя женщинам возможность преодолевать географические барьеры, получать финансовую независимость и участвовать в экономическом развитии. Кроме того, успешные женщины-предприниматели могут стать образцом для других женщин, вдохновляя их на карьерный рост и развитие хороших бизнес-проектов. Однако для реализации концепции женского предпринимательства в качестве механического лифта необходимы специальные программы поддержки, доступа к финансированию и образованию для женщин, а также изменение стереотипов в обществе и, в конечном счете, в бизнесе.

Материалы и методы

Основы изучения предпринимательства, его функций и значимости для социума были заложены выдающимися учеными – М. Вебером, П. Друкером, В. Зомбартом, Д. Кларком, К. Марксом, Ф. Найтом, А. Смитом и другими (Моисеева 2023).

Современные вопросы женского предпринимательства активно изучались в рамках гендерного подхода М. Е. Баскаковой (Баскакова 2017), А.Ю. Баженовым (Баженов 2018), Т.М. Дадаевой (Дадаева 2005), И.В. Соболевой (Соболева 2017), И.Н. Ткаченко (Ткаченко 2017), Н.Ю. Уткиной (Уткина 2017).

К современным зарубежным исследованиям о роли социальных институтов в развитии женского предпринимательства следует отнести работы Д. Хименес, А. Калабро (Giménez, Calabrò 2018), Ф.В. Запкау, К. Швенс, Р. Кабст, которые рассматривали причины и мотивы открытия собственного дела, факторы, влияющие на предпринимательское поведение: процесс, индивид, среда и организация (Zapkau, Schwens, Kabst 2017) и другие.

Среди российских исследователей женского предпринимательства можно назвать А.В. Алимпиеву (Алимпиева 2017), А.В. Орлову (Орлова 2018), З.И. Райманову (Райманова 2018), Р.И. Семенову, (Семенова 2017), И.Н. Ткаченко (Ткаченко 2018).

В работе используются методы сравнительного анализа исследуемой проблемы, изучения и обобщения информационно-аналитических материалов и научной литературы, вторичного анализа результатов исследований, проведенных специалистами в области развития женского предпринимательства, опубликованных в сети Интернет.

Результаты и дискуссия

В современном мире все большее распространение получает концепция женского предпринимательства. Женщины, открывая собственный бизнес, получают возможность не только обеспечивать себя и свои семьи, но и добиваться нового социального статуса. Таким образом, женское предпринимательство становится эффективным механизмом социального лифта. Развитие женского бизнеса оказывает позитивное влияние на экономику и общество в целом. Женщины-предприниматели создают новые рабочие места, платят налоги, разрабатывают и внедряют инновации. Женское предпринимательство способствует

росту конкуренции и оптимизации структуры экономики.

Так, в структуре малого и среднего бизнеса России 2 419 857 субъектов (nalog.ru 2023), возглавляемых женщинами. В России, по данным исследования 2023 г., индекс деловой активности женщин (WDI) составил 73,7 процентных пункта (далее – п. п.). Динамика индекса с момента измерения показывает, что это максимальный показатель (2015–2017 гг. – 56–59 п.п., 2017–2019 гг. – 69 п. п., 2020 г. – 60,1 п. п., 2021 г. – 71,1 п. п., 2022 г. – 69,8 п. п.) (kommersant.ru 2023).

Расширение экономических прав и возможностей женщин ведет к повышению их социального статуса и улучшению положения семьи. Финансово независимые женщины-предприниматели могут принимать важные решения и влиять на процессы в обществе.

Таким образом, развитие женского предпринимательства – это необходимое условие построения современного демократического общества с равными возможностями для всех. Государству и обществу следует всемерно поддерживать и стимулировать женский бизнес как действенный механизм социальной мобильности и прогресса. Необходимы программы – карьерного роста, профессионального обучения и создания благоприятных условий труда (Гаврилук, Бочаров 2021).

Открывая собственное дело, женщины получают шанс реализовать свой потенциал, проявить свои профессиональные и деловые качества. Кроме того, успешный бизнес позволяет женщине повысить свой социальный статус. Из домохозяйки или служащей с невысоким доходом она превращается в уважаемого члена общества, владелицу прибыльной компании. Женщина-предприниматель обретает влияние, авторитет и уверенность в себе.

Таким образом, для многих женщин собственный бизнес становится своеобразным социальным лифтом. Если в прошлом продвижение женщины по карьерной лестнице было затруднено в силу гендерных стереотипов, то теперь, запуская стартап или малое предприятие, она может самостоятельно улучшить свой социально-экономический статус. Женское предпринимательство позволяет обрести финансовую самостоятельность, реализовать личностный потенциал и занять более высокое положение в обществе. Поэтому оно является важным и действенным социальным лифтом для современных женщин.

Рассмотрим, как финансовая независимость открывает для женщин-предпринимателей новые возможности влияния на процессы в обществе:

- они могут активно участвовать в общественной и политической жизни, вступать в партии, выдвигать свои кандидатуры на выборах в органы власти;

- могут выступать спонсорами и меценатами, поддерживая значимые культурные, образовательные, медицинские проекты;

- имеют возможность лоббировать и отстаивать свои интересы и интересы своего бизнеса на законодательном уровне;

- могут создавать общественные организации, фонды, занимающиеся решением социальных проблем;

- их авторитет и успешный опыт позволяют влиять на общественное мнение и формировать тенденции;

- они становятся ролевыми моделями для других женщин, вдохновляя их на реализацию личностного и профессионального потенциала;

- могут внедрять в своих компаниях прогрессивные практики в области кадровой политики, соцпакета, гибких условий труда.

Таким образом, обладая финансовой самостоятельностью, женщины-предприниматели получают возможности для активного участия в жизни общества и продвижения позитивных изменений.

Женское предпринимательство как механизм социального лифта – это тема, которая становится все более актуальной в современном обществе. Она отражает растущую роль женщин в бизнесе и их возможности использовать предпринимательство как средство для социальной мобильности.

Женское предпринимательство может быть рассмотрено как потенциальный механизм, способствующий повышению статуса и благосостояния женщин. Традиционно женщинам было запрещено заниматься бизнесом и занимать высокие должности в обществе. Однако с изменением социальных норм и правового положения женщин возможности для предпринимательства стали все более доступными. Женщины-предприниматели имеют возможность преодолеть стеклянный потолок и добиваться успеха независимо от пола.

Кроме того, женское предпринимательство способствует созданию новых рабочих мест и развитию экономики. Женщины, основывая свои собственные компании, вносят свой вклад в развитие бизнеса и стимулируют экономический рост. Они также обеспечивают занятость и доход для себя и своих сотрудников, что способствует снижению уровня безработицы и бедности (Гаврилук, Бочаров 2018).

Более того, женское предпринимательство имеет потенциал изменить стереотипы и представления о роли женщин в обществе. Когда женщины проявляют себя как успешные и влиятельные предприниматели, они демонстрируют свою способность управлять бизнесом, принимать важные решения и быть лидерами. Это приводит к изменению восприятия обществом женщин и их способностей, разрушает стереотипы и способствует созданию равноправных возможностей для всех.

Россия – мировой лидер по числу женщин в бизнесе. Россия опережает другие страны по доле женщин, занимающих управленческие должности. Индекс предпринимательской деятельности, указывающий на долю женщин-руководителей, составляет в России 0,7 (по шкале от 0 до 1, где 1 подразумевает полное равенство мужчин и женщин). В Африке этот индекс равняется 0,66, в Латинской Америке – 0,64, в Северной Америке, в Восточной Европе и Центральной Азии – 0,61, в Японии – 0,6, в Австралии – 0,57, в Азии – 0,56, в Западной Европе – 0,5. индекс предпринимательской деятельности (по числу женщин, работающих не по найму) в России составляет 0,66, при этом среднегодовой темп прироста снижается на 2,2 % (tass.ru 2023).

В 2022 году женщины составляли от 12 до 36,7 процента всех сотрудников, занимающих руководящие и/или управленческие должности в этих крупных технологических компаниях. В Facebook самый высокий процент женщин на руководящих должностях – 36,7 процента, за ней следует Apple, 32,3 процента руководящих должностей в которой занимают женщины (translated 2022).

Аналитики Deloitte опубликовали большое исследование о российских женщинах-руководительницах. Выяснилось, что женщины в отечественном бизнесе занимают высшие руководящие должности намного чаще, чем их коллеги в Европе. К тому же по ряду критериев женщины обогнали CEO (Chief Executive Officer – главный исполнительный директор) мужского пола.

В исследовании приняли участие 224 тыс. российских компаний из 19 различных отраслей. Выяснилось, что доля женщин-СЕО в России очень высока – 20 % против 4,4 % в среднем по миру. Выше она только в отдельных странах Европы. В топ-200 российских компаний женщин-руководителей оказалось 6,5 %.

Чаще всего женщины на руководящих постах встречаются в образовании (42 %), гостиницах и общепите (30 %), здравоохранении и соцуслугах (39 %) и прочих услугах (38 %). В пяти секторах женщин-СЕО менее 10 %: в добыче (6 %), госсекторе и безопасности (6 %), энергетике (7 %), строительстве (8 %) и сельском хозяйстве (10 %), первые три — закрытые для женского руководства отрасли (incrussia.ru 2022).

Женское предпринимательство как механизм социального лифта имеет огромный потенциал для изменения статуса женщин и их экономического положения. Бытует мнение, что женщина и политика – две вещи несовместимые, однако мы в который раз убеждаемся в обратном. Женщины-предпринимательницы играют все более значимую роль в политической сфере. Их участие и представительство в политике важны для достижения гендерного равенства, разнообразия

и справедливости. Вот некоторые аспекты роли женщин-предпринимательниц в политике:

1. Представительство: участие женщин-предпринимательниц в политике способствует более равноправному представлению женщин в принятии важных решений. Они могут внести свой вклад в разработку политик, которые поддерживают и способствуют развитию женского предпринимательства.

2. Экономическое развитие: женщины-предпринимательницы могут быть мощным двигателем экономического развития. Их участие в политике может способствовать созданию благоприятной бизнес-среды для женщин, предоставлять лучший доступ к ресурсам, финансовым инструментам и сетям поддержки, что стимулирует развитие предпринимательства в целом.

3. Социальное изменение: женщины-предпринимательницы, участвуя в политике, могут поддерживать и внедрять социально значимые политики. Они могут выступать за улучшение условий труда и защиту прав женщин-предпринимательниц, а также способствовать созданию равных возможностей и разрушению распространенных гендерных стереотипов.

4. Коммуникация и вдохновение: женщины-предпринимательницы, занимающие политические должности, могут служить вдохновением и примером для других женщин, которые хотят заняться предпринимательством. Их истории успеха и лидерские навыки могут способствовать развитию и образованию нового поколения предпринимательниц.

5. Рабочая сила и занятость: участие женщин-предпринимательниц в политике может привести к разработке политик, которые способствуют созданию новых рабочих мест и поддерживают равные возможности для женщин на рабочем месте. Это также может привести к разработке мер предотвращения дискриминации на основе пола и созданию более равноправной и справедливой рабочей среды.

Согласно опубликованной в 2023 году карте женщин в политике и структуры «ООН-женщины» (Women in politics: 2023) сегодня во всем мире больше женщин, чем когда-либо, занимают посты, на которых принимают политические решения. По состоянию на 1 января 2023 г. данные показывают, что число женщин на политических руководящих должностях как в правительстве, так и в парламенте в целом увеличилось.

В глобальном рейтинге стран мира по уровню гендерного неравенства Россия занимает 81 место из 156 стран. По индексу участия женщин в политической жизни наша страна находится на 133 месте (weforum.org 2021).

В феврале 2022 года был проведен опрос Левада-центра по репрезентативной всероссий-

ской выборке городского и сельского населения о гендерном равенстве и взглядах россиян на участие женщин в политике. 68 % опрошенных считают, что в современной России женщины и мужчины обладают равными правами и возможностями, 37 % определённо поддерживают участие женщин в политике. В 2003 году, когда первый раз был задан вопрос о гендерном равенстве, половина опрошенных считали, что женщины и мужчины обладают равными правами и возможностями. За прошедшие годы доля тех, кто разделяет эту точку зрения, постепенно увеличилась до 68 %, однако, как и в прошлых замерах, женщины чаще мужчин говорят о гендерном неравенстве (в 2022 году 25 % женщин ответили, что у мужчин прав и возможностей больше). Три четверти опрошенных (76 %) в целом с одобрением относятся к участию женщин в политике (levada 2022).

Таким образом, женщины-предпринимательницы, занимающие политические должности, имеют потенциал значительно повлиять на развитие предпринимательской среды и достичь гендерного равенства. Их участие в политике важно для обеспечения разнообразия, инноваций и социально-экономического развития.

А между тем именно карьера отражает установку женщины на самореализацию, самосовершенствование, творческое самовыражение.

Заключение

Концепция женского предпринимательства как механизма социального лифта является относительно новой и развивающейся областью исследований в экономике и бизнесе. Это предполагает анализ препятствий и возможностей, с которыми сталкиваются женщины при открытии и развитии бизнеса, а также изучение способов продвижения и поддержки их успеха. Один из способов сделать это – через программы наставничества, образовательные и обучающие инициативы, а также доступ к капиталу и ресурсам. В целом, растёт признание необходимости и преимуществ женщин на руководящих должностях, а также желание продвигать и поддерживать женское предпринимательство.

Концепция женщин-предпринимательниц в политической сфере основана на признании равенства полов и необходимости повышения женской репрезентации в политике. Она сосредотачивается на поддержке и поощрении женщин, которые решают заняться предпринимательством в этой сфере, а также на создании условий, способствующих их росту и развитию.

1. Концепция включает в себя создание программ, которые обращаются к женщинам, которые интересуются политикой и предпринимательством, предоставляя им информацию о возможностях

и ресурсах. Такие программы могут включать проведение семинаров, тренингов, менторской поддержки, а также предоставление доступа к полезным курсам и ресурсам онлайн.

2. Создание сетей и сообщества: чтобы женщины-предпринимательницы могли успешно работать в политической сфере, концепция предлагает создание сетей и сообщества, в которых они могли бы делиться опытом, наставничеством и поддержкой друг друга. Это поможет женщинам поддерживать связи, учитывать уникальные проблемы и вызовы, с которыми они сталкиваются, и развиваться вместе.

3. Создание равных возможностей: концепция ставит целью создать равные возможности для женщин предпринимательниц в политической сфере. Это включает в себя устранение любых видов дискриминации и социальных или культурных барьеров, которые могут мешать женщинам вступать в политику и создавать успешные бизнесы. Также необходимо обеспечить доступ к финансированию, повышению профессиональной квалификации и равным возможностям для карьерного роста.

4. Поддержка женщин-лидеров: концепция предлагает создание программ, направленных на поддержку женщин-лидеров, которые решили занять высокие политические должности. Это может включать проведение тренингов по развитию руководящих навыков, формированию политического влияния и подготовке к выборам. Такие программы также должны обеспечивать доступ к менторам и ресурсам, чтобы помочь женщинам успешно осуществить свои цели.

5. Привлечение внимания к вопросам, связанным с женщинами и предпринимательством в политике: концепция предлагает привлечение внимания общества и медиа к вопросам, связанным с женщинами-предпринимательницами в политике, их вкладу и достижениям. Это может стимулировать обсуждение и осознание важности женского предпринимательства в политике, а также помочь преодолеть стереотипы и предубеждения.

Итак, концепция женского предпринимательства как механизма социального лифта стремится создать благоприятные условия для женщин, амбициозных в политике и предпринимательстве. Она основывается на принципах равенства, поддержки и солидарности, чтобы максимально использовать потенциал женщин-предпринимательниц в политике и способствовать достижению позитивных изменений в обществе.

Библиографический список

Giménez, D. and Calabrò, A. (2018), The salient role of institutions in women's entrepreneurship: a critical review and agenda for future research, *Inter-*

national Entrepreneurship and Management Journal, no. 14, pp. 857–882.

Zapkau, F.B., Schwens, C. and Kabst, R. (2017), The role of prior entrepreneurial exposure in the entrepreneurial process: a review and future research implications, *Journal of Small Business Management*, no. 1, pp. 56–86, DOI: <http://doi.org/10.1111/jsbm.12232>.

Алимпиева А.В. Женское предпринимательство в белорусском и российском публичном дискурсе // *Primo Aspectu*. 2017. № 4(32). С. 19–30.

Баскакова М. Е., Соболева И. В. Образовательный потенциал российских работодателей: гендерный аспект // *Вопросы образования*. 2017. № 4. С. 83–103.

Баскакова М. Е., Соболева И. В. Баланс семьи и работы: новые возможности в условиях цифровой экономики // *Народонаселение*. 2018. Т. 21. № 3. С. 122–135.

Баженов А.Ю. Женское предпринимательство – перспективный потенциал развития экономики // *Российское предпринимательство*. 2018. № 5.

Гаврилюк Т.В., Бочаров В.Ю. Оценка готовности к трудовой миграции молодежи нового рабочего класса // *Семиотические исследования. Semiotic studies*. 2021. Т. 1. № 2. С. 83–90. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-83-90>.

Гаврилюк Т.В., Бочаров В.Ю. Интерсекциональность как способ концептуализации гендерного и классового неравенства // *The Journal of Social Policy Studies*. 2018. vol. 16, № 3, pp. 537–545. DOI: <http://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-3-537-545>.

Дадаева Т.М. Гендерная структура современного российского общества: реальность и тенденции развития. Саранск, 2005. 180 с.

Моисеева А.А. Теоретические аспекты исследования женского предпринимательства в российском регионе (на примере Самарской области) // VI Международная конференция «Казанские социологические чтения»: сборник научных трудов (Казань, 18–19 мая 2023 г.). Казань: Издательство Казанского университета, 2023. С. 179–182.

Орлова А.В. Организация аналитической работы в исследованиях женского предпринимательства // *Экономика. Бизнес. Финансы*. 2018. № 2. С. 17–21.

Райманова З.И. Актуальные проблемы женского предпринимательства в России // *Доклады Башкирского университета*. 2018. № 6. С. 661–664.

Семенов Р. И. Развитие женского предпринимательства в России // *Качество науки – качество жизни*. 2018. № 11. С. 72–75.

Ткаченко И.Н. Гендерные аспекты участия женщин в корпоративном бизнесе и предпринимательстве // *Дискуссия*. 2017. № 11(85). С. 25–35.

Уткина Н.Ю. Объективные и субъективные факторы развития женского предприниматель-

ства в России // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 1 (82). С. 17–27.

Материалы исследования

Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства 2023 // Официальный сайт. URL: <https://rmsp.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 02.12.2023).

Индекс женской предпринимательской активности в России достиг максимума. 2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6069321> (дата обращения: 02.12.2023).

Исследование: Россия опережает другие страны по доле женщин-руководителей 2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8477603?yscli> (дата обращения: 02.12.2023).

Доля всех руководящих должностей в отдельных крупных технологических компаниях, занимаемых женщинами в 2022 году. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru (дата обращения: 02.12.2023).

Исследование: в России доля женщин-руководительниц оказалась почти в пять раз выше мировой – Inc. Russia (incrussia.ru) (дата обращения: 02.12.2023).

Карта женщин в политике МПС и Структуры "ООН-женщины". URL: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2023/03> (дата обращения: 02.12.2023).

Гендерное равноправие, участие женщин в политической жизни. URL: <https://www.levada.ru/2022/03/08/gendernoe-ravnopravie-uchastie-zhenshhin-v-politicheskoy-zhizni> (дата обращения: 02.12.2023).

Global-Gender-Gap-Report-2021. URL: <https://www.weforum.org/publications/global-gender-gap-report-2021> (дата обращения: 02.12.2023).

References

Giménez, D. and Calabrò, A. (2018), The salient role of institutions in women's entrepreneurship: a critical review and agenda for future research, *International Entrepreneurship and Management Journal*, no. 14, pp. 857–882.

Zapkau, F.B., Schwens, C. and Kabst, R. (2017), The role of prior entrepreneurial exposure in the entrepreneurial process: a review and future research implications, *Journal of Small Business Management*, no. 1, pp. 56–86, DOI: <http://doi.org/10.1111/jsbm.12232>.

Alimpieva, A.V. (2017), Zhenskoe predprinimatelstvo v belorusskom i rossiyskom publichnom diskurse [Women entrepreneurship in Belarusian and Russian public discourse], *Primo Aspectu*, no. 4(32), pp. 19–30.

Baskakova, M.E. and Soboleva, I.V. (2017), Ed-

educational potential of Russian employers: gender aspect, *Education issues*, no. 4, pp. 83–103.

Baskakova, M.E. and Soboleva, I. V. (2018), Family and work balance: new opportunities in the digital economy, *Population*, vol. 21, no. 3, pp. 122–135.

Bazhenov, A.Yu. (2018), Women's entrepreneurship – a promising potential for economic development, *Russian entrepreneurship*, no. 5.

Gavrilyuk, T.V. and Bocharov, V.Yu. (2021), The readiness assessment regarding labor migration of the new working-class youth, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 1, no. 2, pp. 83–90, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-83-90>.

Gavrilyuk, T.V. and Bocharov, V.Yu. (2018). Intersectionality as a Way of Conceptualizing Gender and Class Inequality, *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 16, no. 3, pp. 537–545, DOI: <http://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-3-537-545>.

Dadaeva, T.M. (2005), *Gender structure of modern Russian society: Reality and development trends*, Saransk, Russia.

Moiseyeva, A.A (2023), Teoreticheskiye aspekty issledovaniya zhenskogo predprinimatel'stva v rossyskom regione (na primere Samarskoy oblasti), *VI Mezhdunarodnaya konferentsiya «Kazanskiye sotsiologicheskiye chteniya»: sbornik nauchnykh trudov (Kazan', 18–19 maya 2023 g.)*, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, Kazan', Russia, pp. 179–182.

Orlova, A.V. (2018), Organizatsiya analiticheskoy raboty v issledovaniyakh zhenskogo predprinimatel'stva [Organization of analytical work in women's entrepreneurship research], *Economics*, no. 2, pp. 17–21.

Raymanova, Z.I. (2018), Aktualnye problemy zhenskogo predprinimatel'stva v Rossii [Current problems of development of women's business in Russia], *Doklady Bashkirskogo universiteta*, no. 3 (6), pp. 661–664.

Semenov, R.I. (2018), Razvitie zhenskogo predprinimatel'stva v Rossii [Development of women's entrepreneurship in Russia], *Kachestvo nauki – kachestvo zhizni*, no. 11, p. 72–75.

Tkachenko, I.N. (2017), Gendernye aspekty uchastiya zhenshchin v korporativnom biznese i predprinimatel'stve [Gender aspects of women participation in corporate business and entrepreneurship], *Discussion*, no. 11 (85), pp. 25–35.

Utkina, N.Yu. (2017), Objective and subjective factors of the development of women's entrepreneurship in Russia, *Woman in Russian society*, no. 1 (82), pp. 17–27.

Research materials

Unified Register of Small and medium-sized businesses 2023, Official website, [Online], available at: <https://rmsp.nalog.ru/index.html> (Accessed 02 December 2023).

The index of women's entrepreneurial activity in Russia has reached a maximum.2023, [Online], available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6069321> (Accessed 02 December 2023).

Study: Russia is ahead of other countries in the proportion of female managers by 2023, [Online], available at: <https://tass.ru/ekonomika/8477603?ysclid> (Accessed 02 December 2023).

Share of all management positions in selected large technology companies held by women in 2022, [Online], available at: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru (Accessed 02 December 2023).

Research: in Russia, the proportion of female executives was almost five times higher than the world - Inc. Russia (incussia.ru)

Map of women in the politics of the IPU and the UN-Women Structure, [Online], available at: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2023/03> (Accessed 02 December 2023).

Gender equality, women's participation in political life, [Online], available at: <https://www.levada.ru/2022/03/08/gendernoe-ravnopravie-uchastie-zhenshchin-v-politicheskoy-zhizni> (Accessed 02 December 2023).

Global-Gender-Gap-Report-2021, [Online], available at: <https://www.weforum.org/publications/global-gender-gap-report-2021> (Accessed 02 December 2023).

Submitted: 01.11.2023

Revised: 24.11.2023

Accepted: 01.02.2024



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.4

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-1-76-81

Дата поступления: 18.12.2023
рецензирования: 18.01.2024
принятия: 03.02.2024

А.Д. Федченко

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: fedchenko0911@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1158-2870>

Анализ экспертной оценки развития корпоративных компетенций у руководителей операционного уровня ОАО «РЖД»

Аннотация: в статье представлены результаты проведения одного из эмпирических этапов в рамках диссертационного исследования по теме: «Роль работодателя в повышении уровня компетенций руководителей операционного уровня ОАО «РЖД». Компания ОАО «РЖД», являющаяся одним из крупнейших холдингов в России, особое внимание уделяет развитию своих сотрудников, так как от уровня компетенций работников, в том числе руководителей различного уровня, зависит качество выполняемых ими трудовых функций и, как следствие, безопасность осуществления пассажирских и грузовых перевозок. Цель представленного в статье этапа исследования – проанализировать оценку эффективности системы повышения уровня корпоративных компетенций руководителей операционного уровня дирекции управления движением Куйбышевской железной дороги работниками кадрового блока. Методом исследования выступает экспертный опрос в формате индивидуального интервью с кадровыми работниками дирекции управления движением. Экспертами являются 9 специалистов кадрового блока дирекции, которые являются ответственными за создание условий для повышения уровня корпоративных компетенций руководителей. В работе предлагаются практические рекомендации, разработанные совместно с сотрудниками кадрового блока, по модернизации существующей системы развития корпоративных компетенций у руководителей операционного уровня. Практическая значимость исследования заключается во внедрении разработанных рекомендаций в работу дирекции управления движением. В случае успешной реализации практических рекомендаций опыт будет применен в других дирекциях Куйбышевской железной дороги.

Ключевые слова: корпоративные компетенции; руководитель операционного уровня; работодатель; железнодорожный транспорт; ассесмент-центр; SHL-тестирование; индивидуальный план развития.

Цитирование: Федченко А.Д. Анализ экспертной оценки развития корпоративных компетенций у руководителей операционного уровня ОАО «РЖД» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4. № 1. С. 76–81. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-76-81>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Федченко А.Д., 2024 – аспирант кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.D. Fedchenko

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: fedchenko0911@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1158-2870>

Analysis of the expert assessment of the development of corporate competencies among the heads of the operational level of the Russian Railways company

Abstract: the article presents the results of one of the empirical stages within the framework of the dissertation research on the topic: "The role of the employer in increasing the level of competence of Russian Railways operating managers". Russian Railways Company, which is one of the largest holdings in Russia, pays special attention to the development of its employees, since the level of personnel competence, including different executives, determines the quality of their work functions and, as a result, the safety of passenger

and freight transportation. The objective of the of the research stage presented in the article is to analyze the HR assessment of the effectiveness of the system for improving the level of corporate competencies of the operating managers of the Kuibyshev Railway traffic management. This study applied a method of an expert survey in the format of an individual interview with the traffic management personnel unit. The experts are 9 specialists of the directorate HR department, who are responsible for creating conditions for improving the level of managers' corporate competencies. The results of the study show practical recommendations developed together with the staff of the human resources department to modernize the existing system for the development of corporate competencies among operating managers. The practical significance of the study lies in the implementation of the developed recommendations in the work of the traffic management directorate. In case of successful implementation of practical recommendations, the experience will be applied in other Kuibyshev Railway directorates.

Key words: corporate competencies; operating manager; employer; railway transport; assessment center; SHL testing; individual development plan.

Citation: Fedchenko, A.D. (2024), Analysis of the expert assessment of the development of corporate competencies among the heads of the operational level of the Russian Railways company, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 1, pp. 76–81, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-76-81>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Fedchenko A.D., 2024 – postgraduate student of the Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

В условиях дефицита кадров необходимой квалификации в значительной части отраслей российской экономики повышение уровня владения профессиональными компетенциями персонала играет ключевую роль для эффективного функционирования организаций.

При этом работнику необходимо быть готовым регулярно повышать свою квалификацию, успешно адаптироваться к техническим инновациям и быть мобильным. А работодателю важно организовать рабочий процесс таким образом, чтобы работник имел возможность повышать уровень своих компетенций без отрыва от выполнения трудовых задач.

Современные руководители крупных компаний уделяют особое внимание развитию персонала: предлагаются для освоения различные программы повышения квалификации, оценочные мероприятия, способствующие развитию сотрудников любого уровня занимаемой должности

Анализируя монографию Е.И. Кудрявцевой «Компетенции и менеджмент: компетенции в менеджменте, компетенции менеджеров, менеджмент компетенций», можно отметить, что в конце 20 века исследователи начинают видеть потенциал в тех производственных компаниях, которые своей целью ставят планомерное развитие потенциала наемных работников. Возникает и ряд проблемных аспектов, требующих особого внимания: формирование и развитие компетенций, создание корпоративных ценностей, использование партнерских отношений в рабочей деятельности (Кудрявцева 2012).

В настоящее время существует множество определений понятия «компетенция», которые можно объединить между собой. Такие авторы, как Р. Бояцис, Э.Ф. Зеер, С. Уиддет, Л.В. Львов,

рассматривают «компетенцию» как личностную характеристику работника, развитие которой влияет на уровень эффективности выполнения трудовых функций и которая включает в себя ряд элементов: теоретические знания, практические умения, мотивационная составляющая, самооценка, поведенческие модели (Boyatzis 1982), (Зеер 2007), (Whiddett 1999), (Львов 2013).

Анализируя работу А.Н. Митина «Механизмы управления», важно отметить, что понятие «компетенция» предлагается рассматривать как индивидуальные способности персонала, но под влиянием культуры управления определенной организации (Митин 2018).

В научных исследованиях принято выделять три вида моделей компетенций, формирующихся в трудовых организациях: корпоративную, профессиональную и управленческую. В нашей работе внимание сфокусировано на корпоративных компетенциях руководителей операционного уровня. Корпоративная модель состоит из компетенций, сформированных с учетом особенностей корпоративной культуры организации, которыми должен владеть весь персонал различного уровня занимаемой должности (Казначеева, Бичева, Казначеев 2020). Так, Т.А. Сорвина в своей статье «Корпоративная компетенция как основа развития конкурентных преимуществ предпринимательских структур» предлагает подробное описание непосредственно корпоративных компетенций, от уровня владения работниками которых зависит эффективное достижение целей компании, реализация организационных стратегий. Формирование и применение корпоративной модели компетенций позволяет трудовым организациям иметь выигрышные преимущества на конкурентном рынке (Сорвина 2010).

Понятие «корпоративные компетенции» в холдинге ОАО «РЖД» предполагает сочетание двух основных значений: совокупность управленческих качеств работника, позволяющих проявлять высокую результативность, а также набор специализированных требований к поведению сотрудника, отображающих уникальные ценностные ориентиры и стратегические интересы компании.

Далее необходимо отметить, что в компании ОАО «РЖД» существует 4 уровня занимаемых должностей:

- исполнительский (специалисты и рабочие железнодорожного транспорта, не имеющие управленческого функционала);

- операционный (начиная с данного уровня, занимаемые должности являются руководящими, на которых руководители должны иметь соответствующий уровень не только профессиональных, но и корпоративных компетенций компании. К операционному уровню относятся: руководители и заместители служб, отделов структурных региональных подразделений филиалов ОАО «РЖД» и линейных предприятий);

- тактический (руководители и заместители структурных подразделений и управлений филиалов ОАО «РЖД», региональных центров, служб, отделов аппарата управления ОАО «РЖД»);

- стратегический (генеральный директор-председатель правления ОАО «РЖД», его первые заместители, главный бухгалтер и другие, данный уровень является самым высоким).

В нашем исследовании нас интересует именно операционный уровень руководителей.

Положение о модели корпоративных компетенций ОАО «РЖД» (утв. решением правления ОАО «РЖД» от 13 мая 2019 г. № 25) включает в себя 8 корпоративных компетенций компании, которыми должны в совершенстве владеть руководители операционного уровня: управление изменениями; управление клиентоориентированностью; ответственность за результат; управление исполнением; обеспечение командной работы; развитие потенциала сотрудников; системное мышление; эффективная коммуникация. Все перечисленные компетенции необходимы для руководителей операционного уровня, чтобы грамотно выстраивать рабочую систему в организации, позволяющую достигать высоких производственных показателей у подчиненных.

В рамках диссертационного исследования проведен экспертный опрос 9 работников кадрового блока дирекции управления движением, чтобы проанализировать оценку эффективности системы повышения уровня компетенций руководителей операционного уровня. Представители кадрового блока дирекции курируют данный рабочий аспект и имеют свое экспертное профессиональное мнение, которое необходимо проанализировать для

понимания общей тенденции развития корпоративных компетенций у руководителей операционного уровня на железнодорожном транспорте. Эксперты были опрошены в ходе индивидуальных интервью с помощью гайда, в который вошли 18 вопросов.

В ходе проведения экспертного опроса выяснились как положительные, так и негативные аспекты в оценке эффективности существующей в компании системы повышения уровня компетенций руководителей операционного уровня.

Прежде всего, отметим положительные аспекты. В компании ОАО «РЖД» существует две эффективные системы оценки уровня развития корпоративных компетенций у руководителей операционного уровня: ассесмент-центр и SHL-тестирование. Результаты двух видов оценочных мероприятий действительно на протяжении трех лет и могут быть использованы при принятии решения о назначении руководителя на должность, при отборе в кадровый резерв и при определении приоритетов индивидуального развития. Каждый руководитель, проходя оценку, получает средний балл по каждой компетенции от 0 (компетенция не сформирована) до 3 (уровень мастера). Целевым уровнем развития компетенции руководителя операционного уровня считается 2 балла (соответствует ожиданиям). Результаты предоставляются кадровыми работниками в виде сформированных отчетов с предложенными рекомендациями, какие компетенции необходимо развивать и на какие элементы необходимо обратить внимание. Процедура оценки ассесмент-центр состоит из прохождения группой руководителей одного уровня тестов, интервью, кейсов и деловых игр, моделирующих основные аспекты управленческих задач и ситуаций. Оценщиками в данной процедуре выступают специально подготовленные эксперты. SHL-тестирование назначается для прохождения руководителям дистанционно кадровыми работниками. Процедура включает в себя группы тестовых заданий: числовые, вербальные, логические и тесты-сценарии для оценки управленческого стиля руководителя. Как отметил эксперт: *«Огромным плюсом использования и ассесмента, и SHL-тестирования в комплексе является возможность различными методиками оценить уровень развития каждой компетенции в реалии, исключая эффект случайного результата, например, отрицательного из-за влияния сторонних факторов таких, как плохое самочувствие, чрезмерное волнение, нехватка времени на тестирование из-за загруженности на линии и других»* (Ж, 39).

Следующим положительным аспектом оценки кадровыми специалистами системы повышения уровня корпоративных компетенций у руководителей операционного уровня являются цифровые

ресурсы компании: платформа СДО (система дистанционного образования) и личный кабинет на сайте Корпоративного университета ОАО «РЖД». На данных ресурсах предоставляется для изучения огромная база теоретических материалов, наглядных презентаций, онлайн-курсов, электронно-образовательных материалов, направленных на повышение уровня корпоративных компетенций у руководителей. Один из экспертов отмечает: *«Существует мотивирующая бонусная система в СДО. За каждый пройденный онлайн-курс или тренинг руководитель зарабатывает баллы, которые в дальнейшем можно обменивать на какой-либо подарок, путевку в детский лагерь для ребенка, железнодорожный билет для себя или родственника и другие»* (Ж, 35).

Также, проанализировав результаты экспертного интервью, было выявлено, что в компании ОАО «РЖД» регулярно разрабатываются и внедряются в работу учебные пособия и материалы, позволяющие руководителям понять, какие компетенции и поведенческие индикаторы к ним существуют и что они в себя включают. *«Есть прекрасное учебное пособие «Матрица развивающих действий», разработанное Корпоративным университетом, в котором подробно к каждой корпоративной компетенции предложены методы ее развития на рабочем месте, на опыте других, изучение литературы и дистанционные курсы»* (Ж, 44).

В компании существует требование: при назначении руководителя на новую должность ему необходимо предоставить вышестоящему руководству индивидуальный план развития. Данный план разрабатывается на основании отчетов по результатам прохождения ассессмент-центра и SHL-тестирования, где руководителем выбираются две наименее развитые компетенции и расписываются методы, мероприятия по их улучшению. Благодаря составлению индивидуального плана развития руководитель может дополнительно проанализировать свои показатели и уделить внимание западающим компетенциям (наименее развитым).

Несмотря на отмеченные положительные аспекты оценки эффективности системы повышения уровня корпоративных компетенций у руководителей операционного уровня, в ходе проведения экспертного опроса был выявлен и ряд недостатков и недоработок. Одной из основных проблем является формальное отношение многих руководителей к повышению уровня собственных корпоративных компетенций из-за отсутствия свободного времени. Например, один из экспертов поясняет: *«У руководителей операционного уровня множество задач на производстве, у них очень ответственная и серьезная работа, требующая большого временного ресурса, у них у всех ненормированный рабочий день, они работают*

24 на 7, в прямом смысле. Они относятся многие формально к мероприятиям, связанным с повышением уровня корпоративных компетенций, элементарно из-за нехватки свободного времени...» (Ж, 41).

Также в ходе общения с экспертами была выявлена проблема нехватки дополнительного специалиста, который занимался бы исключительно вопросами повышения уровня и развития корпоративных компетенций у руководителей операционного уровня. На данный момент один сотрудник отвечает за прохождение оценочных мероприятий как по выявлению уровня корпоративных компетенций руководителей, так и по определению уровня профессиональных компетенций (различные специализированные тестирования, оценивающие уровень владения трудовыми функциями всех сотрудников в соответствии с занимаемой должностью). Из-за большого объема нагрузки специалист не может индивидуально с каждым руководителем обсуждать результаты SHL-тестирования и в случае неудачного прохождения разрабатывать корректирующие мероприятия. *«Не стоит задача отслеживать, кто и как прошел тестирование...»* (Ж, 39).

Относительно работы СДО важно отметить, что работа в данной системе производится руководителями операционного уровня по собственной инициативе. К сожалению, далеко не все находят время и желание в свободное время проходить онлайн-курсы и дополнительно изучать электронно-образовательные материалы, направленные на повышение уровня корпоративных компетенций. *«Работа руководителей в СДО не проверяется, это личная ответственность каждого»* (Ж, 36).

На основании вышеизложенных результатов предлагаются практические рекомендации, разработанные совместно с сотрудниками кадрового блока, по модернизации существующей системы повышения уровня корпоративных компетенций у руководителей операционного уровня:

- ввести дополнительную должностную единицу специалиста, который занимался бы вопросами повышения уровня именно корпоративных компетенций у руководителей операционного уровня. Данный сотрудник сможет проводить индивидуальную работу с каждым руководителем, готовить его к прохождению оценочных мероприятий, помогать разрабатывать индивидуальный план развития, верно определяя эффективные способы развития западающих компетенций, сможет контролировать дополнительную работу руководителей в СДО;

- раз месяц в рамках проводимого мероприятия «День начальника станции» давать возможность руководителям операционного уровня не только выступать с докладами, касающимися

производственных задач, но и делиться собственным опытом повышения уровня корпоративных компетенций. Также в рамках данного мероприятия проводить не длительные, но эффективные тренинги, мастер-классы по различным темам, связанным с повышением уровня корпоративных компетенций, например, мастер-класс по ораторскому мастерству.

Библиографический список

Boyatzis, R. (1982), *The Competent Manager: A Model for Effective Performance*, Wiley, New York, USA, 308 p.

Whiddett, S. (1999), *The Competencies Handbook*, Institute of Personnel and Development, London, UK, 196 p.

Ваулина Н.В., Бурдюгова О.В. Преимущества создания и использования модели компетенций в системе управления персоналом // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 4076–4080. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29761033> (дата обращения: 10.12.2023).

Вьюгин И. В компании ОАО «РЖД» определены компетенции будущего // Газета «Гудок». 2019. Вып. № 118. URL: <https://gudok.ru/newspaper/?ID=1469531> (дата обращения: 12.12.2023).

Головань Н.О. Модель компетенций в управлении персоналом // Молодой ученый. 2021. № 48(390). С. 91–93. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47302718> (дата обращения: 12.12.2023).

Готлиб А.С. Процедуры и методы социологического исследования. Практикум. Книга 1. Классическое социологическое исследование. Самара: Самарский университет, 2010. 236 с.

Зеер Э.Ф. Идентификация универсальных компетенций выпускников работодателем // Высшее образование в России. 2007. № 11. С. 39–46. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9933109> (дата обращения: 10.12.2023).

Казначеева С.Н., Бичева И.Б., Казначеев Д.А. Особенности проектирования модели компетенций персонала организации // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2020. № 1(43). С. 186–192. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42492178> (дата обращения: 12.12.2023).

Кудрявцева Е.И. Компетенции и менеджмент: компетенции в менеджменте, компетенции менеджеров, менеджмент компетенций. Санкт-Петербург: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2012. 340 с.

Львов Л.В. Образовательно-профессиональные среда и пространство: теоретические основы проектирования // Личность в профессионально-образовательном пространстве: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием.

Екатеринбург. 2013. С. 77–80. URL: <https://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/200> (дата обращения: 12.12.2023).

Маркова А.К. Психология профессионализма. Москва: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. 308 с.

Матрица развивающих действий: учеб. пособие (тактический уровень). Москва: Корпоративный университет РЖД. 67 с.

Митин А. Н. Механизмы управления. Москва: Проспект, 2018. 320 с.

Навигатор по развитию корпоративных компетенций ОАО «РЖД». Москва: Корпоративный университет РЖД. 80 с.

Положение о модели корпоративных компетенций ОАО «РЖД» (утв. решением правления ОАО «РЖД» от 13 мая 2019 г. № 25) [внутренний документ].

Положение о системах профессиональных компетенций в ОАО «РЖД» (утв. распоряжением зам. генерального директора ОАО «РЖД» Д.С. Шахановым от 7 ноября 2022 г. № 2868/р) [внутренний документ].

Система Единых корпоративных требований к персоналу ОАО «РЖД» (утв. распоряжением от 3 июня 2015 г. №1410/р) [внутренний документ].

Сорвина Т.А. Корпоративная компетенция как основа развития конкурентных преимуществ предпринимательских структур // Экономика предпринимательства. 2010. № 2(28). С. 58–61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kompetentsiya-kak-osnova-razvitiya-konkurentnyh-preimuschestv-predprinimatelskih-struktur> (дата обращения: 10.12.2023).

References

Boyatzis, R. (1982), *The Competent Manager: A Model for Effective Performance*, Wiley, New York, USA, 308 p.

Whiddett, S. (1999), *The Competencies Handbook*, Institute of Personnel and Development, London, UK, 196 p.

Vaulina, N.V. and Burdyugova, O.V. (2017), The advantages of creating and using a competency model in a personnel management system, *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*, vol. 39, pp. 4076–4080, [Online], available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29761033> (Accessed 10 Dec 2023).

V'yugin, I. (2019), Russian Railways has defined the competencies of the future, *The newspaper "Gudok"*, no. 118, [Online], available at: <https://gudok.ru/newspaper/?ID=1469531> (Accessed 12 Dec 2023).

Golovan', N.O. (2021), The model of competencies in personnel management, *Young Scientist*, no. 39, pp. 4076–4080, [Online], available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47302718> (Accessed 12 Dec 2023).

- Gotlib, A.S. (2010), *Procedures and methods of sociological research. The workshop. Book 1. Classical Sociological Research*, Samara University, Samara, Russia, 236 p.
- Zeer, E.F. (2007), Identification of universal competencies of graduates by the employer, *Higher education in Russia*, no. 11, pp. 39–46, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9933109> (Accessed 10 Dec 2023).
- Kaznacheeva, S.N., Bicheva, I.B., Kaznacheev, D.A. (2020), Project effectiveness competent staff model organizing, *Innovative economy: prospects for development and advice*, no. 1(43), pp. 186–192, [Online], available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42492178> (Accessed 12 Dec 2023).
- Kudryavtseva, E.I. (2012), *Competencies and management: competencies in management, competencies of managers, competence management*, Russian Academy of National Economy and Public Administration, St.-Petersburg, Russia, 340 p.
- Lvov, L.V. (2013), Educational and professional environment and space: theoretical foundations of design, *Personalities in the professional and educational space: materials of the XII All-Russian Scientific and practical conference with international participation. Yekaterinburg*, pp. 77–80, [Online], available at: <https://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/200> (Accessed 12 Dec 2023).
- Markova, A.K. (1996), *Psychology of professionalism*, International Humanitarian Foundation "Znanie", Moscow, Russia, 308 p.
- A matrix of developmental actions. Textbook (tactical level)*, Corporate University of Russian Railways, Moscow, Russia, 67 p.
- Mitin, A.N. (2018), *Management mechanisms*, Prospect, Moscow, Russia, 320 p.
- Navigator for the development of corporate competencies of JSC "Russian Railways"*, Corporate University of Russian Railways, Moscow, Russia, 80 p.
- Regulation on the Corporate Competence Model of "Russian Railways"* (2019), [internal document].
- Regulation on professional competence systems in "Russian Railways"* (2022), [internal document].
- The system of Uniform corporate requirements for the personnel of "Russian Railways"* (2015), [internal document].
- Sorvina, T.A. (2010), Corporate competence as the basis for the development of competitive advantages of business structures, *The economics of entrepreneurship*, no. 2(28), pp. 58–61, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kompetentsiya-kak-osnova-razvitiya-konkurentnyh-preimuschestv-predprinimatelskih-struktur> (Accessed 10 Dec 2023).

Submitted: 18.12.2023

Revised: 18.01.2024

Accepted: 03.02.2024



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.334.22

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-1-82-96

Дата поступления: 12.12.2023
рецензирования: 15.01.2024
принятия: 01.03.2024

Н.В. Авдошина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: avdoshina.nv@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9117-7781>

В.Ю. Бочаров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: bocharov.vyu@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

Ю.В. Васькина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vaskina.yuv@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0586-839X>

М.В. Хардин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: khardin.mv@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5257-7125>

Оценка членами профсоюзной организации работников Самарского университета системы информирования о профсоюзной деятельности

Аннотация: статья посвящена анализу механизмов распространения информации о деятельности профсоюзной организации в современных условиях цифровизации. Авторами дается обзор новейших исследований процессов трансформации, происходящих в профсоюзных организациях, в том числе работающих в системе отечественного высшего образования, а также приводятся данные собственного эмпирического исследования, проведенного осенью 2023 года среди членов профсоюза работников Самарского университета. Выполненное исследование, опираясь на данные анкетного опроса рядовых членов (N = 107) университетского профсоюза и полуформализованные интервью с председателями профсоюзных бюро (N = 10), позволило проанализировать оценки работниками вуза качества информационной работы профсоюзной организации Самарского университета. Делаются выводы об основных существующих источниках для рядовых членов профсоюза информации о его деятельности, предпочтениях работников в используемых каналах информации и оценке её достоверности, а также большей потребности в получении информации по защите трудовых прав, улучшению условий труда и контролю выполнения условий коллективного договора. По итогам исследования сформулированы практические рекомендации профсоюзному комитету по повышению эффективности информационной работы и оперативной обратной связи между руководством профсоюза и его рядовыми членами.

Ключевые слова: российские профсоюзы; информационная деятельность; председатели профбюро; работники вуза; Самарский университет.

Цитирование: Авдошина Н.В., Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В., Хардин М.В. Оценка членами профсоюзной организации работников Самарского университета системы информирования о профсоюзной деятельности // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4. № 1. С. 82–96. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-82-96>.

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта профкома работников Самарского университета «Каналы и способы распространения информации в профсоюзной организации работников Самарского университета» в 2023 году.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Авдошина Н.В., 2024** – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14.

© **Васькина Ю.В., 2024** – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14.

© **Бочаров В.Ю., 2024** – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14.

© **Хардин М.В., 2024** – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры обработки металлов давлением, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

N.V. Avdoshina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: avdoshina.nv@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9117-7781>

V.Yu. Bocharov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: bocharov.vyu@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

Yu.V. Vas'kina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: vaskina.yuv@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0586-839X>

M.V. Khardin

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: khardin.mv@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5257-7125>

Assessment of the trade union activity information system by the members of the Samara University trade union

Abstract: the article is devoted to the analysis of the mechanisms of trade union information dissemination in modern digitalization conditions. The authors give an overview of the latest research on the transformation processes taking place in trade union organizations, including those, working in the domestic higher education system, and also provide data from their own empirical research conducted in the fall of 2023 among the members of the Samara University workers' union. The performed research, based on the data of the questionnaire survey of the university trade union ordinary members (N=107) and semi-formalized interviews with the chairmen of trade union bureaus (N=10), made it possible to analyze the way the university employees assess the quality of the Samara University trade union information work. Conclusions are drawn about the

main existing information sources for the trade union ordinary members about its activities, the employees' preferences in the used information channels and the assessment of its reliability, as well as the greater need to obtain information on the protection of labor rights, improvement of working conditions and the collective agreement management. Based on the study results, practical recommendations are formulated for the trade union committee on improving the effectiveness of information work and operational feedback between the trade union leadership and its ordinary members.

Key words: Russian trade unions; information activities; chairmen of the trade union bureau; university employees; Samara University.

Citation: Avdoshina, N.V., Vaskina, Yu.V., Bocharov, V.Yu., Khardin, M.V. (2024), Assessment of the trade union activity information system by the members of the Samara University trade union, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 1, pp. 82–96, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-82-96>.

Acknowledgments: the study was carried out as a part of the grant from the trade union committee of Samara University workers "Channels and methods of information dissemination in the Samara University trade union" in 2023.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Avdoshina N.V., 2024** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation; Research Associate, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS branch, 25/14, office 524, 7th Krasnoarmeyskaya str., St.-Petersburg, 190005, Russian Federation.

© **Vas'kina Yu.V., 2024** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation; Research Associate, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS branch, 25/14, office 524, 7th Krasnoarmeyskaya str., St.-Petersburg, 190005, Russian Federation.

© **Bocharov V.Yu., 2024** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation; Research Associate, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS branch, 25/14, office 524, 7th Krasnoarmeyskaya str., St.-Petersburg, 190005, Russian Federation.

© **Khardin M.V., 2024** – Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor, Department of Metal Forming, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В настоящее время, когда от любого коллектива особенно требуется четкая и слаженная работа, нацеленная на высокий конечный результат, выстраивание эффективной информационной работы и оперативной обратной связи становятся одними из важнейших управленческих задач. Особое значение это имеет для деятельности профсоюза, призванного защищать права работников и способствовать снижению социальной напряженности в коллективе. Поэтому не случайно для продолжения исследований в рамках профсоюзного гранта (Авдошина и др. 2023) была поставлена задача изучения оценки членами профсоюзной организации Самарского университета качества информационной работы.

Стоит сказать, что потребность в трансформации профсоюзной деятельности в наступившую цифровую эпоху признается исследователями профсоюзных практик по всему миру (Kollmeyer 2021; Jansson 2022; Black 2023). И действительно, профсоюзы, как традиционные субъекты трудовых отношений, неизбежно сталкиваются с проблемами со стороны цифровых технологий с точки зрения необходимости выработки новой информационно-просветительской и коммуникационной стра-

тегии. Такая ситуация происходит главным образом из-за того, что онлайн- и оффлайн-реальности становятся все более переплетенными, обуславливая необходимость присутствия профсоюзных организаций в сетевой среде Интернета. Однако проведенные исследования показывают, что нередко, несмотря на возможности горизонтального диалога, открывающиеся благодаря новым цифровым коммуникационным и информационным технологиям, профсоюзные структуры до сих пор сохраняют устаревшую «одностороннюю» модель коммуникации, препятствующую возможностям установления контактов и взаимодействия с рядовыми членами профсоюза (Carneiro, Costa 2022). В зависимости от способности профсоюзов адаптироваться к новой цифровой реальности исследователи выделяют несколько сценариев их дальнейшего развития: *маргинализация*, при которой профсоюзы фактически вытесняются и становятся все слабее; *дуализация*, при которой представительство профсоюзов охватывает основные и относительно стабильные сегменты рабочей силы, но профсоюзам не удается создать организацию в новых и расширяющихся сегментах рабочей силы; *замещение*, при котором профсоюзы заменяются альтернативными формами социальных и неправительствен-

ных организаций; *активизация*, когда профсоюзы воссоединяются с новыми рабочими группами и разрабатывают множество инновационных и альтернативных стратегий. При этом такие варианты будущего профсоюзов иногда происходят в одних и тех же странах, но в разных секторах (государственном/частном; промышленности/услугах; альтернативная экономика/платформенная работа) (Visser 2019, p. 73). Тем не менее, по результатам исследований, проведенных в 25 странах Евросоюза, маргинализация является наиболее вероятной моделью развития профсоюзов в одиннадцати странах, дуализация – в девяти, замещение – в одной (Испания) и активизация – в пяти странах (Waddington, Müller, Vandaele 2023, p. 1129).

Если принимать во внимание эти сценарии, то очевидно, что предпочтительным для российских профсоюзов является сценарий активизации. Это признается отечественными исследователями, отмечающими, что такой сценарий предполагает возрождение профсоюзов на новом уровне, включает в себя привлечение молодежи, вовлечение все большего числа работников неформального сектора. И для этого профсоюзным лидерам необходимо использовать цифровые технологии и интернет для коммуникации (Беспалая 2022, с. 122–124). Вместе с тем можно согласиться с одним из ведущих теоретиков современного профсоюзного движения России А.В. Шершуковым, что любой процесс реформирования профсоюза, не основанный на принципах независимости, активизма и приоритета интересов его членов, «создаст вместо профсоюза очередной социальный отдел при администрации» (Шершуков 2020, с. 81).

Целью данной статьи является анализ механизмов распространения информации о деятельности профсоюзной организации работников Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (далее – Самарский университет). Для достижения этой цели нами был рассмотрен новейший опыт российских исследований профсоюзов в условиях цифровизации, в том числе профсоюзов организаций высшего образования, и проведено комплексное эмпирическое исследование оценки работниками вуза качества информационной работы профсоюзной организации Самарского университета. Кроме того, решалась прикладная задача, связанная с формулированием практических рекомендаций по повышению эффективности информационной работы вузовской профсоюзной организации и оперативной обратной связи между руководством профсоюза и его рядовыми членами.

Российские профсоюзы в условиях цифровизации

Во многих современных отечественных исследованиях подчеркивается позитивная роль, которую сыграли профсоюзы в развитии трудо-

вых отношений (Бочаров 2017), и вместе с тем отмечается необходимость реформирования трудового законодательства с целью повышения самостоятельности и независимости российских профсоюзов от работодателя и государственного аппарата (Проценко, Черных 2023). В то же время ряд исследователей обращают внимание, что многое в активизации деятельности профсоюзных организаций зависит от самих профсоюзов, их включенности в цифровую среду (Пшеничный 2023) и умения наладить каналы обратной связи с трудовым коллективом. Более того, именно информационное направление профсоюзной работы признается одним из приоритетных (Блохина 2015). Для эффективной реализации информационной работы предлагаются различные меры. Так, У.Д. Закирлаев и З.И. Набиев предлагают создать и внедрить в деятельность профсоюзной организации единую цифровую платформу для сотрудников, справедливо полагая, что «основной ценностью, формируемой платформой, являются не материальные блага, а усиление и расширение социальной поддержки сотрудников» (Закирлаев, Набиев 2023, с. 679). Многие авторы признают целесообразность создания такой цифровой базы данных членов профсоюза в каждой организации, т.к. применение «цифровых технологий управления профсоюзами будет иметь высокий уровень эффективности при работе с большими данными, поскольку любые сведения, находящиеся в распоряжении общественных организаций, включая знания и информацию, в информационном обществе трансформируются и хранятся в виде цифровых данных» (Катабай и др. 2021, с. 4097–4098). При этом предлагается также сделать доступным для рядовых членов профсоюза мобильное приложение, которое «позволит членам профсоюзной организации более активно взаимодействовать со своим профсоюзом, быстро получать необходимую информацию и давать обратную связь» (Смирнов и др. 2020, с. 29).

В ряде исследований рассматриваются процессы трансформации, которые уже происходят в профсоюзных организациях системы высшего образования (Авдошина и др. 2023). При этом многими учеными признается, что «наблюдается снижение численности членов профсоюзных организаций в вузах, уменьшается доверие к его возможностям представлять и защищать права и интересы университетских работников» (Амбарова и др. 2023, с. 30). Все это ведет к процессам фрагментации университетского сообщества, девальвации ценностей университетской корпоративной культуры и ценности корпоративной и профессиональной солидарности (Амбарова и др. 2023, с. 30). Между тем профсоюз может участвовать в управлении корпоративной университетской культурой через участие профсоюза в поддержке традиций в ор-

ганизации, участие в переговорах, обсуждение коллективного договора, поддержку персонала в трудных ситуациях (оказание материальной, информационной и правовой помощи членам профсоюза и всем работникам организации) и других направлениях (Ермолаева, Мальцев 2023).

Методология исследования и эмпирическая база

Представленное в этой статье исследование выполнено в рамках гранта «Каналы и способы распространения информации в профсоюзной организации работников Самарского университета» осенью 2023 года. Оно было реализовано как логическое продолжение исследования «Профсоюзные лидеры Самарского университета: сохраняем традиции – создаём инновации», выполненного теми же авторами в 2022 году (Авдошина и др. 2023). Напомним, что исследование 2022 года показало, что в системе распространения информации внутри профсоюзной организации («сверху вниз» и «снизу вверх») существуют пробелы, анализ которых и был запланирован в рамках нового исследования 2023 года. В связи с этим была поставлена цель: проанализировать пути и способы распространения информации о работе профсоюзной организации работников Самарского университета и возможностях для рядовых членов профсоюза принимать участие в её деятельности. Для достижения этой цели в исследовании были поставлены следующие задачи:

1. Определить «слабые места» в каналах информирования членов профсоюза о деятельности профсоюзной организации работников университета и возможностях принять в ней участие.
2. Оценить уровень информированности членов профсоюза о его деятельности.
3. Выяснить способы распространения информации и мнение профсоюзного актива и рядовых членов профсоюза о приоритетных способах получения информации о работе профсоюза.

Теоретико-методологическое основание исследования 2023 года аналогично исследованию 2022 года: используется методология структурного функционализма, в рамках которой профсоюз рассматривается как организационная система, реализующая функции социального института наемного труда (Бочаров 2010) и используется исследовательская стратегия монографического описания по отношению к анализу деятельности конкретной профсоюзной организации работников Самарского университета. Эта организация имеет достаточно долгую историю (основана в 1942 году) и в настоящее время входит в ФНПР. На протяжении последних 5 лет сохраняется отрицательная динамика профсоюзного членства: на конец 2018 г. в профсоюзе состояло 1720 сотрудников Самарского университета, а на конец 2023 г. – 1382.

Объект эмпирического исследования – преподаватели университета, являющиеся членами профсоюза (N = 107) и председатели профсоюзных бюро структурных подразделений (институтов) Самарского университета (N = 10).

Методы исследования – анкетный онлайн-опрос, полуформализованное интервью.

Анкетный опрос работников Самарского университета, являющихся членами университетского профсоюза, проводился в ноябре 2023 года в онлайн-формате заполнением анкеты, созданной в гугл-форме. В опросе приняли участие работники всех структурных подразделений (институтов) Самарского университета. В соответствии с утвержденным техническим заданием было опрошено 107 респондентов – членов профсоюза работников Самарского университета: пол – мужской (31,8 %) и женский (68,2 %); возрастные группы – моложе 30 лет (12,5 %), 31–45 лет (40,4 %), 46–60 лет (34,6 %), 61 и старше (12,5 %); должностные группы – профессорско-преподавательский состав (82,2 %) и другие работники (17,8 %); работники социально-гуманитарного института (далее – СГИ) – 32,7 %, работники других институтов (67,3 %). Первичные социологические данные были собраны с помощью Google-формы и обработаны в программе SPSS.

Дополнительно были проведены полуформализованные интервью с десятью председателями профбюро в очном формате также в ноябре 2023 года. К проведению интервью были привлечены студенты СНО социологического факультета под руководством преподавателей кафедры социологии и культурологии к.соц.н., доц. В.Ю. Бочарова и к.соц.н., доц. Ю.В. Васькиной.

Результаты анкетного опроса членов профсоюзной организации Самарского университета

Возрастная структура, активность и мотивация профсоюзного членства. Данные проведенного анкетного опроса свидетельствуют, что большинство (около 2/3) опрошенных работников университета более 10 лет состоят в рядах профсоюза. Среди респондентов старших возрастных групп доля тех, чей стаж профсоюзного членства составляет более 10 лет, превышает 4/5 (для респондентов 46–60 лет) и даже 9/10 (для группы старше 61 года) опрошенных. Подобная возрастная структура профсоюзного членства наблюдалась и в исследовании 2022 года (Авдошина и др. 2023). Т.е. большинство рядовых сотрудников уже длительное время являются членами профсоюза и пользуются теми правами, которые им предоставляет такое членство. Между тем, когда речь идет об их участии в делах профсоюза и массовых мероприятиях, большинство работников не отличается активностью. На вопрос анкеты «Можно ли сказать, что большинство Ваших коллег-членов

профсоюза активно участвуют в профсоюзной деятельности?» около 2/3 опрошенных (65,5 %) ответили «скорее нет» или «нет». Признавая пассивность большинства своих коллег, сами респонденты также не желают заниматься профсоюзной работой. На вопрос анкеты «Хотели бы Вы сами войти в профсоюзный актив и принимать участие в его работе?» только около 1/4 (25,2 %) ответили в той или иной мере утвердительно. Тем респондентам, которые выразили желание войти в профсоюзный актив и принимать участие в его работе, в анкете задавался уточняющий вопрос: «Почему Вы хотите принимать более активное участие в работе профсоюза?» Ответы респондентов показали, что наиболее популярными мотивами участия в работе профсоюза у опрошенных работников Самарского университета являются желание «помогать работникам в защите их интересов» и желание «больше узнать о том, чем живет университет». Распределение ответов на этот вопрос представлено ниже (см. табл. 1).

Итак, основными мотивами участия в профсоюзном активе являются стремление помогать другим и желание знать, чем живет университет. Последний мотив свидетельствует как о сложившейся идентификации с университетом, так и о дефиците информации о том, что в нём происходит.

Также в анкете работникам предлагалось ответить на вопрос об их участии в 2022–2023 гг. в каких-либо массовых мероприятиях (конкурсы, акции, спортивные соревнования, собрания и т. п.), организованных профсоюзом работников Самарского университета. Получены данные о том, что почти 2/3 опрошенных (63,6 %) не принимали участие ни в каких массовых мероприятиях. Стоит отметить, что среди потенциально наиболее активной части профсоюза – молодежи до 30 лет – доля тех, кто не принимал участие в каких-либо

массовых мероприятиях, организованных профсоюзом, составляет более 9/10 (92,3 %). Т. е. молодые респонденты – наименее активная группа среди всех участников мероприятий.

Уровень информированности членов профсоюза о его структуре и деятельности. Результаты опроса показали: выборы профоргов не проводятся. Более 9/10 опрошенных рядовых членов профсоюза (среди респондентов моложе 30 лет такая доля чуть ниже, но также существенна – более 4/5) знают своего профорга, но при этом никто из отвечавших не принимал участие в его выборах. В то же время процедура выборов председателей профбюро регулярно осуществляется и в ней участвовали около 40 % по всему массиву опрошенных. Хотя среди молодых работников до 30 лет о своем участии в выборах сообщили только 15,4 % опрошенных. Такая низкая доля участвовавших в выборах председателя профбюро среди молодых работников до 30 лет частично объяснима тем, что сами выборы проводятся каждые 5 лет, а около 70 % молодых работников, принявших участие в опросе, проработали не более 5 лет, т. е. фактически еще могли не застать самой процедуры выборов. А больше всего доля работников, которые принимали участие в выборах председателя своего профбюро, среди респондентов возрастной группы 46–60 лет – более половины опрошенных по этой возрастной группе (52,8 %).

В ходе исследования выяснялся уровень информированности рядовых членов профсоюза об основных направлениях деятельности профсоюзной организации работников Самарского университета. В целом по массиву опрошенных примерно каждый второй респондент хорошо информирован об оздоровлении и отдыхе работников и получении материальной помощи, а более 1/3 – об организации праздничных и иных массовых мероприятий.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «Почему Вы хотите принимать более активное участие в работе профсоюза?» (в % от количества ответов, ранжировано по мере уменьшения доли ответов)

Table 1

Distribution of respondents' responses to the question "Why do you want to take a more active part in the trade union work?" (in % of the number of responses, ranked as the proportion of responses decreases)

| Мотивация активного участия в работе профсоюза | Доли ответов |
|---|--------------|
| Я хочу помогать работникам в защите их интересов | 59,3 |
| Мне хочется больше узнать о том, чем живет университет | 51,9 |
| Мне нравится работать с разными людьми | 37,0 |
| Профсоюзная работа повысит мой статус в трудовом коллективе | 22,2 |
| Профсоюзная работа приносит дополнительный доход | 14,8 |
| Трудно сказать | 3,7 |

Примечание: на этот вопрос можно было выбрать любое количество вариантов ответа, поэтому сумма ответов превышает 100 %.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «О каких направлениях деятельности профсоюза работников Самарского университета Вам известно и в какой степени?»
(в %, по всему массиву опрошенных)

Table 2

Distribution of respondents' responses to the question "What activity areas of the Samara University trade union do you know about and to what extent?"
(in %, across the entire array of respondents)

| Направления деятельности | Ничего не знаю | Немного знаю | Хорошо знаю | Итого |
|---|----------------|--------------|-------------|-------|
| Оздоровление и отдых работников | 6,5 | 42,1 | 51,4 | 100,0 |
| Получение материальной помощи | 11,3 | 36,4 | 52,3 | 100,0 |
| Защита трудовых прав работников | 44,8 | 31,8 | 23,4 | 100,0 |
| Улучшение условий труда | 50,5 | 29,0 | 20,5 | 100,0 |
| Организация праздничных и иных массовых мероприятий | 15,9 | 46,7 | 37,4 | 100,0 |
| Выполнение условий коллективного договора | 34,6 | 32,7 | 32,7 | 100,0 |

Однако каждый второй ничего не знает об улучшении условий труда, более 40 % ничего не знают о защите трудовых прав работников и более 1/3 – совершенно не информированы о выполнении коллективного договора (см. табл. 2).

Можно отметить, что максимальная доля неинформированных («ничего не знаю») по направлениям деятельности профсоюза наблюдается среди работников моложе 30 лет. Например, более 60 % молодых работников ничего не знают о таких направлениях, как «защита трудовых прав работников» и «улучшение условий труда».

Еще один вопрос – об информированности рядовых членов профсоюза о структуре и дея-

тельности профсоюза работников Самарского университета – был направлен на выяснение общего уровня их удовлетворённости системой информирования о профсоюзной деятельности. По результатам опроса выяснилось, что в той или иной мере устраивает уровень информирования о деятельности профсоюза 60,4 % опрошенных. Несмотря на то, что именно молодые работники в наименьшей степени осведомлены о том, кто является председателем профбюро или профоргом, а также практически обо всех направлениях деятельности профсоюза, они в наибольшей степени удовлетворены уровнем своей информированности (69,2 %).

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Из каких источников Вы в основном получаете информацию в целом о деятельности и массовых мероприятиях, организуемых профсоюзом работников Самарского университета?» (в % от количества ответов, ранжировано по мере уменьшения доли ответов)

Table 3

Distribution of respondents' responses to the question: "What sources do you mainly receive information from about the activities and mass events organized by the Samara University trade union?"
(in % of the number of responses, ranked as the proportion of responses decreases)

| Источники получения информации о деятельности и массовых мероприятиях, организуемых профсоюзом работников Самарского университета | Доли ответов |
|---|--------------|
| По электронной почте от профсоюзного организатора нашего подразделения | 65,4 |
| Лично от профсоюзного организатора нашего подразделения | 41,1 |
| От своих коллег | 28,0 |
| Читаю информацию на официальном сайте университета | 15,0 |
| Из рабочего группового чата нашего подразделения | 8,4 |
| Читаю информацию на сайте профкома работников Самарского университета | 5,6 |
| Узнаю информацию из сообщений в социальных сетях кафедры (подразделения) | 5,6 |
| Не получаю никакой информации о мероприятиях профсоюза | 5,6 |
| Узнаю информацию из группы Самарского университета «ВКонтакте» | 3,7 |
| Узнаю информацию из группы Самарского университета из мессенджера «Телеграм» | 2,8 |
| Трудно сказать | 1,9 |
| Другое | 0,9 |

Примечания: 1. На этот вопрос можно было выбрать несколько вариантов ответа, поэтому сумма ответов превышает 100 %. 2. 0,9 % респондентов, отметивших вариант «другое», указали на то, что «информация доводится точно».

Мнение членов профсоюза о приоритетных способах получения информации о работе профсоюза. Данные анкетного опроса показывают, что основными источниками получения информации о деятельности и массовых мероприятиях, организуемых профсоюзом работников Самарского университета, являются почтовые рассылки (65,4 % ответов). На втором месте по доле ответов – личные беседы с профорганами (41,1 % ответов), а на третьем – получение информации непосредственно от своих коллег по работе (28,0 % ответов) (см. табл. 3).

Большинство опрошенных рядовых членов профсоюза (61,7 %) хотели бы получать больше информации о деятельности профсоюза работников Самарского университета. Более всего выражена потребность в дополнительной информации среди респондентов 31–45 лет (78,6 %) и женщин (64,4 %) (см. табл. 4).

Анализ результатов опроса также показал, что среди тех, кого устраивает информированность о работе профсоюза, половина (52,3 %) все равно хотели бы получать больше информации, а среди тех, кого не устраивает информированность, доля желающих получить дополнительную информацию составляет 84,0 %. При этом источник информации о работе профсоюза имеет значение для удовлетворенности ею и оценки её достаточности. Так, среди тех, кто получает информацию лично от профсоюзного организатора подразделения, наибольшая доля тех, кого устраивает уровень информированности (см. табл. 5).

Итак, именно получение информации лично от профсоюзного организатора является наиболее ёмким и исчерпывающим способом. Офици-

альный сайт университета также весьма полезен для получения информации о ряде направлений работы профсоюза, но используется очень незначительной долей опрошенных. Коллеги не воспринимаются в качестве достоверного источника необходимых сведений.

Доля удовлетворенных своей информированностью и доля желающих получить дополнительную информацию зависят также от того, о каком направлении работы профсоюза плохо информирован респондент. Далее, в табл. 6, приведет результат статистического анализа взаимосвязи ответов на 3 вопроса. Среди тех, кто дал ответ, что не знает о конкретном направлении работы профсоюза, определялась доля не удовлетворенных своей информированностью и доля желающих получить больше информации. В целом, есть зависимость, выражающаяся в том, что при большой доле не информированных о каком-либо направлении работы растет и доля тех, кого не устраивает недостаток информации и кто хотел бы знать больше. Но особенно очевидна эта закономерность в отношении выполнения профсоюзом своей задачи по защите трудовых прав работников, улучшения условий труда и выполнения условий коллективного договора. Таким образом, это наиболее важные для респондентов виды деятельности профсоюза (см. табл. 6).

При ответе на вопрос, какой информации им не хватает, респонденты, прежде всего, отмечали, что им необходима дополнительная информация по поводу льгот, которыми могут пользоваться члены профсоюза в рамках университета (74,6 % ответов), и о том, как защитить свои трудовые права (50,7 % ответов). Достаточно востребована допол-

Таблица 4
Распределение ответов респондентов на вопрос «Хотели ли бы Вы получать больше информации о деятельности профсоюза работников Самарского университета?» (в %)

Table 4
Distribution of respondents' responses to the question "Would you like to receive more information about the activities of the Samara University trade Union?" (in %)

| | Да | Нет | Не знаю | Итого |
|---------------------------|------|------|---------|-------|
| В среднем все опрошенные | 61,7 | 21,5 | 16,8 | 100,0 |
| Должностные группы | | | | |
| Преподаватели | 62,5 | 18,2 | 19,3 | 100,0 |
| Другие работники | 57,9 | 36,6 | 5,5 | 100,0 |
| Возрастные группы | | | | |
| Моложе 30 лет | 61,5 | 38,5 | 0,0 | 100,0 |
| 31–45 лет | 78,6 | 14,3 | 7,1 | 100,0 |
| 46–60 лет | 52,8 | 22,2 | 25,0 | 100,0 |
| Старше 61 года | 30,8 | 23,1 | 46,1 | 100,0 |
| Гендерные группы | | | | |
| Мужчины | 55,9 | 26,5 | 17,6 | 100,0 |
| Женщины | 64,4 | 19,2 | 16,4 | 100,0 |
| Структурные подразделения | | | | |
| СГИ | 68,6 | 17,1 | 14,3 | 100,0 |
| Другие институты | 69,6 | 8,7 | 21,7 | 100,0 |

Таблица 5

Доли респондентов, кого устраивает уровень информированности, и тех, кто хочет получать дополнительную информацию, в зависимости от источника их информирования (в %)

Table 5

The proportion of respondents who are satisfied with the level of awareness and those who want to receive additional information, depending on the source of their information (in %)

| Источник информации | Доля тех, кого устраивает уровень информированности | Доля тех, кто хочет получать дополнительную информацию |
|---|---|--|
| Лично от профсоюзного организатора подразделения | 79,5 | 54,5 |
| По электронной почте от профсоюзного организатора подразделения | 65,7 | 67,1 |
| Официальный сайт университета | 62,5 | 56,3 |
| Коллеги | 43,3 | 70,0 |

Примечание: остальные источники информации не были проанализированы, поскольку ими пользуется абсолютное меньшинство респондентов.

Таблица 6

Связь информированности о работе профсоюза с удовлетворенностью ею и желанием получать больше информации

Table 6

The relationship between the trade union work awareness and satisfaction with it and the desire to receive more information

| Направление работы, о котором не знают респонденты | Доля не знающих о направлении (в %) | Доля тех, кто не удовлетворен информированностью (в % от незнающих) | Доля желающих получить информацию (в % от незнающих) |
|---|-------------------------------------|---|--|
| Оздоровление и отдых работников | 6,5 | 28,6 | 42,9 |
| Получение материальной помощи | 11,3 | 33,3 | 41,7 |
| Организация праздничных и иных массовых мероприятий | 15,9 | 23,5 | 52,9 |
| Выполнение условий коллективного договора | 34,6 | 35,1 | 75,7 |
| Защита трудовых прав работников | 44,8 | 35,5 | 72,9 |
| Улучшение условий труда | 50,5 | 29,6 | 72,2 |

СОЦИОЛОГИЯ

нительная информация об обеспечении льготными путевками на отдых и лечение и о проводимых профсоюзом мероприятиях (по 47,8 % ответов). Также многие респонденты (44,8 % ответов) хотели бы быть в курсе тех вопросов, которые обсуждаются на заседаниях профкома (см. табл. 7).

Большинство опрошенных рядовых членов профсоюза считают самым удобным способом получения информации о деятельности профсоюза на электронную почту (73,8 % ответов) (см. табл. 8).

Выяснилось также, что такой источник информации, как электронная рассылка от профорга, лучше других источников информирует о льготных путевках, о том, как правильно оформить материальную помощь и о проводимых мероприятиях. Официальный сайт университета – о том, какие вопросы обсуждаются на заседаниях профсоюзного комитета.

Итак, наиболее распространенными источниками информации о работе профсоюза являются

сообщения от профсоюзных организаторов по электронной почте (65,4 %) или в форме личного устного сообщения (41,1 %). Еще четверть респондентов (28,0 %) получают информацию от своих коллег. Полнота разных источников информации оценивается опрошенными рядовыми членами профсоюза неодинаково. Наибольшая доля тех, кого устраивает получаемая информация, среди тех, кто получает её лично от профсоюзного организатора, наименьшая – от коллег.

Наибольшая потребность в получении информации среди тех, кто плохо информирован о работе профсоюза по защите трудовых прав, улучшению условий труда и контролю выполнения условий коллективного договора. Кроме этих вопросов, работников интересуют условия получения льгот для членов профсоюза внутри университета.

Самым удобным способом получения информации о работе университета был признан тот, который на настоящий момент является самым

Таблица 7

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какой именно информации о деятельности профсоюза работников Самарского университета Вам не хватает?»
(в % от количества ответов, ранжировано по мере уменьшения доли ответов)

Table 7

Distribution of respondents' responses to the question: "What kind of information about the Samara University trade union do you lack?"
(in % of the number of responses, ranked as the proportion of answers decreases)

| Дефицит информации о работе профсоюза | Доли ответов |
|--|--------------|
| О льготах, которыми могут пользоваться члены профсоюза в рамках университета | 74,6 |
| О том, как защитить свои трудовые права | 50,7 |
| Об обеспечении льготными путевками на отдых и лечение | 47,8 |
| О проводимых профсоюзом мероприятиях | 47,8 |
| О том, какие вопросы обсуждаются на собраниях профсоюзного комитета | 44,8 |
| О том, как правильно оформить материальную помощь | 29,9 |
| Я располагаю достаточной информацией о работе профсоюза | 9,0 |
| Трудно сказать | 4,5 |
| Мне не хватает другой информации | 1,5 |

Примечание: на этот вопрос можно было выбрать любое количество вариантов ответа, поэтому сумма ответов превышает 100 %.

Таблица 8

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какой способ информирования о деятельности профсоюза работников Самарского университета Вам кажется наиболее удобным?»
(в % от количества ответов, ранжировано по мере уменьшения доли ответов)

Table 8

Distribution of respondents' responses to the question: "What way of informing about the Samara University trade union activities does it seem most convenient to you?"
(in % of the number of responses, ranked as the proportion of answers decreases)

| Самый удобный способ информирования: | Доли ответов |
|--|--------------|
| По электронной почте от профсоюзного организатора (профорга, профгруппорга) нашего подразделения (кафедры) | 73,8 |
| Лично (в устной форме) от профсоюзного организатора (профорга, профгруппорга) нашего подразделения (кафедры) | 25,2 |
| Официальный сайт Самарского университета (ssau.ru) | 20,6 |
| Группа Самарского университета в мессенджере «Телеграм» | 16,8 |
| Рабочий групповой онлайн-чат сотрудников нашего факультета (кафедры, подразделения) в мессенджере | 15,0 |
| Сообщения, размещаемые нашим подразделением (кафедрой) в социальных сетях и мессенджерах | 14,0 |
| Сайт профкома работников Самарского университета | 13,1 |
| Не имеет значения, любой способ удобен | 11,2 |
| Группа Самарского университета в социальной сети «ВКонтакте» | 7,5 |
| Другое | 2,8 |

Примечание: на этот вопрос можно было выбрать несколько вариантов ответа, поэтому сумма ответов превышает 100 %.

распространенным, – электронная почта от профсоюзных организаторов.

Результаты полужоформализованных интервью с председателями профбюро

Мнение председателей профбюро об отношении рядовых членов к профсоюзу и востребованности профсоюзной деятельности среди работников. Все председатели профбюро профсоюза работников Самарского университета в своих интервью отмечали соблюдение демократических прин-

ципов процедуры своего избрания. Большинство (8 из 10) информантов находятся в статусе председателя профбюро уже много лет и неоднократно, как правило, единогласно («все подняли руки, так меня и выбрали») избирались на эту должность сроком на 5 лет на общем собрании профсоюзной организации их структурного подразделения.

Информантам задавался вопрос «Как в целом относятся рядовые члены профсоюза к Вашей профсоюзной работе?», и данные исследователям

ответы свидетельствуют о преобладании «делового и позитивного», «положительного», «хорошего» и «нормального» отношения к деятельности председателей профбюро. Лишь в одном случае речь шла о «нейтральном» отношении рядовых членов профсоюза к работе председателя профбюро. При этом некоторыми информантами признавалось наличие «критических моментов», которые приходится «выслушивать». В одном из интервью председатель профбюро пояснил, что случаи недовольства если и возникают, то только по поводу «недополучения информации»: «в общем-то, особо недовольных и критики какой-то я не вижу, то есть редко-редко кто-то жалуется на недополучение информации, но это происходит редко, а так в основном всё позитивно, положительно протекает».

Во многом достаточно позитивное отношение к деятельности профсоюза работников Самарского университета опрошенные председатели профбюро объясняли востребованностью среди рядовых членов профсоюза своей деятельности и своими возможностями решать проблемы обращающихся к ним работников (в основном звучало: «все вопросы решаем положительно» и «помогаем почти всем»). В тех случаях, когда председатель профбюро не может самостоятельно решить проблему, она решается на уровне профкома или совместно с руководителями структурных подразделений: «Какие-то вопросы мы выясняем на заседании профсоюзного комитета, что-то мы пытаемся с деканом вместе решать, мы обращаемся к директору института, пытаемся эти вопросы решить».

В подавляющем большинстве случаев речь идет об обращениях работников по следующим вопросам: 1) получение материальной помощи («за материальной помощью обращаются регулярно»); 2) получение льготных путевок (при этом некоторые информанты признавались, что путевок выделяется недостаточно: «вопросы решаются не всегда, т. к. путевок выделяется мало») и другого вида льгот: «В основном, все обращаются по вопросам получения льгот от профсоюза: это путевки, пособия в большей части, детские подарки, санаторно-курортное лечение»; «также бесплатные походы в бассейн, там организована секция по плаванию для детей».

Все обращения рядовых членов профсоюза по поводу материальной помощи и различных льгот находят решение со стороны председателей профбюро. Иногда случается, что удовлетворить потребности работника невозможно в короткие сроки, но в итоге вопрос решается положительно чуть позднее: «Если кому-то не хватает матпомощи или путёвок, мы эти заявления переносим на следующий год, на следующий временной промежуток, потом о них не забываем и, в конце концов,

люди получают то, что хотели». Тем не менее, круг вопросов для обращения рядовых работников к председателям профбюро более широк, и об этом говорили информанты нашего исследования. В частности, вспоминались недавние времена пандемии и обращения от преподавателей по поводу дистанционного формата занятий: «В ковидное время коллеги обращались с проблемой перевода учебного процесса в дистанционный режим. Мы стараемся решить все проблемы по мере их поступления». Наконец, информантам приходится по мере своих возможностей решать проблемы трудовых отношений, связанные, прежде всего, с распределением учебной нагрузки и должностными обязанностями работников: «Практически не было вопросов, когда кого-то незаконно увольняли, но в любом случае обращались с вопросами, которые касаются повседневной жизни, может быть, связанными с уменьшением нагрузки, с изменением в должностях, потому что объём может изменяться от года в год, то есть связанными с такими жалобами, что высокая загруженность».

Итак, материалы интервью с информантами позволяют считать, что они выполняют функции представителей профсоюза в своих коллективах и помогают решать вопросы, с которыми к ним обращаются другие работники.

Способы получения информации о деятельности профкома работников Самарского университета и потребность в дополнительных каналах информирования. В своих интервью опрошенные председатели профбюро сообщали, что удовлетворены имеющимися каналами получения информации о деятельности профкома работников Самарского университета, получая информацию непосредственно из общения на профкоме, почтовых рассылок и сайта профкома: «В конце месяца у нас проводятся собрания, на которых я получаю новую информацию и передаю ее своим коллегам. Информация также размещается на сайте профкома»; «Я являюсь членом профкома, поэтому всю информацию получаю своевременно из первоисточника»; «Через рассылку по электронной почте, а также при личном общении с сотрудниками профкома». Также некоторыми информантами исследования упоминался организованный профкомом канал в мессенджере Телеграм: «В принципе все устраивает по электронной почте, но я поддерживаю организованный профкомом для профактива телеграм-канал».

При этом основным способом информирования рядовых членов профсоюза для председателей профбюро является почтовая рассылка профоргам: «Я делаю рассылку по e-mail профоргам кафедр, а они – рассылку всем сотрудникам. Неинформированных нет». Дополнительно к почтовой рассылке всеми председателями профбюро

проводятся личные беседы с профорганами и рядовыми работниками: «В основном по электронной почте и поясняя, если возникают какие-то вопросы уже в личной беседе, объясняю детали». Реже, но также используются онлайн-группы и мессенджеры, позволяющие, по мнению самих информантов, видеть обратную реакцию рядовых членов профсоюза: «Сама я информирую членов профбюро через группу в "ВКонтакте", там у нас все преподаватели. Да, я считаю, что члены профсоюза получают ту информацию, которую я им передаю»; «Через почту, либо мессенджеры («ВКонтакте», «Телеграм»). Считаю, что получают, потому что вижу обратную реакцию».

В интервью с председателями профбюро задавался вопрос о наличии потребности в дополнительных каналах информирования рядовых членов профсоюза, и практически все из информантов высказывались, что такой потребности нет («У нас на факультете всех всё устраивает»). При этом не было возражений против создания каких-то дополнительных возможностей по информированию («Такой необходимости нет. Но также я не против новых каналов передачи информации»). На уточняющий вопрос об отношении к возможному использованию мессенджеров в качестве потенциального канала информирования рядовых членов профсоюза практически все информанты отнеслись к этому настороженно и скептически: «Меня всё устраивает, потому что я считаю, что большое количество мессенджеров засоряет и захламляет гаджеты, и это воспринимается как спам и только нервирует, но не всех, конечно, но в большинстве»; «Как раз онлайн-мессенджеры очень неудобная вещь, и она создаст больше проблем, чем принесёт пользы. Ну, в общем, всё устраивает, можно так сказать». Только один из информантов в принципе поддержал идею использования такого канала информирования рядовых сотрудников-членов профсоюза, но при условии, что это будет организовано профкомом: «Можно вести группу председателей всего университета, но кто будет её вести, вот вопрос. Если ли у профкома такие ресурсы, телефоны и выделенные номера, и желание постоянно сидеть в этой переписке, но это вот не мой вопрос».

Проблема низкой активности рядовых членов профсоюза. В интервью с председателями профбюро затрагивалась тема повышения вовлечённости работников в профсоюзные дела и проводимые массовые мероприятия. В ответах информантов нередко подчеркивалась пассивность самих работников как в деятельности профсоюза, так и в участии в массовых мероприятиях:

«Когда иницилируем какое-то мероприятие, все согласны, а по факту приходят в разы меньше, от этого опускаются руки, предложений нет, но

хотелось бы данную ситуацию изменить, чтобы больше вовлекать членов профсоюза».

«Для того, чтобы предлагать какое-либо массовое мероприятие, нужно знать массовую заинтересованность. Я выдвинулась с инициативой по организации интернационального клуба для молодежи. Разные экскурсии и ряд мероприятий для привлечения молодежи, но пока нет осязательного отклика».

Одним из информантов было предложено перенести акцент работы с проведения массовых мероприятий на решение проблем охраны здоровья сотрудников: «Считаю остро необходимым вместо массовых мероприятий увеличить квоты путевок в лечебно-оздоровительные учреждения ввиду спроса».

Выводы и практические рекомендации

1. Исследование показало, что в целом рядовые члены позитивно оценивают работу председателей профбюро. Возникающие иногда конфликтные ситуации связаны, в основном, с «недополучением» работниками информации.

2. Противоречие между тем, что все председатели профбюро сообщили о том, что были избраны большинством голосов, и тем, что менее половины опрошенных ответили, что участвовали в их избрании, скорее всего, объясняется нарушениями в процедуре голосования, ее формальным проведением, а также тем, что не все члены профсоюза знают, как именно должна проходить процедура избрания (назначения) представителей профсоюза.

3. По данным анкетного опроса, 2/3 рядовых членов профсоюза признаются, что их коллеги не участвуют в профсоюзной деятельности (в большей степени это относится к мужчинам), и только около 1/4 (среди работников 31–45 лет – около 1/3) хотели бы войти в профсоюзный актив и принимать участие в его работе. Тем не менее, такая доля уже не мала, и особенно ценно, что наиболее распространенным мотивом таких людей является желание «помогать работникам в защите их интересов» (59,3 % ответов).

4. Абсолютное большинство опрошенных рядовых членов профсоюза получают информацию о деятельности профкома работников Самарского университета. Только 5,6 % опрошенных ответило, что не получают никакой информации о деятельности и мероприятиях профсоюза. Тем не менее, около 60 % опрошенных имеют потребность получать еще больше информации. Более всего выражена потребность в дополнительной информации среди респондентов 31–45 лет (78,6 %) и женщин (64,4 %). Прежде всего, рядовым членам профсоюза необходима дополнительная информация о льготах, которыми могут пользоваться члены профсоюза в рамках университета (74,6 %

ответов), и о том, как защитить свои трудовые права (50,7 % ответов).

Из двух важнейших функций профсоюза – защиты трудовых прав и социальной защиты – наиболее хорошо известна респондентам вторая функция. Деятельность же профсоюза по защите трудовых прав известна работникам университета в меньшей степени.

5. Обращает на себя внимание группа респондентов моложе 30 лет. Несмотря на то, что именно молодые работники в наименьшей степени осведомлены о том, кто является председателем профбюро или профоргом, а также практически обо всех направлениях деятельности профсоюза, они в наибольшей степени удовлетворены уровнем своей информированности. Наше предположение состоит в том, что молодые работники недостаточно осведомлены о функциях и роли профсоюза и не интересуются информацией о его работе.

6. Основными источниками получения информации о деятельности профсоюза и массовых мероприятиях, организуемых профсоюзом, являются почтовые рассылки (65,4 % ответов). На втором месте – личные беседы с профорганами (41,1 % ответов), а на третьем – получение информации непосредственно от своих коллег по работе (28,0 % ответов). При этом большинство опрошенных рядовых членов профсоюза согласны с мнением председателей профбюро, считая самым удобным способом получения информации о деятельности профсоюза по электронной почте (73,8 % ответов). По мнению председателей профбюро, острой потребности в дополнительных каналах информирования нет, однако уже имеется опыт использования мессенджеров, который можно развивать.

7. Полнота разных источников информации оценивается опрошенными неодинаково. Наибольшая доля тех, кого устраивает получаемая информация, среди тех, кто получает ее лично от профсоюзного организатора, наименьшая – от коллег.

Среди тех, кто плохо информирован о работе профсоюза, наибольшая потребность в получении информации по защите трудовых прав, улучшению условий труда и контроле выполнения условий коллективного договора.

Обобщая предложения собранные в ходе интервью с председателями профбюро, а также учитывая данные анкетного опроса, исследователи предлагают следующие *практические рекомендации*:

1. Проанализированные в ходе опроса мнения респондентов свидетельствуют о необходимости активизации коммуникаций профсоюза с рядовыми работниками, прежде всего, по вопросам защиты трудовых прав, регулированию трудовых отношений и улучшению ситуации в области охраны здоровья работников. Именно на эти направления

целесообразно акцентировать внимание профкому работников Самарского университета.

2. Данные опроса показали, что наименее вовлечены в профсоюзную деятельность и массовые мероприятия, проводимые профсоюзом, молодые работники до 30 лет. Среди них максимальны по сравнению с другими группами доли респондентов, не знающих своего профорга (15,4 %) и председателя профбюро (50,3 %), не информированных практически обо всех направлениях деятельности профсоюза. При этом более 9/10 молодых работники до 30 лет не принимали участие в каких-либо массовых мероприятиях, организованных профкомом в последние 2 года. Очевидно, что необходимо скорректировать тематику проводимых мероприятий для увеличения интереса молодых работников. Кроме того, целесообразно провести омоложение профсоюзного актива первичных подразделений. Для этого необходимо реализовать практику выборов профоргов первичных подразделений с проведением информационной кампании об омоложении профактива и привлечении молодёжи в профсоюзную работу.

3. Необходимо проработать вопрос о возможности создания единого информационного ресурса Самарского университета по решению проблем работников. На таком ресурсе работник в электронном виде мог бы сделать запрос и получить ответ. Не исключено, что базой для такого ресурса мог бы стать сайт профкома работников Самарского университета, но для этого необходима, во-первых, модернизация этого сайта и, во-вторых, проведение информационной кампании о наличии у работников возможности воспользоваться таким информационным ресурсом.

Кроме того, на сайт профкома целесообразно добавить раздел, подробно описывающий механизмы получения материальной помощи и обращения за социальными льготами. Это позволит повысить информированность работников, которые не знакомы с этим механизмом, но по каким-то причинам не могут или не хотят обратиться к профоргу или в профком.

Наконец, в рамках единого информационного ресурса может быть составлен электронный реестр работников-членов профсоюза, включающий их имеющиеся награды и достижения. Это может обеспечить своевременный и безошибочный процесс их награждения и представления к соответствующим их статусу наградам, экономя время и избегая ненужного дублирования.

4. Рекомендовать председателям профбюро проводить беседу со вновь принятыми работниками, разъясняя им не только преимущества вступления в профсоюз, но и структуру профсоюза, его основные направления деятельности, сообщая адрес сайта профсоюза, а также другие источники информации о его работе.

В целом реализация предлагаемых мер может не только улучшить коммуникацию между профсоюзным активом и рядовыми членами, но и повысить авторитет профсоюза, что позволит привлечь в свои ряды новых членов, особенно среди молодых сотрудников Самарского университета.

Библиографический список

- Black, N. (2023), Trade unions, stigma and legitimacy: A case study about academic wages in British universities, *Economic and Industrial Democracy*, vol. 0, no. 0, DOI: <http://doi.org/10.1177/0143831X231154757>.
- Carneiro, B. and Costa, H.A. (2022), Digital unionism as a renewal strategy? Social media use by trade union confederations, *Journal of Industrial Relations*, vol. 64, no. 1, pp. 26–51, DOI: <http://doi.org/10.1177/0022185620979337>.
- Jansson, J. (2022), Re-inventing the self: Implications of trade union revitalization, *Economic and Industrial Democracy*, vol. 43, no. 1, pp. 450–468, DOI: <http://doi.org/10.1177/0143831X20904782>.
- Kollmeyer, C. (2021), Post-industrial capitalism and trade union decline in affluent democracies, *International Journal of Comparative Sociology*, vol. 62, no. 6, pp. 466–487, DOI: <http://doi.org/10.1177/00207152221086876>.
- Visser, J. (2019), *Trade unions in the balance*, ILO ACTRAV Working Paper, Geneva, ILO, 80 p.
- Waddington, J., Müller, T. and Vandaele, K. (2023), *Trade unions in the European Union*, PETER LANG, Brussels, 1184 p.
- Авдошина Н.В., Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В., Хардин М.В. Приоритеты деятельности и перспективы роста авторитета российских профсоюзов среди вузовских работников // Семиотические исследования. 2023. Т. 3, № 1. С. 90–102. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-90-102>.
- Амбарова П.А., Мальцев А.В., Ермолаева С.Г. Мотивация членства научно-педагогических работников в университетском профсоюзе // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 5 (86). С. 30–42. DOI: <http://doi.org/10.26105/SSPU.2023.86.5.003>.
- Беспалая О.П. Профсоюзы в цифровой экономике: сценарии развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 11–1. С. 122–124. DOI: <http://doi.org/10.23672/m1994-6649-2691-x>.
- Блохина М.В. Проблемы и перспективы деятельности профсоюзной организации современного вуза // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2015. № 21. С. 121–125.
- Бочаров В.Ю. Роль российских профсоюзов в модернизации института наемного труда // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10, Вып. 1. С. 4–22. DOI: <http://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.101>.
- Бочаров В.Ю. Социальный институт наемного труда в современной России. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2010. 640 с.
- Ермолаева С.Г., Мальцев А.В. Корпоративная культура университета: роль профсоюза // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2023. Т. 12, № 2 (65). С. 13–19. DOI: <http://doi.org/10.12737/2305-7807-2023-12-2-5-13-19>.
- Закирлаев У.Д., Набиев З.И. Эффективное использование цифровых технологий в деятельности профсоюзов // Экономика и социум. 2023. № 5–2 (108). С. 674–680.
- Катабай П.Х., Смирнов Ю.И., Абрамов И.Н., Мажиев Х.Н., Скрипникова М.И. Управление локальной профсоюзной организацией на основе применения цифровой платформы // Креативная экономика. 2021. Т. 15, № 11. С. 4095–4104. DOI: <http://doi.org/10.18334/ce.15.11.113738>.
- Проценко Е.В., Черных А.Б. Оценка эффективности правовой деятельности профсоюзов на современном этапе // Социология и право. 2023. № 15(2). С. 285–293. DOI: <http://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-285-293>.
- Пшеничный С.П. Специфика деятельности профсоюзов в условиях цифровой трансформации // Экономические науки. 2023. № 6(223). С. 428–434. DOI: <http://doi.org/10.14451/1.223.428>.
- Смирнов Ю.И., Скрипникова М.И., Мажиев Х.Н., Катабай П.Х., Долгополов Г.В. Мобильное приложение «Профсоюз-онлайн» как один из ключевых аспектов цифровизации деятельности профсоюза работников народного образования и науки Российской Федерации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2020. № 3(82). С. 28–32.
- Шершуков А.В. Профсоюзная идеология. Москва: ООО «Редакция газеты “Солидарность”», 2020. 112 с.

References

- Black, N. (2023), Trade unions, stigma and legitimacy: A case study about academic wages in British universities, *Economic and Industrial Democracy*, vol. 0, no. 0, DOI: <http://doi.org/10.1177/0143831X231154757>.
- Carneiro, B. and Costa, H.A. (2022), Digital unionism as a renewal strategy? Social media use by trade union confederations, *Journal of Industrial Relations*, vol. 64, no. 1, pp. 26–51, DOI: <http://doi.org/10.1177/0022185620979337>.
- Jansson, J. (2022), Re-inventing the self: Implications of trade union revitalization, *Economic and Industrial Democracy*, vol. 43, no. 1, pp. 450–468, DOI: <http://doi.org/10.1177/0143831X20904782>.

Kollmeyer, C. (2021), Post-industrial capitalism and trade union decline in affluent democracies, *International Journal of Comparative Sociology*, vol. 62, no. 6, pp. 466–487, DOI: <http://doi.org/10.1177/00207152221086876>.

Visser, J. (2019), *Trade unions in the balance*, ILO ACTRAV Working Paper, Geneva, ILO, 80 p.

Waddington, J., Müller, T., Vandaele, K. (2023), *Trade unions in the European Union*, PETER LANG, Brussels, 1184 p.

Avdoshina, N.V., Bocharov, V.Y., Vaskina, Y.V. and Khardin, M.V. (2023), Russian trade unions' activity priorities and prospects for the authority rise among university workers, *Semiotic studies*, vol. 3, no. 1, pp. 90–102, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-90-102>.

Ambarova, P.A., Maltsev, A.V. and Ermolaeva, S.G. (2023), Motivation of membership of scientific and pedagogical staff in the university trade union. *Surgut State Pedagogical University Bulletin*, no. 5 (86), pp. 30–42, DOI: <http://doi.org/10.26105/SSPU.2023.86.5.003>.

Bespalaya, O.P. (2022), Trade unions in the digital economy: development scenarios. *Humanities, social-economic and social sciences*, no. 11–1, pp. 122–124, DOI: <http://doi.org/10.23672/m1994-6649-2691-x>.

Blokhina, M.V. (2015), Problems and prospects of the trade union organization of a modern university. *New word in science and practice: hypotheses and approbation of research results*, no. 21, pp. 121–125.

Bocharov, V.Yu. (2010), *Social Institute of wage labor in modern Russia*, Publishing house "Samara University", Samara, Russia, 640 p.

Bocharov, V.Yu. (2017), The Role of Trade Unions to Modernize the Russian Wage Labor Institution. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, vol. 10, issue 1, pp. 4–22, DOI: <http://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.101>.

Ermolaeva, S.G. and Maltsev, A.V. (2023), Corporate culture of the university: the role of the trade union, *Management of the personnel and intellectual resources in Russia*, vol. 12, no. 2 (65), pp. 13–19, DOI: <http://doi.org/10.12737/2305-7807-2023-12-2-5-13-19>.

Zakirlaev, U.J. and Nabiev, Z.I. (2023), Efficient use of digital technologies in the activities of trade unions, *Economy and society*, no. 5–2 (108), pp. 674–680.

Katabay, P.Kh., Smirnov, Yu.I., Abramov, I.N., Mazhiev, Kh.N. and Skripnikova, M.I. (2021), Management of a local trade union organization based on a digital platform. *Kreativnaya ekonomika*, vol. 15, no. 11, pp. 4095–4104, DOI: <http://doi.org/10.18334/ce.15.11.113738>.

Protsenko, E.V. and Chernykh, A.B. (2023), Assessment of the effectiveness of legal activities of trade unions at the present stage, *Sociology and Law*, no.15(2), pp.285–293, DOI: <http://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-285-293>.

Pshenichnyi, S.P. (2023), Innovative elements of social partnership, *Economic Sciences*, no. 6 (223), pp. 428–434, DOI: <http://doi.org/10.14451/1.223.428>.

Smirnov, Yu.I., Skripnikova, M.I., Mazhiev, Kh.N., Katabay, P.Kh. and Dolgoplov, G.V. (2020), "Trade union-online" mobile app as one of the key aspects of digitalization of the trade union of workers of national education and science of the Russian Federation, *Bulletin of Saratov SocioEconomic Institute of Plekhanov Russian University of Economics*, no. 3(82), pp. 28–32.

Shershukov, A.V. (2020), *Trade union ideology*, LLC "Editorial Office of the newspaper "Solidarity"", Moscow, Russia, 112 p.

Submitted: 12.12.2023

Revised: 15.01.2024

Accepted: 01.03.2024



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-1-97-107

Дата поступления: 01.12.2023
рецензирования: 18.01.2024
принятия: 20.03.2024

З.И. Иванова

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: ivanovazi@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1649-4768>

Т.В. Бернюкевич

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: bernyukevich@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4471-0381>

А.Р. Шаяхметова

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: azalka.sha@gmail.com

**Монопрофильные города: социальные аспекты градостроительной политики
(на примере золотодобывающего города Бодайбо Иркутской области)**

Аннотация: в статье ставится вопрос о монопрофильных городах Российской Федерации, социальной ситуации в моногородах и социальной политике в городе как части градостроительной политики. Основное внимание уделяется анализу ситуации в городе Бодайбо Иркутской области, в котором более 60 % населения прямо или опосредованно связано с золотодобывающей отраслью. Следовательно, Бодайбо может рассматриваться как тип монопрофильного золотодобывающего города, требующего пристального внимания со стороны власти и особого подхода к разработке градостроительной политики. Актуальность исследования объясняется тем, что систематических комплексных (в том числе социологических) исследований по золотодобывающим городам и поселениям в России нет. *Цель исследования:* определение содержания потребностей жителей города Бодайбо в улучшении качества жизни в аспекте решения социальных проблем и разработка предложений по определению направлений градостроительной политики. *Результаты исследования:* в октябре 2022 года авторы статьи провели социологический опрос жителей города Бодайбо для выявления удовлетворенности горожан условиями жизни и работы, оценки ими комфортности среды жизнедеятельности. Было установлено, что социальные условия в городе ухудшаются: 30 % горожан отметили качество жизни как наихудшее, более 60 % респондентов оценили состояние социальной инфраструктуры как неудовлетворительное. *Выводы:* наиболее острыми проблемами жителей Бодайбо, обусловленными в том числе существующей градостроительной политикой, являются: отсутствие комфортного жилья, высокие цены на аренду жилья, плохое состояние транспортной и городской инфраструктуры, низкое качество медицинских и культурно-бытовых услуг. Из-за нерешенности социальных проблем часть населения покидает город, демографическая ситуация ухудшается. Авторы провели анализ исследований моногородов в других регионах РФ, ознакомились с предлагаемыми моделями решения назревших проблем, опираясь в том числе, на зарубежный опыт. Исходя из результатов социологического опроса и знакомства с разработанными концепциями санации моногородов, авторы предложили некоторые шаги по улучшению градостроительной политики в г. Бодайбо.

Ключевые слова: моногород; золотодобывающий город; социальная политика; качество жизни; условия труда; комфортное жилье; социальная инфраструктура; социологический опрос.

Цитирование: Иванова З.И., Бернюкевич Т.В., Шаяхметова А.Р. Монопрофильные города: социальные аспекты градостроительной политики (на примере золотодобывающего города Бодайбо Иркут-

ской области) // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4. № 1. С. 97–107. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-97-107>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Иванова З.И., 2024** – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных наук и технологий, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, 129337, Российская Федерация, г. Москва, Ярославское шоссе, д. 26.

© **Бернюкевич Т.В., 2024** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры Социально-гуманитарных наук и технологий, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, 129337, Российская Федерация, г. Москва, Ярославское шоссе, д. 26.

© **Шаяхметова А.Р., 2024** – магистрант по направлению «Градостроительство», дипломированный специалист в области экспертизы и управления недвижимостью, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, 129337, Российская Федерация, г. Москва, Ярославское шоссе, д. 26.

SCIENTIFIC ARTICLE

Z.I. Ivanova

Moscow State University of Civil Engineering,
Moscow, Russian Federation

E-mail: ivanovazi@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1649-4768>

T.V. Bernyukevich

Moscow State University of Civil Engineering,
Moscow, Russian Federation

E-mail: bernyukevich@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4471-0381>

A.R. Shayakhmetova

Moscow State University of Civil Engineering,
Moscow, Russian Federation

E-mail: azalka.sha@gmail.com

Single-industry cities: social aspects of urban planning policy (as exemplified by the gold-mining city Bodaibo, Irkutsk region)

Abstract: the article raises the issue of Russian single-industry cities, the social situation and social policy in the city as part of urban planning policy. The main attention is paid to the analysis of the situation at the single-industry cities: social aspects of urban planning policy (as illustrated by the gold-mining city of Bodaibo, Irkutsk region). More than 60 % of the city population is directly or indirectly connected with the gold mining industry. Consequently, Bodaibo can be considered as a single-industry gold-mining city that requires attention from the authorities and a special approach to the urban policy development. The relevance of the study is explained by the fact that there are no systematic comprehensive (including sociological) studies on gold mining cities and settlements in Russia. *Purpose of the study:* studying the needs of residents of the city of Bodaibo to improve the quality of life in terms of solving social problems and developing proposals to determine the directions of urban planning policy. *Research results:* in October 2022, the authors of the article conducted a sociological survey of the city Bodaibo residents to identify the satisfaction of citizens with living and working conditions, and to assess the comfort of the environment. It was found that the social conditions in the city are deteriorating: 30 % of citizens noted the quality of life as the worst, more than 60 % of respondents rated the state of social infrastructure as unsatisfactory. *Conclusions:* weaknesses in the city urban planning policy - lack of comfortable housing, high prices for rental housing for newcomers, poor condition of transport infrastructure, low quality of medical and cultural services. Due to the unresolved social problems, part of the population is leaving the city, the demographic situation is deteriorating. The authors analyzed studies on single-industry towns in other regions of the Russian Federation, got acquainted with the proposed models for solving urgent problems, also relying upon foreign experience. Based on the sociological survey results and acquaintance with the developed concepts for the reorganization of single-industry towns, the authors proposed some steps to improve the urban planning policy in the city of Bodaibo.

Key words: single-industry city; gold-mining city; social policy; quality of life; working conditions; comfortable housing; social infrastructure; sociological survey.

Citation: Ivanova, Z.I., Bernyukevich, T.V. and Shayakhmetova, A.R. (2024), Single-industry cities: social aspects of urban planning policy (as exemplified by the gold-mining city Bodaibo, Irkutsh region), *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 1, pp. 97–107, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-97-107>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Ivanova Z.I., 2024** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Social Sciences, Humanities and Technologies, Moscow State University of Civil Engineering, 26, Yaroslavskoye Shosse (St.), Moscow, 129337, Russian Federation.

© **Bernyukevich T.V., 2024** – Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Professor of the Department of Social Sciences, Humanities and Technologies, Moscow State University of Civil Engineering, 26, Yaroslavskoye Shosse (St.), Moscow, 129337, Russian Federation.

© **Shayakhmetova A.R., 2024** – master's student in Urban Planning, Bachelor of Expertise and Real Estate Management, Moscow State University of Civil Engineering, 26, Yaroslavskoye Shosse (St.), Moscow, 129337, Russian Federation.

Введение

В настоящее время в исследовательской литературе используется значительное количество определений градостроительной политики. Обратимся к правовым основаниям данного понятия. «Градостроительная политика определяется как целенаправленная деятельность государства по формированию благоприятной среды обитания людей, исходя из условий исторически сложившегося расселения, перспектив социально-экономического развития общества, национально-этнических и иных местных особенностей» - в этих словах выражалась суть градостроительной политики в законе РФ «Об основах градостроительства в Российской Федерации», принятом 14.02.1997 г. В дальнейшем понятие «градостроительная политика» получило уточнение и расширение. В «Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года», утвержденной, распоряжением Правительства РФ от 31.10.2022 № 3268-р (ред. от 29.11.2023) одним из ключевых направлений определено формирование новой градостроительной политики. Среди задач современной градостроительной политики обозначено «создание условий для комфортного проживания населения на сельских территориях и в малых городах». Это означает «проведение единой градостроительной, тарифной и транспортной политики в городских агломерациях и опорных населенных пунктах, в том числе, на межмуниципальном уровне, а также использование единых нормативов по обеспечению инфраструктурой населенных пунктов, учитывая, в том числе, важность развития сельских поселений, малых и средних городов» («Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства», 2022). Таким образом, сутью новой градостроительной политики становится реализация национальной цели Российской Федерации: «комфортная и безопасная среда для жизни», что имеет глубокий социальный

характер. Градостроительная политика составляет существенную часть социальной политики государства.

Особого внимания с точки зрения создания «комфортной и безопасной городской среды» требуют моногорода.

«Моногород», или «монопрофильный город», – это город, жизнь которого сосредоточена вокруг одного или нескольких предприятий, объединенных общностью технологического процесса. Как правило, более 25 % жителей города работают на данном предприятии, участвуя в производстве и переработке продукции, добыче полезных ископаемых, хотя строгих критериев по численности занятых на предприятиях нет. Тем не менее все имеющиеся в городе сферы обслуживания, школы, медицинские учреждения так или иначе связаны с этими предприятиями, которые также известны как градообразующие. По классификации Министерства экономического развития РФ, к моногородам относятся поселения, имеющие статус городского округа или городского поселения, с численностью более 3 тыс. человек и осуществляющие полезную производственную деятельность в какой-либо сфере.

Моногорода сыграли значительную роль в подъеме промышленного производства в советское время. С разрушением структуры народного хозяйства страны в 90-е годы XX века и в связи с закрытием предприятий многие моногорода пришли в упадок. В настоящее время насчитывается 319 моногородов в 61 российском регионе. В ноябре 2016 г. был утвержден паспорт федеральной приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов». Целью программы стало комплексное развитие городов, открытие новых производств, создание новых рабочих мест и снижение зависимости от градообразующих предприятий. Данная программа была завершена в январе 2019 г., однако основные цели программы все же не были выполнены. В рамках Стратегии пространственного развития РФ в настоящее время

реализуются новые меры стимулирования проблемных городов, в частности, через т.н. проекты ТОСЭР (территории опережающего социально-экономического развития).

Анализ степени изученности монопрофильных городов России с точки зрения реализации социальных потребностей горожан как части градостроительной политики государства показал, что систематических исследований социальных проблем золотодобывающих городов и поселений нет, практика социологического мониторинга социальной ситуации в «деградирующих» моногородах Севера, Сибири, Дальнего Востока отсутствует. Комплексные исследования проблем моногородов с сочетанием экономико-математических, социологических, статистических методов и разработка сценариев их реанимации и развития начались относительно недавно. Масштабное социологическое исследование экономического самочувствия жителей моногородов проведено в 2015 году силами ФСО (Федеральной службы охраны РФ). Опросу были подвергнуты жители 201 населенного пункта, социологи интересовались оценкой своего материального положения, уровня безработицы в городе и уровня предпринимательской активности, а также просили высказать свое мнение о способах решения социально-экономических проблем. На основе полученных данных жители отнесены к проживанию в «красной» (наиболее неблагополучной), «желтой» (с рисками ухудшения), «зеленой» (со стабильной социально-экономической ситуацией) зоне (ФСО замерила экономическое самочувствие в моногородах 2015). С тех пор такие общероссийские опросы не проводились, однако были инициированы исследования по конкретным городам, например, измерение социального самочувствия жителей моногородов Арктического Севера на примере города Новодвинск (Кашкина 2017, стр. 133–136). Более масштабное исследование проведено в отношении городов северных областей Дальнего Востока группой ученых ИСПИ ФНИСЦ РАН в августе 2019 г. Предложения авторов заключаются в разработке компенсаторных и регулирующих механизмов, сдерживающих миграционную убыль населения, которые заключались бы в повышении заработной платы, предоставлении социальных льгот, обеспечении качественного питания и в целом улучшении качества жизни (Фомин, Безвербный и др. 2022, с. 219–228).

Материалы и методы исследования

К одному из монопрофильных золотодобывающих городов, имеющих серьезные социальные проблемы, относится Бодайбо, город на северо-востоке Иркутской области. Следует отметить, что в ряде исследований, Бодайбо как моногород не значится, вероятно, из-за того, что в перечне моногородов,

утвержденных Правительством РФ, город Бодайбо не включен. Возможно, это связано и с тем, что в списках обозначены города с наиболее серьезной социально-экономической ситуацией. В других работах Бодайбо рассматривается как город, имеющий все объективные черты моногорода (Каплин 2021, с. 39–42; Цыкунов 2017, с. 142).

Цель исследования – изучение потребностей жителей города Бодайбо в улучшении качества жизни в аспекте решения социальных проблем и разработка предложений по определению направлений градостроительной политики.

Исследование проведено с применением метода социологического опроса/анкетирования жителей г. Бодайбо, а также анализа документов – различных источников информации о монопрофильных городах и городе Бодайбо.

Один из основателей Чикагской школы социологии Р. Парк указывал, что сбор и анализ фактов, социальные обследования позволяют изучить социальные проблемы как основные проблемы города (Парк 2002, с. 4). Со времен Чикагской школы походы к исследованию города и применяемые методы становились более разнообразными. Доктор философских наук, профессор Яницкий О.Н., известный представитель социологии города в России, характеризует 7 этапов развития городской социологии в России и выделяет несколько подходов и методов анализа городской среды (Яницкий 2016, с. 117–126). Среди большого количества методов, применяемых в городских исследованиях (наблюдение и метод визуального анализа, интервьюирование, ментальное картирование, городские дрейфы, анализ больших данных и др.) анкетный опрос не теряет своей актуальности. Его преимущества заключаются в возможности получения достоверных данных за счет точной формулировки вопросов и их унификации, применения математико-статистических методов обработки. Опросы позволяют выявить запросы горожан, их недовольства, степень неудовлетворенности чем-либо, например, состоянием городской среды, размерами жилья, экологической ситуацией или качеством медицинского обслуживания. Как указывал Глазычев В.Л.: «Удовлетворенность трудно измерить, неудовлетворенность – напротив – всегда ориентирована довольно четко и (путем сравнения) относительно измерима ... Только в том случае, если нам в количественном выражении известна неудовлетворенность отсутствием чего-то, можно на перспективу мотивированно планировать это что-то» (Глазычев 1978).

Сегодня наиболее распространенным и эффективным способом исследования неудовлетворенностей становится онлайн-анкетирование. Оно позволяет охватить большое количество респондентов, находящихся вдалеке от исследователя и быстрее провести опрос с использованием

Интернет пространства (Regmi PR et al. 2016, p. 640; Мартышенко С.Н., Мартышенко Н.С. 2017, с. 72). Метод онлайн-анкетирования применен в данном социологическом опросе.

Результаты исследования

Иркутская область занимает 4-е место по золотодобыче в Российской Федерации и дает стране 23 тонны золота в год. 95 % месторождений россыпного золота расположены в Бодайбинском районе (Суходолов 2017). Город Бодайбо – административный центр Бодайбинского района Иркутской области, расположен среди тайги на правом берегу р. Витим у впадения в него р. Бодайбо. Поселение находится в 1095 км к северо-востоку от Иркутска. Первая разработка россыпного золота в Ленско-Витимском районе относится к 1836 году, поселение основано в 1863 г., статус города Бодайбо получил в 1903 г. С областным центром он связан авиалинией протяженностью 950 км, с Восточно-Сибирской железно-дорожной магистралью (ст. Таксимо) – грунтовой автодорогой протяженностью 220 км. Климат резко-континентальный, перепады температуры в среднем от 24° летом и -32° зимой. На 1 марта 2023 года численность населения Бодайбинского района составляет 16,4 тыс. чел. (0,74 % от населения Иркутской области), из них 11 982 человека проживает в г. Бодайбо. На золотодобыче прямо или опосредованно задействовано 63 % работоспособного населения района. Бодайбинский район относится к территориям с высоким уровнем миграции населения. Ежегодно в район прибывает около 7,0 тыс. чел. по найму на сезонную работу на предприятия золотодобывающей промышленности и примерно такое же количество выбывает из района по окончании сезонных работ (Пояснительная записка к аналитическому отчету... 2022).

Социологический опрос проведен методом онлайн-анкетирования в октябре 2022 года. При отборе респондентов применялась *стихийная выборка*, т.е. опрашивались те респонденты, которые оказались наиболее доступными. Объем выборочной совокупности определялся, исходя из погрешности в 7 % (установлено, что предел погрешности выборки от 3 до 10 % позволяет получить достаточно объективные данные о состоянии проблемы). Таким образом, из 9370 чел. населения Бодайбо старше 18 лет (генеральная совокупность), определена выборочная совокупность в 192 чел. В действительности в опросе приняли участие 239 чел., проживающие в момент опроса в Бодайбо.

Анкета создана в Google Forms и распространена среди жителей Бодайбо через социальные сети. Обработка собранного эмпирического материала, подсчет результатов производился с помощью онлайн-инструмента Google Forms. При разработке методики опроса, построения анкеты и анализе

применен факторный подход. Анкета разделена на 3 блока: портрет респондента, удовлетворенность социальной инфраструктурой и удовлетворенность наличием мест приложения труда.

В первом разделе собрана базовая информация для формирования портрета респондента: пол, возраст, время пребывания в городе (длительность проживания), уровень образования, вид занятости. 71,5 % респондентов – женщины, 28,5 % – мужчины. Разница в половой структуре опрошенных не случайна, она связана не только с тем, что женщины охотнее откликнулись на предложение заполнить анкету, но и с большей информированностью женщин о социальной ситуации в городе. По возрасту распределение выглядело таким образом: до 30 лет – 19,2 %, от 30 до 45 лет – 49,4 %, от 45 до 60 лет – 27,2 %, и свыше 60 лет – 4,2 %. Лица активного трудоспособного возраста составили основную часть опрошенных. Большинство опрошенных (79,9 %) семейные люди (проживают в городе с семьей), 13 % опрошенных имеют семью, но она оставлена в месте постоянного жительства, 7 % опрошенных пока не имеют семьи. Высшее образование есть у 47,7 % опрошенных, 36,4 % респондентов имеет среднее специальное образование. 80 % опрошенных работают, 10 % учатся и работают. 90,8 % респондентов живет в Бодайбо постоянно, около 8 % приехали на временную работу и проживают от 1 года до 3 лет. 70,7 опрошенных родились в г. Бодайбо. 13 % опрошенных были приглашены на работу, и еще 13 % прибыли в город по семейным обстоятельствам. Таким образом, основные составляющие портрета респондента таковы: возраст – 30-45 лет, коренной житель, работающий, образование высшее или среднее специальное.

Во втором разделе респондентам задавались вопросы об удовлетворенности респондентов качеством жизни. При формировании вопросов учитывался интегральный, комплексный характер данного понятия: «Качество жизни – многогранная, комплексная, междисциплинарная концепция, наиболее содержательная и включает объективные и субъективные измеримые показатели, характеризующие те или иные стороны жизни человека. Интегральный индекс качества жизни должен включать экономические, социальные и экологические параметры жизнедеятельности человека и функционирования социально-экономических систем (городских, региональных, национальных, глобальных) и субъективные оценки личного благополучия человека (показатели для измерения субъективного благополучия)» (Нехода, Рощина, Пак 2018, с. 117)). В нашем случае качество жизни рассматривалось через реализацию социальных потребностей горожанина. «Интерпретация качества жизни через удовлетворение потребностей – один из подходов, позволяющих

поднимать вопросы удовлетворенности жизнью в целом и внимания к жизненным ценностям субъектов. В этом случае необходимо понимать, какие показатели сами социальные субъекты считают значимыми, какие факторы повышают их ощущение благополучия и удовлетворенности, а какие вызывают негативные эмоции, апатию и недовольство» (Рыкун А. и др. 2020, с. 288).

Вопросы в анкете сформированы таким образом, чтобы выявить, какова в целом оценка качества жизни в субъективном ощущении респондентов и что конкретно вызывает негативные эмоции и недовольство.

На вопрос: «Оцените качество жизни по шкале от 1 до 3» большинство респондентов выбрало ответ «2», 31 % оценили качество жизни на «1», т.е. дали оценку «наихудшее». Следовательно, ощущение благополучия и удовлетворенности у большинства опрошенных респондентов отсутствует. 61 % опрошенных респондентов оценили социальную инфраструктуру города как неудовлетворительную (рис. 1). Негативные эмоции, недовольство вызывают состояние медицинских учреждений и качество медицинского обслуживания, качество образования и культурно-бытового обслуживания. Респонденты также жалуются на отсутствие моста через Витим, плохое состояние городских автомобильных трасс и пешеходных дорог, состояние аэропорта. Жителей беспокоят и высокие цены на товары и услуги, аренду жилья.

привыкли к такому климату, 36 % респондентов климатический фактор не беспокоит, лишь 15 % опрошенных страдают от сурового климата Восточной Сибири так, что «не хочется оставаться в городе». У большинства опрошенных в Бодайбо есть своя квартира (78,2 %), 15 % респондентов живут в арендованной квартире, еще 6 % опрошенных проживают в общежитии. Заинтересованы ли жители в приобретении новой квартиры? Ответ на этот вопрос представлен в следующей диаграмме (рис. 2).

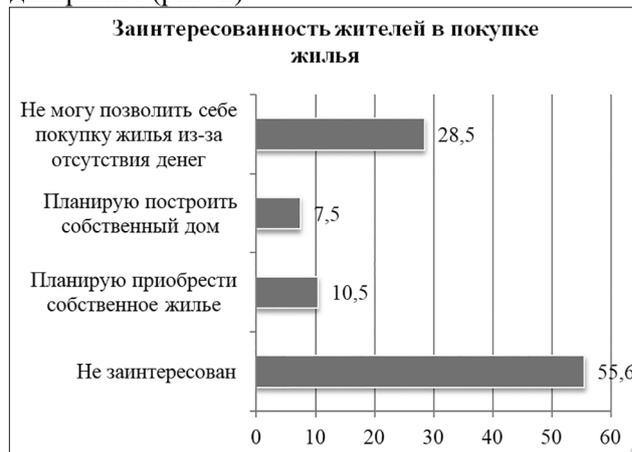


Рис.2. Заинтересованность жителей г. Бодайбо в приобретении нового жилья

Fig. 2. The interest of Bodaibo residents in purchasing new housing

Несмотря на то, что в совокупности лишь 46,5 % респондентов сами заинтересованы в проблеме жилья, 65 % респондентов предлагают развернуть строительство современного жилья. Предложения 61,5 % жителей связаны с улучшением транспортной инфраструктуры. Более 50 % жителей связывают комфортность проживания с развитием системы культурно-бытового обслуживания. Респонденты внесли свои предложения и по другим направлениям улучшения социальных условий в городе (рис. 3).

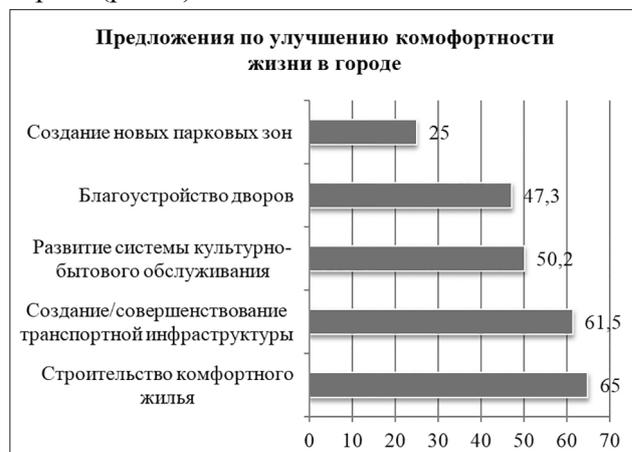


Рис. 3. Предложения жителей г. Бодайбо по улучшению комфортности жизни

Fig. 3. Suggestions of Bodaibo residents for improving the quality of life



Рис. 1. Оценка респондентами социальной инфраструктуры г. Бодайбо

Fig. 1. Respondents' assessment of Bodaibo social infrastructure

Особо нужно выделить вопросы, связанные с желанием остаться в городе, приобрести жилье, обустроить свою жизнь здесь или выехать в другой регион в связи с низким качеством жизни. Несмотря на суровые климатические условия, большинство опрошенных остались бы в городе жить и работать. 47 % опрошенных ответили, что

Предложения касаются и улучшения медицинского обслуживания, привлечения квалифицированных медицинских работников, развития системы образования. Вопросы, связанные со строительством моста через реку Витим и модернизацией аэропорта, поднимают практически все опрошенные.

В третьем разделе анкеты заданы вопросы об удовлетворенности жителей местами приложения труда и условиями работы. Достаточно ли рабочих мест в городе, не жалуются ли жители на высокий уровень безработицы? 36 % опрошенных ответили, что рабочих мест недостаточно (хотя 34 % респондентов считает, что вполне достаточно), а 29 % респондентов выбрали вариант «затрудняюсь ответить». Как мы уже выяснили, 90 % опрошенных работают, при этом 61,2 % трудоустроены по специальности. Гораздо меньше респондентов удовлетворены условиями работы: 51,7 % респондентов ответили, что удовлетворены полностью, 30 % опрошенных отзываются о месте работы как организации, не имеющей современного оборудования, с плохой организацией труда, с низкой заработной платой, с конфликтными отношениями внутри коллектива. 22 % опрошенных ответили, что не могут «сформулировать внятно свой ответ», но к категории удовлетворенных работой они явно не относятся. Удовлетворенность от самой работы (характера и содержания труда) отмечают 62,2 % респондентов, 30 % респондентов заметили, что другой альтернативы нет, вынуждены работать за вознаграждение. Категорически не удовлетворены работой и с нетерпением ждут окончания контракта всего 7,8 %. По мнению респондентов, «способствовать привлечению квалифицированных работников в Бодайбо» могут следующие действия городских властей и руководства организаций (рис. 4).



Рис. 4. Мнение жителей о факторах привлечения в г. Бодайбо квалифицированной рабочей силы
Fig. 4. Residents' opinion on the factors of bringing skilled workforce to Bodaibo

Среди указанных первостепенных действий предлагается снижение цен на авиаперелеты, адекватное ценообразование за предоставляемые услуги, бесплатное жилье для особо востребованных квалифицированных специалистов. Горожане предлагают разнообразить сферу досуга, насытить жизнь горожан интересными мероприятиями, создать условия для творчества и развития талантов.

Выводы

Таким образом, в процессе социологического опроса удалось выяснить, что волнует жителей города Бодайбо, как они оценивают городскую среду с точки зрения ее комфортности, какую оценку дают качеству жизни, какие болевые точки города в первую очередь выделяют. Нужно отметить, что 90,8 % респондентов живет в Бодайбо постоянно, имеет работу, и только 8% прибыли на временную работу. Средний возраст опрошенных 30-45 лет, 84 % из них имеют высшее и средне-специальное образование. 80 % из них живут в городе с семьей, имеют детей. Следовательно, ответы на вопросы анкеты осознанные, респонденты отвечали правдиво, говорили о «наболевшем»:

1) *Жилье.* Несмотря на то, что большинство опрошенных респондентов имеют жилье, болевой точкой города следует признать жилищную проблему: состояние жилищного фонда, стоимость аренды. В Бодайбо стоимость аренды современной квартиры соизмерима со стоимостью аренды в столичном регионе. 65 % респондентов в качестве первоочередной задачи отмечают «строительство комфортного жилья». Среди факторов привлечения квалифицированной рабочей силы «улучшение жилищных условий (предоставление нового жилья, помощь с ремонтом квартир, ремонт в общежитиях)» отмечает 53,6 % респондентов.

2) *Транспортная инфраструктура.* 61,5 % респондентов предлагают улучшение транспортной инфраструктуры. В свободных ответах о недовольстве теми или иными сторонами жизни, плохое состояние автомобильных дорог, тротуаров, отсутствие моста через реку Витим указывалось часто.

3) *Культурно-бытовое обслуживание.* 50,2 % респондентов подчеркивают необходимость улучшения культурно-бытового обслуживания как важной части обеспечения качества жизни. Особенно это важно для детей и молодежи, так как служит фактором удержания населения в городе и привлечения новой рабочей силы и ее коренизации. Респонденты отмечают «недостаток комплексов для детей и молодежи, отсутствие интересных мероприятий».

4) *Медицинское обслуживание.* Среди свободных ответов указания на плохое медицинское обслуживание нехватку врачей встречались наибо-

лее часто. Были и резкие эмоциональные высказывания, например, «отвратительная медицина».

5) *Модернизация отраслей производства и сферы обслуживания.* 52 % населения не удовлетворены работой и, в первую очередь, указывают на такие причины, как отсутствие современного оборудования, плохая организация труда.

6) *Отток населения в другие, более благополучные районы с точки зрения решения социальных проблем, недостаток квалифицированной рабочей силы.* Низкий уровень развития инфраструктуры, неразвитость медицинской сферы вместе с отсутствием строительства комфортного жилья, ограниченностью и низким качеством транспортных путей служат причиной оттока части населения (особенно, молодежи), и ухудшения демографической ситуации, а также препятствуют привлечению квалифицированных специалистов. Поскольку город является золотодобывающим, сюда люди приезжают в надежде на хорошие заработки, среди основных факторов привлечения рабочей силы указано увеличение заработной платы.

Исследование выявило острые проблемы социальной/градостроительной политики в городе. Тем не менее, согласно опросу, Бодайбо не относится к деградирующим городам, город и производство сохраняются. Большинство жителей хотят жить в этом городе, однако ощущают потребность в улучшении качества жизни: решении жилищных проблем, улучшении условий труда, развитии инфраструктуры города (медицинской, образовательной, культурной).

Предложения

В настоящее время в рамках градостроительной политики России разрабатываются различные сценарии решения назревших социальных проблем и экономического стимулирования монопрофильных поселений (Жукова 2021, с. 100–101; Фомин, Смирнов, Мирязов 2020, с. 179–187; Калмыков и др. 2018, с. 17,18), в том числе с учетом, зарубежного опыта (Трофимова, Шеметова 2017, с. 38–42).

Предлагаются два основных пути:

1) *Закрытие города, поселения, прекращение его существования.* Умирание малых городов – это стойкая тенденция, утверждают сторонники этого пути. Люди будут уезжать в благополучные регионы, сырье, в том числе и золото, лучше добывать вахтовым методом. Пример организации вахтовых поселений – «Север» в Якутии, «Новый путь» в Магаданской области золотообрабатывающей компанией «Герба» и ее дочерним предприятием АО «Сусуманзолото». Однако не везде проблему можно решить таким образом, перспективные поселения, в которых население проживает постоянно (в течение многих поколений), целесообразнее сохранять и развивать.

2) *Санация города (оздоровление, лечение)* – инвестиции в инфраструктуру, реабилитация тер-

ритории, решение экологических проблем (снижение негативного воздействия на природу), помощь в трудоустройстве, развитие кластеров (Акинфеева, Ерзнкян 2018, с. 46–50). Предлагается санацию провести с помощью уже разработанных концепций и апробированных способов.

«Управляемое сжатие» – сокращение численности городских жителей для обеспечения функционирования градообразующего предприятия одновременно с развитием комфортного жилья и социально-культурной инфраструктуры;

«Стабильный моногород» – обеспечение функционирования производства градообразующего предприятия города без сокращения количества жителей; грамотное выстраивание бюджетной политики города.

«Индустриальная диверсификация» – расширение профилей предпринимательства (производства и услуг), инвестирование средств в разнообразные проекты, развитие кластеров.

Предлагаемые концепции разработаны на примерах мировых практик решения проблем моногородов. Их можно использовать с учетом национальных, территориально-климатических особенностей, образа жизни горожан. В любом случае необходима поддержка государства, участие бизнеса, местных органов власти.

С учетом полученных результатов можно было бы порекомендовать для Бодайбо вариант «стабильного моногорода» с постепенным переходом к стратегии «индустриальной диверсификации»: 1) активное развитие среднего и мелкого бизнеса; 2) создание ситуации инвестиционной привлекательности с опорой на сферу услуг и туризм (природа края привлекла бы и любителей экологического туризма); 3) налоговые льготы для мотивированных предпринимателей, предлагающих инновационные социальные проекты; 4) активное внедрение информационных технологий для привлечения молодых квалифицированных кадров и предоставление молодым профессионалам комфортного жилья; 5) развитие системы образования, повышение привлекательности обучения для школьников, открытие спецшкол или специальных классов в школах, колледжей с профилем использования в золотодобыче цифровых технологий, привлечение учителей и преподавателей по информационным технологиям и предоставление жилья; 6) улучшение городской среды, решение транспортных проблем, повышение качества жизни для горожан.

Для стимулирования социально-экономического развития территории необходим четкий план развития и контроль его исполнения. Стратегия социально-экономического развития города Бодайбо и Бодайбинского района до 2030 года, утвержденная 14 декабря 2018 года обращает внимание на направления, которые позволили бы

активизировать предпринимательскую деятельность, развивать человеческий капитал, усилить социальную поддержку населения. В частности, на втором этапе реализации стратегии (с 2021 по 2025 год) предполагается реализация крупных инвестиционных проектов, рост численности населения и реальных доходов (Стратегия социально-экономического развития... 2018). При успешной реализации модернизационных планов, улучшении финансово-экономической ситуации и социальной привлекательности город Бодайбо можно было бы исключить из категории моногородов, как это произошло с успешными городами Татарстана и Тюменской области.

Библиографический список

- Акинфеева Е.В., Ерзкян Б.А. Моногорода в структуре регионального кластера: условия взаимной подпитки положительными эффектами // Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 45–51.
- Глазычев В.Л. Социология архитектуры – какая и для чего? // Зодчество. 1978. № 2 (21). URL: http://www.glazychev.ru/publications/articles/1978_sociology_architecture.htm (Дата обращения: 03.03.2024).
- Гурова О.Н. Моноспециализированные городские поселения Забайкальского края: типология и проблемы социально-экономического развития // Научные ведомости. Серия «Естественные науки». 2015. № 3. Вып. 30. С. 191–198.
- Жукова А.А. Пути решения проблем деградирующих промышленных территорий моногородов. Текст: электронный // Наука, образование и экспериментальное проектирование. 2021. DOI: <http://doi.org/10.24412/cl-35672-2021-1-0012>. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-resheniya-problem-degradiruyuschih-promyshlennyh-territoriy-monogorodov?ysclid=lfxsw9yn4t430844649> (Дата обращения: 03.03.2024).
- Калмыков Н.Н., Меньщикова В.И., Меркулова Е.Ю. и др. Ключевые направления стабилизации социально-экономического положения российских моногородов // Развитие территорий. 2018. №2(12). С. 14–19. DOI: <http://doi.org/10.32324/2412-8945-2018-2-14-19>.
- Каплин Е.А. Моногорода Иркутской области: проблемы и перспективы // Актуальные исследования. 2021. № 8 (35). С. 39–42.
- Кашкина Л.В. Социальное самочувствие населения в моногороде Арктического региона Российской Федерации (по результатам социологических исследований в г. Новодвинск) // Вестник Нижнегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 3(47). С. 133–136.
- Мартышенко С.Н., Мартышенко Н.С. Методы повышения эффективности онлайн-опросов, используемых для анализа социально-экономических процессов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3. № 4. С. 71–85.
- Нехода Е.В., Рощина И.В., Пак В.Д. Качество жизни: проблемы измерения // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. № 43. С. 107–125.
- «Об основах градостроительства в Российской Федерации». Закон РФ от 14.07.1992 N 3295-1. (утратил силу). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_732/5d84b2af74bfe4ac68626d87c5aa52660992f355 (Дата обращения: 03.03.2024).
- Парк Р. Город как социальная лаборатория. Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 3–12.
- Пояснительная записка к аналитическому отчету о социально-экономической ситуации в муниципальном образовании города Бодайбо и района за 2022 год. URL: https://bodaybo38.ru/page/bodaybo38_rubrics-56 (Дата обращения: 03.03.2024).
- Regmi, PR, Waithaka, E, Paudyal, A, Simkhada, P, van Teijlingen, E. (2016), Guide to the design and application of online questionnaire surveys, *Nepal J Epidemiol*, vol. 6, no. 4, pp. 640–644, DOI: <http://doi.org/10.3126/nje.v6i4.17258>, eCollection 2016 Dec (Accessed 3 March 2024).
- Рыкун А., Черникова Д., Сухушина Е., Березкин А. Измерение качества жизни в городах: возможности индексного подхода // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 2. С. 283–298.
- «Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года», утвержденной, распоряжением Правительства РФ от 31.10.2022 № 3268-р (с изменениями на 23 ноября 2023 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/352185341?ysclid=lt9y8kwzph533937905> (Дата обращения: 03.03.2024).
- Стратегия социально-экономического развития Бодайбинского района на период до 2030 года // URL: https://bodaybo38.ru/page/bodaybo38_rubrics-205?ysclid=ltbprpa8a4266175400 (Дата обращения: 03.03.2024).
- Суходолов А. История Иркутской золотодобычи // Золото и технологии. 2017. № 4. URL: История Иркутской золотодобычи (zolteh.ru) (Дата обращения: 03.03.2024).
- Трофимова О.М., Шеметова Н.К. Международный опыт реализации пространственных сдвигов в старопромышленных городах // Муниципалитет: экономика и управление. 2017. № 2. С. 37–43.
- Фомин М.В., Безвербный В.А., Селезнев И.А. и др. Проблемы пространственного развития ре-

гионов Севера и Дальнего Востока России: социологический анализ // Проблемы Арктики и Антарктики. 2020. № 66 (2). С. 218–233. DOI: <https://doi.org/10.30758/0555-2648-2020-66-2-217-233>.

Фомин М.В., Смирнов О.О., Мирязов Т.Р. Монгорода Уральского Федерального округа: матрица рисков развития // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 3. С. 171–192.

ФСО замерила экономическое самочувствие в моногородах. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2016/02/25/56cdb2b69a7947557237c6c3?ysclid=lewqph0lqw827669498> (Дата обращения: 03.03.2024).

Цыкунов Г.А. Монгорода Иркутской области: современное состояние // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 140–145.

Яницкий О.Н. История городской социологии в России: эволюция идей // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 117–126.

References

Akinfeeva, E.V. and Erzikyan, B.A. (2018), Single-industry towns in the structure of a regional cluster: conditions for mutual replenishment of positive effects, *Vestnik KemGU. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki, Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Political, sociological and economic sciences*, no. 2, pp. 45–51.

Glazychev, V.L. (1978), Sociologiya arhitektury – kakaya i dlya chego?, *Zodchestvo*, no. 2 (21), [Online], available at: http://www.glazychev.ru/publications/articles/1978_sociology_architecture.htm (Accessed 3 March 2024).

Gurova, O.N. (2015), Nauchnye vedomosti, seriya Estestvennye nauki, *Scientific bulletin, Natural Sciences series*, no. 3, vol. 30, pp. 191–198.

Zhukova, A.A. (2021), Puti resheniya problem degradirujushih promyshlennyh territorij monogorodov. Nauka, obrazovanie i eksperimental'noe proektirovanie, *Science, education and experimental design*, DOI: <http://doi.org/10.24412/cl-35672-2021-1-0012>, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-resheniya-problem-degradiruyushih-promyshlennyh-territoriy-monogorodov?ysclid=1fxsw9yn4t430844649> (Accessed 3 March 2024).

Kalmykov, N.N., Men'shchikova, V.I., Merkuloва, E.Y., et al. (2018), Razvitie territorij, *Development of territories*, no. 2(12), pp. 14–19, DOI: <http://doi.org/10.32324/2412-8945-2018-2-14-19>.

Kaplin, E.A. (2021), Aktual'nye issledovaniya, *Current Research*, no. 8 (35), pp. 39–42.

Kashkina, L.V. (2017), Social well-being of the population in a single-industry town in the Arctic region of the Russian Federation (based on the results of sociological research in the city of Novodvinsk), *Vestnik Nizhenegorodskogo universiteta im. N.I. Lo-*

bachevskogo. Seriya: Social'nye nauki, Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences, no. 3(47), pp. 133–136.

Martyshenko, S.N. and Martyshenko, N.S. (2017), Metody povysheniya jeffektivnosti onlajn-oprosov, ispol'zuemyh dlja analiza social'no-jekonomicheskikh processov, *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-jekonomicheskie i pravovye issledovaniya*, vol. 3, no. 4, pp. 71–85.

Nehoda, E.V., Roshhina, I.V., Pak, V.D. (2018), Kachestvo zhizni: problemy izmereniya. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, *Jekonomika*, no. 43, pp. 107–125.

«Ob osnovah gradostroitel'stva v Rossijskoj Federacii», Zakon RF ot 14.07.1992 N 3295-1. (Inactive) (Accessed 3 March 2024).

Park, R. (2002), Gorod kak social'naja laboratorija, *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 2, no. 3, pp. 3–12.

Poyasnitelnaya zapiska k analiticheskomu otchetu o social'no-ekonomicheskoy situacii v municipal'nom obrazovanii goroda Bodajbo i rajona, *Explanatory note to the analytical report on the socio-economic situation in the municipality of the city of Bodaibo and the region*, [Online], available at: <https://topuch.com/otchetu-o-socialno-ekonomicheskoy-situacii-v-municipalnom-ob/index.htm> (Accessed 3 March 2024).

Regmi, PR, Waithaka, E, Paudyal, A, Simkhada, P, van Teijlingen, E. (2016), Guide to the design and application of online questionnaire surveys, *Nepal J Epidemiol*, vol. 6, no. 4, pp. 640–644, DOI: <http://doi.org/10.3126/nje.v6i4.17258>, eCollection 2016 Dec (Accessed 3 March 2024).

Rykun, A., Chernikova, D., Suhushina, E., Berezkin, A. (2020), Izmerenie kachestva zhizni v gorodah: vozmozhnosti indeksnogo podhoda, *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*, vol. 18, no. 2, pp. 283–298.

«Strategiya razvitija stroitel'noj otrasli i zhilishhno-kommunal'nogo hozjajstva Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda s prognozom do 2035 goda», utverzhdennoj, rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 31.10.2022 № 3268-r (s izmenenijami na 23 nojabrja 2023 goda), [Online], available at: <https://docs.cntd.ru/document/352185341?ysclid=lt9y8kwzph533937905> (Accessed 3 March 2024).

Strategiya social'no-ekonomicheskogo razvitiya Bodajbinskogo rajona na period do 2030 goda (bodajbo38.ru), *Strategy for the socio-economic development of the Bodaibo district for the period up to 2030*, bodajbo38.ru, [Online], available at: https://bodajbo38.ru/page/bodajbo38_rubrics-205?ysclid=ltb-pzpa8a4266175400 (Accessed 3 March 2024).

Suhodolov, A. (2017), Zoloto i tekhnologii, *Gold and technology*, no. 4, [Online], available at: https://zolteh.ru/spetsproekty/zolotodobyvayushhie-regiony-rossii/irkutskaya_oblast/istoriya_irkutskoy_zolotodobychi?ysclid=levmkt87al627463060 (Accessed 3 March 2024).

- Trofimova, O.M. and Shemetova, N.K. (2017), *Mezhdunarodnyj opyt realizacii prostranstvennyh sdvigov v staropromyshlennyh gorodah, Municipalitet: ekonomika i upravlenie, Municipality: economics and management*, no. 2, pp. 37–43.
- Fomin, M.V., Bezverbnyj, V.A., Seleznev, I.A. et al. (2020), *Problemy prostranstvennogo razvitija regionov Severa i Dal'nego Vostoka Rossii: sociologicheskij analiz. Problemy Arktiki i Antarktiki, Problems of the Arctic and Antarctic*, no. 66(2), pp. 218–233, [Online], available at: <https://doi.org/10.30758/0555-2648-2020-66-2-217-233> (Accessed 3 March 2024).
- Fomin, M.V., Smirnov, O.O., Miryazov, T.R. (2022), *Monogoroda Ural'skogo Federal'nogo okruga: matrica riskov razvitija, Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya, Issues of state and municipal management*, no. 3, pp. 171–192.
- FSS zamerila ekonomicheskoe samochuvstvie v monogorodah, FSS measured the economic well-being in single-industry towns*, [Online], available at: <https://www.rbc.ru/newspaper/2016/02/25/56cdb2b69a7947557237c6c3?ysclid=lewqph01qw827669498> (Accessed 3 March 2024).
- Cykunov, G.A. (2017), *Monogoroda Irkutskoj oblasti: sovremennoe sostojanie, Izvestiya Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta, Bulletin of the Baikal State University*, vol. 27, no. 2, pp. 140–145.
- Janickij, O.N. (2016), *Istorija gorodskoj sociologii v Rossii: jevoljucija idej, Sociologicheskie issledovanija*, no. 8, pp. 117–12. LAW_732/5d84b2af74bfe4ac68626d87c5aa52660992f355 (Accessed 03 March 2024).

Submitted: 01.12.2023

Revised: 18.01.2024

Accepted: 20.03.2024



НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ
УДК 821.162.1(092):1

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-1-108-111

Дата поступления: 10.01.2024
принятия: 01.03.2024

А.Ю. Нестеров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: nesterov.ayu@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0670-9315>

А.И. Демина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: demina.ai@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6054-9255>

**Философия Станислава Лема глазами профессора Околовского.
Рецензия на книгу «Станислав Лем и разум. Философские этюды»**

Аннотация: статья представляет собой рецензию на издание: Околовский П. Станислав Лем и разум. Философские этюды. Минск: Галіяфы, 2022. 224 с. Автор – профессор Варшавского университета, исследующий философское наследие Станислава Лема. Книга является сборником эссе и интервью, в которых раскрывается видение Лемом решения онтологических, эпистемологических и аксиологических вопросов. Русскоязычному читателю предлагается анализ философии зрелого Лема: она мало известна и не вписывается в состав канонических подходов, выражающих историю философии XX века. Это издание вносит существенный вклад в лемологию, позволяя составить представление о принципах и подходах Лема как философа, взглянуть на его философское наследие на фоне античных классиков.

Ключевые слова: Станислав Лем; лемология; Лемовские чтения; Лем-философ; философия Лема.

Цитирование: Нестеров А.Ю., Демина А.И. Философия Станислава Лема глазами профессора Околовского. Рецензия на книгу «Станислав Лем и разум. Философские этюды» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4. № 1. С. 108–111. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-108-111>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Нестеров А.Ю., 2024** – доктор философских наук, доцент, директор социально-гуманитарного института, заведующий кафедрой философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© **Демина А.И., 2024** – специалист по учебно-методической работе, ассистент кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC REVIEW

A. Yu. Nesterov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: nesterov.ayu@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0670-9315>

A. I. Demina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: demina.ai@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6054-9255>

The philosophy of Stanislaw Lem through the eyes of Professor Okolovsky. Review of the book "Stanislaw Lem and reason. Philosophical studies"

Abstract: the article is a review of the publication: Okolovsky P. Stanislaw Lem and reason. Philosophical studies. Minsk: Galiafi, 2022. 224 p. The author is a professor at the University of Warsaw, researching the philosophical legacy of Stanislaw Lem. The book is a collection of essays and interviews that reveal Lem's vision of resolving ontological, epistemological and axiological questions. The Russian-speaking reader is offered an analysis of the philosophy of the mature Lem: it is little known and does not fit into the canonical approaches expressing the history of philosophy of the 20th century. This publication makes a significant contribution to Lemology, allowing one to get an idea of the principles and approaches of Lem as a philosopher, and to look at his philosophical heritage against the background of the ancient classics.

Key words: Stanislaw Lem; lemology; Lem's readings; Lem the philosopher; Lem's philosophy.

Citation: Nesterov, A. Yu. and Demina, A. I. (2024), The philosophy of Stanislaw Lem through the eyes of Professor Okolovsky. Review of the book "Stanislaw Lem and reason. Philosophical studies", *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 1, pp. 108–111, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-108-111>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© Nesterov A. Yu., 2024 – Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Humanities, Head of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© Demina A. I., 2024 – Teaching and Learning Specialist, Assistant of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Станислав Лем – одна из ключевых фигур в мировой культуре второй половины XX века. Его имя в русскоязычном пространстве связано с традицией классической научной фантастики, создавшей историю будущего для нескольких десятков поколений. Парадоксы времени, техника будущего, этика всемирного человечества, столкновение с нечеловеческими, биологическими и машинными, формами разума, самопонимание сильного искусственного интеллекта, сила и слабость человеческого духа в приспособлении непознанного космоса к человеческим нуждам, – это темы литературных произведений Лема, завораживающих и читателя XXI века. За пределами России наибольшей популярностью Лем пользуется у себя на родине в Польше и в сопредельной Германии.

Научные исследования наследия Станислава Лема не составляют в мире какого-то одного направления или школы и носят во многом эпизодический характер. В 2017 году в Дармштадте (Германия) был организован масштабный фестиваль, завершившийся масштабной научной конференцией (Friedrich et al. 2021). Единственное посвящённое Лему регулярное научное мероприятие проходит с 2007 года в Самаре, это Лемовские чтения (Нестеров, Демина 2022). Среди его постоянных участников – один из наиболее преданных поклонников, библиографов, переводчиков и исследователей наследия Лема Виктор Иосифович Язневич. Благодаря усилиям Язневича русскоязычной аудитории оказались доступны не только многие тексты самого Лема (Язневич 2021), но и

значительный пласт литературно-философских исследований, выходящих в Польше. Одно из них – посвящённый Лему сборник статей и интервью профессора Варшавского университета Павла Околовского, изданный в Минске в 2022 году на русском языке.

Ход исследования

Профессор Околовский анализирует фигуру Лема не столько с историко-литературной, сколько с философской стороны, с позиций теории познания, теории деятельности и этики. Как справедливо отмечает в предисловии к изданию Збигнев Мусьял, Лема хорошо знают как литератора, но не как философа и мыслителя (с. 16). С историко-литературной точки зрения, наследие Лема действительно не вызывает методологических сложностей: новаторство в производстве несуществующих слов он делит с русским авангардом, с Велимиром Хлебниковым и Даниилом Хармсом, и отзвуки этого проекта слышны ещё на рубеже XX–XXI веков в работе М. Эпштейна; создание парадоксов за счёт переплетения планов выражения и содержания – с Сигизмундом Кржижановским и Хорхе Луисом Борхесом, после Лема приём игры с прагматическим правилом повествования становится общим местом литературного постмодернизма, затухающим в нарративах Милорада Павича или Умберто Эко; антропологический оптимизм – с советской и американской научной фантастикой 60-х и 70-х годов, антропологический пессимизм – с Аркадием и Борисом Стругацкими середины 80-х годов и их эпигонами. С историко-философской точки зрения, наследие Лема существенно

сложнее и не вписывается в рамки канонических подходов ни аналитической, ни континентальной мысли: с одной стороны, «Сумма технологии» – это гимн технооптимизму, фундамент всей современной футурологии и одна из наиболее значимых позитивных работ в истории философии техники, с другой стороны, уже «Философия случая» – это исследование вероятностных социальных процессов рецепции текстов и идей с жёсткими и не всегда ясными оценками. Голос адвоката Финкельштейна, вплетающийся в спор Рассела, Поппера и Файерабенда в «Осмотре на месте» – это, за пределами сугубо литературного творчества, тот момент критики и переосмысления собственных взглядов, который превращает Лема в неоднозначную, не поддающуюся простой реконструкции философскую фигуру. Именно такого Лема-философа раскрывает работа Павла Околовского.

Сборник состоит из 16 статей и интервью, сопровождается библиографией посвящённых Лему работ профессора Околовского, указателем цитируемых произведений Лема и указателем упоминаемых в книге имён. Одной из наиболее содержательных статей является исследование «Что такое стиль мышления? Людвиг Флек и Станислав Лем». Здесь Околовский формулирует пять утверждений, характеризующих стиль Лема: «А. Всё человеческое поведение, в том числе и духовное, детерминировано генетически. В. Склонность к злу врождённая. С. Население всегда разделяется на антагонистические сообщества. D. В социальном плане образ мышления людей определяется их образом жизни. E. Религия вырастает из осознания смертности» (с. 68). В статье «Лема взгляд на мир и мира взгляд на Лема» формулируется академическое место этих утверждений: метафизика Лема – материалистический монизм, не подразумевающий связи всего со всем, включающий в себя вероятность и эмерджентность (с. 40 и затем на с. 109), эпистемология – «умеренный эмпиризм и тонкий рационализм» (с. 41), аксиология – христианоцентрична, допускает возможность нового откровения и обосновывает его необходимость.

Эти утверждения, характеризующие Лема-философа, равно как и попытки анализа и интерпретации их онтологических оснований, составляют предмет исследования профессора Околовского. На фоне популярных деклараций гуманизма Лем предстаёт как маргинальный мыслитель. Является ли человек «венцом творения», относительно которого выстраивается вселенская шкала измерения и оценки природных процессов, или только эпифеноменом стохастического развёртывания космоса? Околовский показывает, что у Лема «человеческая жизнь представляет собой всего лишь космические процессы, не моделирует и даже не модерирует их» (с. 46). Является ли человек твор-

цом техники, создателем изменяющей облик планеты онтологической новизны или же он только переводит системы космических порядков в доступную ему форму? И в этом вопросе ответ Лема контринтуитивен и антигуманистичен: «технология является независимой переменной цивилизации» (с. 79). Лем последовательно защищает космоцентрическую точку зрения на человека, технику и развитие, разделяя её во многом с технологическим неоплатонизмом XX в.: человек не творит, творит космос (или Бог), «действия разума заключаются в активации технологии (которую он может использовать, хотя она развивается автономно), а также в создании культуры» (с. 110). Сам разум – не прерогатива человека, во вселенной существует иерархия разумов, где человеческий – «разум самого низкого уровня» (с. 172).

Заключение

Профессор Околовский обращает внимание и на аксиологический пласт размышлений Лема, на его последовательную манихейскую позицию, утверждающую объективное наличие в мире не только добра, но и зла: «Idee fix зрелого Лема: разумные существа не могут обойтись без автономных ценностей, которые они признают» (с. 101). Почему необходимо поддерживать классическое воспитание и обучение, сохранять цензуру? Чтобы противостоять злу: «Весь смысл традиционной педагогики состоит в том, чтобы изолировать плохое и продвигать хорошее – тем самым направлять амбивалентные массы, прививать им правильные жизненные принципы» (с. 133). Околовский отмечает и резко негативное отношение Лема к гомосексуальности, нетерпимое – к его пропаганде (с. 118).

Излагаемые в книге размышления о философии Лема начинаются с обоснования ожидания нового откровения, новой системы этики, соразмерной технологическому развитию современного человечества, и завершаются тезисом о необходимости создания «всеобъемлющей философской теории, особенно мира в целом и человека» (с. 175). Безусловно, Лем – один из тех, кто в XX веке подал пример такой теории, в истории философии – это непопулярная, неоднозначная и отнюдь не всегда понятная фигура, значение которой ещё только предстоит раскрыть. Впервые представляемая на русском языке книга Павла Околовского – важный ключ к расшифровке этого значения.

Источники фактического материала

Околовский П. Станислав Лем и разум. Философские этюды / Пер. с польск., сост., указ. Виктора Язневича. Минск: Галияфы, 2022. 224 с.

Библиографический список

Friedrich, A., Gall, A., Gehring, P., Loew P.O., Pörzgen, Y. (Hrsg.) (2021), *Kosmos Stanislaw Lem. Zivilisationspoetik, Wissenschaftsanalitik und Kulturphilosophie*, Harrasowitz Verlag., Wiesbaden.

Нестеров А.Ю., Демина А.И. «Лемовские чтения»: обзор регулярной международной научной конференции, посвященной научной фантастике // *Философские науки*. 2022. Т. 65. № 2. С. 141–150. DOI: <http://doi.org/10.30727/0235-1188-2022-65-2-141-150>.

Язневич В.И. Станислав Лем в Мире. Фрагменты произведений Станислава Лема на разных языках. Минск: Медисонт, 2021.

References

Friedrich, A., Gall, A., Gehring, P., Loew P.O., Pörzgen, Y. (Hrsg.) (2021), *Kosmos Stanislaw Lem. Zivilisationspoetik, Wissenschaftsanalitik und Kulturphilosophie*, Harrasowitz Verlag., Wiesbaden.

Nesterov, A.Yu. and Demina, A.I. (2022), Lem Readings: A Summary of the Regular International Scientific Conference on Science Fiction, *Russian Journal of Philosophical Sciences*, vol. 65, no. 2, pp. 141–150, DOI: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2022-65-2-141-150> (In Russ.).

Yaznevich, V.I. (2021), *Stanislaw Lem in the world. Fragments of works by Stanislaw Lem in different languages*, Medisont, Minsk, Belarus.

Submitted: 10.01.2024

Accepted: 01.03.2024



РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

Дата поступления: 10.01.2024

принятия: 01.03.2024

А.В. Куприянов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: akupr@ssau.ru

Ю.В. Васькина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vaskina.yuv@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0586-839X>

Е.Н. Сергеева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: sergeeva.en@ssau.ru

Материалы совместного научного семинара института информатики и кибернетики и социально-гуманитарного института

Цитирование: Материалы совместного научного семинара института информатики и кибернетики и социально-гуманитарного института / сост. А.В. Куприянов, Ю.В. Васькина, Е.Н. Сергеева // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4. № 1. С. 112–119.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Куприянов А.В., 2024** – доктор технических наук, директор института информатики и кибернетики, заведующий кафедрой технической кибернетики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© **Васькина Ю.В., 2024** – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© **Сергеева Е.Н., 2024** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

EDITORIAL ARTICLE

A.V. Kupriyanov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: akupr@ssau.ru

Yu.V. Vaskina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: vaskina.yuv@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0586-839X>

E.N. Sergeeva

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: sergeeva.en@ssau.ru

Materials of the joint scientific seminar of the Institute of Informatics and Cybernetics and the Institute of Social Sciences and Humanities

Citation: Kupriyanov, A.V., Vaskina, Yu.V., Sergeeva, E.N. (2024), Materials of the joint scientific seminar of the Institute of Informatics and Cybernetics and the Institute of Social Sciences and Humanities, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 1, pp. 112–119.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Kupriyanov A.V., 2024** – Doctor of Technical Sciences, Director of the Institute of Informatics and Cybernetics, Head of the Technical Cybernetics Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Vaskina Yu.V., 2024** – Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Sergeeva E.N., 2024** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian and Foreign Literature and Public Relations Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

25 мая 2023 года в Самарском университете состоялся совместный научный семинар института информатики и кибернетики и социально-гуманитарного института «Технологии искусственного интеллекта: возможности и ограничения».

Семинар открыло выступление **А.В. Куприянова**, д.т.н., директора института информатики и кибернетики, завкафедрой технической кибернетики на тему «Киберпанк сегодня: куда ведет ChatGPT». Со вторым докладом «Искусственный интеллект, его возможности и социальные последствия: мнение населения и экспертов» выступила **Ю.В. Васькина**, к.с.н., завкафедрой социологии и культурологи. После каждого доклада участники семинара смогли задать выступающим вопросы.

В процессе дискуссии по вопросам, освещенным на семинаре, прозвучали реплики и вопросы д.ф.н., директора социально-гуманитарного института А.Ю. Нестерова, к.п.с.н. С.В. Березина, к.с.н. О.А. Малакановой, к.филол.н. Н.А. Масленковой, к.п.с.н. С.В. Зориной.

Александр Викторович Куприянов в своем докладе затронул актуальные вопросы развития искусственного интеллекта, сделав акцент на чате ChatGPT, характеристике преимуществ и возможных угроз подобных технологий.

В начале своего выступления докладчик напомнил слушателям о том, что каждая из происходивших на протяжении истории человечества перемен – промышленных революций – порождала тревоги и опасения; вторая промышленная революция сопровождалась движением луддитов, а третья породила, например, такое явление искусства, как киберпанк. В своих книгах и фильмах авторы киберпанка рисовали антиутопический мир ближайшего будущего с развитыми информационными технологиями, внедренными в повседневную жизнь (искусственный интеллект, киберфизические системы, виртуальная реальность), в

котором человек становится ненужным и технологии полностью заменяют его; как правило, мир становился таким в результате некоего катаклизма, экологической катастрофы или мировой войны. Произведения киберпанка изображают торжество информационных технологий как катастрофу для человечества, по сути, находящегося на грани выживания.

А.В. Куприянов отметил, что нынешнюю ситуацию можно охарактеризовать как эпоху киберпанка, хотя она наступила не в результате катастрофы или катаклизма и человечество находится в относительно благоприятных условиях развития. Искусственный интеллект проник в очень многие сферы. В промышленность киберфизические системы внедряются уже давно, и скоро, очевидно, войдут и в повседневный обиход. Виртуальная реальность уже давно применяется не только в играх, но и в промышленности и технологиях.

Несмотря на то, что никто не возьмет на себя смелость говорить о завершении третьей промышленной революции, многие исследователи начинают задаваться вопросом, а не произошла ли уже четвертая, не наступила ли еще одна эпоха, поскольку сейчас неотъемлемой частью нашей жизни становятся компьютеры, системы искусственного интеллекта.

А.В. Куприянов отметил, что устоявшегося определения искусственного интеллекта нет. В 1956 году в Дартмутском колледже в США прошел семинар, на котором «Artificial intelligence» («AI») был утвержден в качестве нового научного направления. Термин этот впервые появился в работах Алана Тьюринга. Тьюринг рассуждал о том, можно ли построить алгоритм, который будет имитировать творческие функции человека, и назвал это искусственным интеллектом.

Мысль Тьюринга о том, что искусственный интеллект связан с творческой функцией, послужила основой развития технологии искусственного ин-

теллекта: вместо того чтобы заранее писать программу, которая выполняет запрограммированные функции, нужно написать программу, которая имитирует мозг ребенка, чтобы она в процессе своей деятельности усложнялась, обучалась, запоминала, выводила новые правила, что было революционной для того времени идеей.

Переходя к обсуждению технологий, которые лежат в основе современных систем искусственного интеллекта, докладчик подчеркнул, что если обсуждать с философами, что такое интеллект вообще, то можно получить перечень характеристик, которые в данное время вынуждены признать за искусственным интеллектом (наличие некоей собственной модели внешнего мира, способность пополнять имеющиеся запасы знаний, способность принимать решение в зависимости от ситуации, поддерживать диалог с человеком, способность к адаптации). Все эти характеристики в той или иной мере демонстрируют современные технологии искусственного интеллекта, в частности, ChatGPT.

Докладчик напомнил, что с течением времени мысль о превосходстве естественного интеллекта над искусственным постепенно ставилась под сомнение. Знаковыми вехами в этом процессе стали, например, победа компьютера IBM Deep Blue над чемпионом мира по шахматам в 1997 году, внедрение искусственного интеллекта в сферу перевода, победа системы обработки натуральной речи и ответов на вопросы IBM Watson В 2011 году в телевикторине «Jeopardy!». Но революционным событием стало основание Илоном Маском в 2015 году фонда OpenAI, занимающегося разработкой открытых систем искусственного интеллекта, и появление GPT-модели (первая версия появилась 11 июня 2018 года, последняя вышла 14 марта 2023 года).

Далее докладчик остановился на принципе работы нейронных сетей, которые лежат в основе всех этих технологий. В конце 19 века, когда биологи взглянули на нервную ткань под микроскопом, они выдвинули одну интересную гипотезу, а позже кибернетики У. Мак-Каллок и У. Питтс сформулировали основное положение деятельности мозга: вся интеллектуальная деятельность заключена в ячейках, «нейронах», которые соединены с большим количеством других нейронов и взаимодействуют между собой. И хотя современное понимание деятельности человеческого мозга ушло далеко вперед, и возможно, та модель не просто наивна, но даже и неправильна, но на кибернетику она оказала огромное влияние. В 1958 году Фрэнк Розенблатт предложил первую искусственную нейронную сеть. Родилось понимание, что чем больше таких нейронов человек соединит в глобальную сеть, тем более сложные задачи научиться решать.

Далее Александр Викторович остановился на том широком диапазоне задач, которые могут решать нейронные сети (обработка изображений, извлечение информации, распознавание образов, решение каких-то сложных задач). Кроме того, нейронные сети способны не только к аналитической работе, они могут и *создавать новые объекты, создавать видео-, аудиоданные, а также тексты*. Докладчик отметил, что в ряду того, что может нейронная сеть, отдельным аспектом является работа с текстами.

Далее в выступлении более подробно были охарактеризованы возможности современных интеллектуальных систем при работе с текстами. Докладчик подчеркнул, что подход нейросетей в работе с языком принципиально другой, чем у лингвистов. Нейросети не строят языковых моделей, не выводят правил. По сути, все языковые модели строятся на очень простом принципе: программа на основе анализа огромного массива языковых данных предсказывает следующее слово, которое должно появиться в этом предложении. Почему в результате появляется связный текст, почему появляется логика, которая иногда действительно поражает, – это основная проблема.

К умениям ChatGPT выступающий относит умение писать код на различных языках программирования: программа не ищет запрашиваемый код в интернете, а сама создает его. Кроме того, ChatGPT умеет осуществлять перевод с одного языка на другой, он знает 25 языков, но что самое интересное, он умеет переводить «с русского на русский», то есть перефразировать текст в соответствии с запросом. Пользователь может написать: «расскажи об этом как ребенку», «расскажи как профессору», и чат будет имитировать указанный стиль общения. Он умеет оптимизировать алгоритмы; если ему дать задачу, в которой будет какая-то последовательность действий, он определит лишние действия. Он умеет отвечать на различные сложные вопросы, сочинять стихи и тексты для песен, писать эссе и сочинения.

С теоретической точки зрения у нас впервые появилась технология, которая позволяет обрабатывать текст на очень высоком уровне сложности. Однако в практической плоскости это приводит к проблемам. Знаком того, что эти технологии достигли высокого уровня развития, является тот факт, что сейчас довольно затруднительно определить относительно конкретного текста, создан он нейросетью или человеком. ChatGPT умеет перефразировать тексты, что создает проблемы в определении плагиата.

Далее А.В. Куприянов обратил внимание участников семинара на опасности, которые несут с собой технологии искусственного интеллекта. Искусственный интеллект может генерировать тексты, которые не существовали, а дальше сможет

генерировать аудио и видео, которых никогда не существовало. Сейчас исследуются технологии, которые могли бы помочь детектировать так называемые «фейки», но стоит понимать, что это битва двух кибернетических машин, и какая из них победит, абсолютно неясно. Как только появляются технологии, детектирующие тексты, написанные чат-ботом, сразу же появляется определенное дополнение к этому чат-боту, которое усложняет свою деятельность, и его продукт вновь становится невозможно детектировать. Следующая опасность – это манипуляция сознанием. Использование подобных технологий на государственном уровне может привести к качественно новому уровню манипуляции общественным сознанием на основе массивной генерации и доставки высокореалистичного текстового, аудио- и видеоконтента заданной направленности.

Следующая сфера, в которой докладчик видит назревающие проблемы, – это образование. Технологии типа GPT могут существенно понизить качество образования, поскольку возможности нейросетей по перефразированию текста делают системы проверки на плагиат бесполезными, а качество генерации текстов на любую тему сделает невозможным выдачу любых письменных домашних заданий, поскольку любое задание может быть выполнено программой. Конечно, для студентов велик соблазн использовать эти технологии в своей практической деятельности. Но чему же тогда может научиться студент – это большой вопрос.

Докладчик указал и на еще одну – более широкую – проблему. Как третья технологическая революция ограничила человека в необходимости физической активности, так четвертая лишает человека необходимости в памяти. Проще посмотреть различные даты, события, фамилии и т.д. в интернете, чем держать в памяти. ChatGPT в этом плане работает намного лучше, чем человек: запоминает все, сохраняет контекст, помнит, о чем его спрашивали и что от него хотели и т.д.

По мнению А.В. Куприянова, стоит привлечь внимание и к еще одной проблеме, связанной с навыками управления и принятия решений. Все чаще при выполнении рутинных процессов специалистов заменяет искусственный интеллект, и они рискуют утратить свои навыки. При этом есть опасность, что в нестандартной ситуации искусственный интеллект не сможет предложить решение, а специалисты уже утратят свои умения.

По мнению выступающего, одно из объяснений того, почему сейчас человечество стало это активно обсуждать, состоит в том, что общество подошло к некоей точке бифуркации, когда нужно либо менять отношение к себе и обществу, к машинам, либо что-то вообще делать с новыми технологиями, например, как луддиты. Значимые технологии всегда несут с собой как социальные

блага, так и риски деградации. И их использование во зло или во благо целиком зависит лишь от людей.

Все четыре технологических революции сопровождались, по мнению большинства исследователей, ощущением кризиса, надвигающейся катастрофы. Сначала люди опасались промышленных технологий, потом компьютерных технологий, теперь – кибернетических технологий.

Но ведущая роль и в наступающей цифровой эпохе все равно будет принадлежать человеку. И человек – это особое существо, которое нашло в себе внутренние ресурсы и способности справляться практически с любой ситуацией, какая бы угроза существованию ни появлялась.

Со следующим докладом выступила Юлия Владимировна Васькина.

Она отметила, что в своем выступлении хотела бы сначала остановиться на том, как население России и экспертное сообщество оценивают влияние новых технологий, в частности, нейросетей и искусственного интеллекта, на людей по отдельности, на общество в целом, и какие строит прогнозы. Юлия Владимировна подчеркнула, что как социолог будет, прежде всего, говорить о мнении других людей, и лишь в конце доклада затронет вопросы, которые показались интересными ей лично. Она обратилась к исследованию, которое в апреле 2023 года провел ВЦИОМ на репрезентативной для России выборке на тему «Отношение россиян к нейросетям», и предложила ознакомиться с его результатами.

Прежде всего, россиян спрашивали о том, насколько хорошо они информированы о такой технологии, как нейросети. Выяснилось, что 37 % опрошенных узнали о существовании нейросетей лишь в процессе опроса, 63 % ответили, что знают о нейросетях. Но среди этих 63 % знающих 51 % сказали, что «что-то слышали», и только 12 % оценили свои знания как хорошие.

Следующий вопрос был направлен на выяснение самооценки знаний о нейросетях представителей разных социально-демографических групп. Среди мужчин доля оценок «хорошо разбираются» в два раза выше, чем среди женщин. С увеличением возраста доля тех, кто считает себя хорошо информированными, снижается, причем в 10 раз. Треть молодежи считает, что они хорошо разбираются в нейросетях.

Ю.В. Васькина обратила внимание слушателей, что информированность о нейросетях зависит и от типа населенного пункта, в котором живут респонденты, и от предпочитаемого источника информации. Жители крупных городов, и особенно Москвы и Петербурга, значительно чаще отвечают, что они хорошо разбираются в нейросетях, чем жители сельских населенных пунктов.

Основной источник, из которого население получает информацию, еще более значимо дифференцирует ответы: среди тех, кто указывает в качестве основного источника информации интернет, в 24 раза больше ответов о том, что они хорошо разбираются в нейросетях.

Далее в исследовании, отметил докладчик, выяснялось отношение россияне к нейросетям. Треть всех опрошенных (35 %) охарактеризовали свое отношение как положительное, 40 % – как нейтральное, каждый пятый опрошенный относится к нейросетям отрицательно и только 5 % затруднились определить свое отношение.

Очень интересно, по мнению Юлии Владимировны, распределение ответов в зависимости от оценки собственного уровня информированности о нейросетях. Среди тех, кто хорошо знает о нейросетях, положительно к ним относятся две трети, среди тех, кто что-то слышал, – треть, и среди тех, кто ничего не знал о нейросетях, – лишь пятая часть. С уменьшением информированности доля отрицательных ответов растет не так сильно, как доля нейтральных. То есть незнание о нейросетях не приводит к их отрицанию, оно приводит только к нейтральному отношению. Докладчик сослался на аналитиков ВЦИОМа, которые охарактеризовали эту закономерность следующим образом: «преобладает нейтрально-положительное отношение».

Аналитики ВЦИОМа составили и портреты одобряющего и не одобряющего нейросети россиянина. Типичный россиянин, с одобрением относящийся к нейросетям, – это мужчина до 34 лет, с высшим образованием, живущий в Москве или Санкт-Петербурге и активно пользующийся интернетом. Типичный россиянин, который воспринимает нейросети негативно, – женщина в возрасте 40-45 лет, оценивающая материальное положение семьи как плохое и постоянно смотрящая телевизор.

Продолжая освещать результаты данного исследования, Юлия Владимировна привела данные о том, насколько часто опрошенные встречаются с результатами работы нейросетей. Чуть более четверти опрошенных встречались с ними лично, две трети не встречались и 8 % не могли сказать определенно. Чаще всего имеет дело с результатами нейросетей молодежь 18–24 лет (58 %), активные пользователи интернета и хорошо информированные, – здесь доля тех, кто встречался с результатами работы нейросети, доходит до четырех пятых. Наиболее распространены такие результаты, как изображения или фотографии (каждый пятый опрошенный с ними встречался), в меньшей степени (5 %) – сгенерированные тексты, и совсем немного респондентов пытались писать учебные работы, используя голосовых помощников или чат-ботов.

Далее Ю.В. Васькина предложила познакомиться с мнением россиян относительно того, чем грозят (и грозят ли вообще) новые технологии искусственного интеллекта. Первое, о чем спросили россиян в плане прогноза, это их мнение о том, могут ли новые технологии заменить человека в творческих профессиях. Каждый пятый опрошенный считает, что технологии смогут взять на себя работу творческих профессий, но всё-таки преобладающее мнение (две трети опрошенных) – что нельзя заменить человека никаким искусственным интеллектом и другими технологиями. Затруднились ответить на этот вопрос 12 %. Докладчик обратил внимание слушателей на закономерность: чем старше возраст, тем ниже доля тех, кто верит в способность искусственного интеллекта заменить человека в творчестве. Также те, кто оценивают свое знание о нейросетях как «хорошее», в большей мере верят в возможную замену человека.

Следующий вопрос, ответы на который охарактеризовала Ю.В. Васькина, выясняет мнение респондентов о том, возможен ли выход новых технологий из-под контроля человека. Треть считают, что возможно, в два раза больше россиян считают, что невозможно, каждый десятый не знает, что ответить на этот вопрос. С повышением возраста повышается доля тех, кто прогнозирует выход нейросетей из-под контроля человека. Те, кто хорошо разбирается в новой технологии, в меньшей степени боятся, что она выйдет из-под контроля.

Подводя итоги, Ю.В. Васькина отметила, что на материале опроса мы можем понять, какие социально-демографические признаки влияют на отношение россиян к новым технологиям. Те, кто хорошо информирован о нейросетях, является активным пользователем интернета, принадлежит к молодежным возрастным группам, живет в крупных городах, – те относятся к нейросетям положительно, высоко оценивают их возможности (в том смысле, что они могут заменить человека в творческих профессиях) и в меньшей степени боятся их выхода из-под контроля человека. Среднестатистический россиянин нейтрально-положительно оценивает новые технологии и в основном не опасается того, что они могут его вытеснить из сферы труда и вообще каким-то образом нанести ему вред.

Затем Ю.В. Васькина представила вниманию слушателей мнение экспертов – специалистов как в сфере гуманитарных, социальных, так и в сфере компьютерных наук, занимающихся анализом и прогнозированием влияния инноваций на общество.

Прежде всего было предложено обратить внимание на положительные эффекты. Эксперты говорят о многих новых возможностях для человека, из которых в докладе приводятся лишь некоторые.

Анализ и интерпретация текста становятся более доступными и легкими, – здесь Ю.В. Васькина адресовала слушателей к материалам предыдущего доклада. Примером может быть отечественная разработка, программа, анализирующая текст на предмет того, написан ли он с целью убедить кого-либо в чем-либо. Она может быть использована для анализа публикаций в СМИ на предмет предвзятости. Также новые технологии делают возможной научную коммуникацию с широкой общественностью, так как нейросети могут формулировать информацию с учетом аудитории.

Продолжая характеризовать положительные следствия распространения новых информационных технологий, Юлия Владимировна привела в пример совершенствование медицинской помощи, управление городами, борьбу с преступностью, – все это повышает качество жизни населения. Это управление транспортными системами города, управление в сфере ЖКХ, дома с «умными системами», которые реагируют на то, что делают жильцы, например, вызывают им «скорую помощь», если видят, что кто-то упал в коридоре и не производит никаких действий, или отслеживают какие-то иные параметры жизнедеятельности.

С другой стороны, как подчеркнул докладчик, эти технологии создают и проблемы для человека и общества. Прежде всего, это вторжение в частную жизнь. Во время нахождения в каких-то общественных местах люди в 90 % случаев не задумываются о том, что их пребывание здесь фиксируется. Если они попадают в зону видимости камер, то все, что они делают, с кем и когда, остается в памяти системы, и об этом может узнать тот, кто пользуется этой системой. Возможно, люди не хотели бы, чтобы об этом знали, но не потому что занимаются чем-то преступным, а потому что оберегают свое личное пространство.

С новыми возможностями нейросетей связана и нерешенность многих правовых и этических проблем. Сейчас в Европейском Союзе разрабатывается законопроект, который призван разделить все системы искусственного интеллекта на четыре группы, по степени риска для людей. Степенью риска называется вероятность нарушения прав человека с применением этих технологий. Самый первый уровень – это системы, которые не представляют такого риска, а четвертый уровень – это системы с очень высоким риском. Уже упомянутые камеры слежения и система распознавания лиц будут относиться к четвертому уровню риска. И предлагается сделать так, чтобы пользоваться этими системами (то есть получать доступ к информации о пребывании человека в каком-нибудь месте) могли бы только специальные органы по решению суда или каких-то других органов. От этих рисков людей нужно страховать, и поэтому сейчас этот законопроект в разработке.

Продолжая перечислять риски, связанные с массовым распространением нейросетей, Ю.В. Васькина назвала еще один – массовую безработицу. Уже отмечалось, что существует возможность замены человека роботами, искусственным интеллектом, и в этой связи возникает опасение, насколько широко будет распространяться безработица. Конечно, можно говорить, что все предыдущие опасения – например, тех же луддитов – не оправдывались, ведь новая промышленная революция хоть и уничтожала какие-то профессии и сферы труда, но создавала и новые. И современная промышленная революция уже рождает новые профессии. Кроме того, никто не отменяет удовлетворения физиологических потребностей человека, поэтому люди и дальше будут работать и в сфере производства, и в сфере услуг. Тем не менее такая тенденция – замена человека роботами – набирает обороты. И многие страны уже опробуют схемы безусловного дохода, когда человеку назначается некий доход независимо от того, нуждается ли он в чем-то, имеет ли он работу и т.д. По мнению докладчика, возникает вопрос, как начнет меняться социальная стратификация общества, то есть те критерии, которые сейчас еще продолжают действовать. Например, сейчас статус безработного понижает человека в системе стратификации, но если безработных будет большинство, то это уже перестанет быть стигматизирующим статусом.

Очередной риск – это выход компьютеров из под контроля человека. Хотя опрос общественного мнения показывает отсутствие у большинства респондентов таких опасений, но как раз те, кто хорошо разбирается в искусственном интеллекте, эти опасения высказывают. Например, Илон Маск требует остановить разработку искусственного интеллекта. Разработчик нейросетей Джеффри Хинтон, «крестный отец» искусственного интеллекта, недавно уволился с поста вице-президента Google, обосновав это тем, что развитие искусственного интеллекта может способствовать распространению дезинформации, поскольку люди больше не смогут отличать правду от лжи, и он себя освобождает от должности, чтобы иметь свободу высказываться по поводу этих негативных последствий, которые несет технология искусственного интеллекта.

Ю.В. Васькина также обратила внимание присутствующих на тенденцию, замеченную ею во время подготовки доклада: некоторые факты свидетельствуют о том, что современные пользователи искусственного интеллекта теряют свою субъектность и как будто бы не требуют субъектности от тех, с кем они вступают во взаимоотношения. Поводом об этом задуматься стали два интервью. Одно интервью провели журналисты РБК с искусственным интеллектом, с ChatGPT. Они

спрашивали, что ChatGPT прогнозирует в ближайшем будущем для россиян и для человечества. ChatGPT предсказал ядерный взрыв на Южном полюсе, пришествие инопланетян и много других катастроф, в том числе развитие онкологических заболеваний, с которыми мы не сможем бороться. Второе интервью один из немецких журналистов взял у GPT, как будто бы он брал интервью у Михаэля Шумахера, знаменитого гонщика «Формулы-1», который вот уже около 10 лет после произошедшего с ним несчастного случая не способен к полноценному общению с окружающими. Редакция издания уволила журналиста за это нарушение журналистской этики. По мнению докладчика, эти примеры по-новому ставят вопрос утраты субъектности. Почему журналистам интересно беседовать с чат-ботом и принимать во внимание его ответы, если у него нет субъектности, личности? Оба упомянутых случая показывают, что мы перестаем нуждаться в собеседнике как в представителе, носителе духовного мира. Мы теряем и свою субъектность в принятии решений: нейросети подсказывают нам эти решения, и мы с готовностью им следуем. В этой связи Ю.В. Васькина призвала социологов задуматься, насколько адекватны в таком случае классические объяснительные схемы анализа поведения социальных групп и человека, – например, понимающая социология М. Вебера, продолжают ли они быть применимы к анализу поведения людей в обществе. Если, например, вопреки марксистской концепции, мы в скором времени не будем воспринимать труд как способ самореализации человека, то непонятно, как, через какие виды деятельности человек будет выражать свою социокультурную сущность.

Свое выступление Ю.В. Васькина завершила мыслью, что человечество еще не адаптировалось к новой технологии, и любые инновации, особенно радикальные, встречают сопротивление вплоть до требования отменить и запретить. Но пройдет некоторое время, и искусственный интеллект перестанет вызывать столько споров, люди к нему привыкнут и интегрируют в свою жизнь.

После окончания докладов среди участников семинара развернулась оживленная дискуссия.

Докладчикам были заданы многочисленные вопросы. Слушатели интересовались, в частности, используют ли сами докладчики ChatGPT в своей исследовательской и преподавательской работе; способен ли будет искусственный интеллект в будущем решать проблемы не только в сфере интеллектуальной, но и проблемы нравственного выбора; есть ли у социологов данные о динамике изменения отношения общества к нейросетям и так далее.

Присутствующие, многие из которых уже имеют опыт общения и работы с нейросетями, высказывали свои впечатления и задавали вопросы.

В частности, к.п.н. С.В. Зорина рассказала, что ставила перед ChatGPT задачу найти статьи на определенную тему, и чат предоставлял список ссылок, однако ссылки эти были фиктивными. В ответ А.В. Куприянов напомнил, что нейросеть не обладает собственным знанием, а лишь посредством анализа огромного массива языковых данных предполагает, какое слово должно быть следующим. И при команде «найти подходящие ссылки» нейросеть не ищет их, а генерирует нечто, похожее на ссылки.

К.п.н. С.В. Березин адресовал А.В. Куприянову следующий вопрос: если искусственный интеллект способен распознавать эмоции, то способен ли он распознавать также и «симуляцию» эмоций, то есть способен ли он определить, что человек, изображая на лице доброжелательность, на самом деле в данный момент испытывает отвращение или злость? А.В. Куприянов в своем ответе заметил, что сейчас нейросеть обучена считывать эмоции по микроизменениям мимики, обучена детектировать то, что человек пытается что-то скрыть, что он держится неестественно, а значит, с развитием технологии возможным будет и распознавать более сложные и смешанные эмоции.

К.с.н. О.А. Малаканова подняла вопрос о том, как должна измениться работа с информацией в гуманитарных науках, – в частности, в социологии, – в ситуации, когда нейросеть может продуцировать большое количество текстов, относительно которых трудно будет сказать определенно, фейковые они или подлинные. О.А. Малаканова указала и на то обстоятельство, что в современной культуре понятие подлинности в принципе проблематизируется (например, трудно применить прежние критерии подлинности к информации в аккаунтах уже умерших людей, которые ведут их близкие, или к сообщениям, которые публикует робот София от Hanson Robotics, ведущая свои страницы в социальных сетях).

К обсуждению активно подключались и присутствовавшие в зале слушатели, задававшие докладчикам вопросы, в частности, являются ли фейки, которые продуцирует нейросеть, проблемой социальной или проблемой технической; стоит ли человечеству опасаться того, что искусственный интеллект возьмет на себя функции памяти; может ли искусственный интеллект, будучи созданием человека, выйти из-под контроля, как это описывается в научно-фантастических произведениях.

В ходе дискуссии затронуты были и более широкие общегуманитарные проблемы, в частности, проблемы различия естественного и гуманитарного знания, изменения социальной среды в результате включения в нашу жизнь искусственного интеллекта, а также вставшая в последнее время перед человечеством необходимость перестраивать

свои отношения с информацией. О.А. Малакановой были упомянуты труды Маршалла Маклюэна с его концепцией внешних расширений человека, исследования Бруно Латура, предложившего схему исследования взаимодействия с неживыми акторами, работы Льва Мановича о влиянии на человеческое сознание компьютерной программы. Взгляды этих ученых помогут науке найти язык описания новых феноменов, таких как нейросети, и новых проблем, возникающих вместе с ними.

Оживленную реакцию присутствующих вызвала реплика к.филол.н. Н.А. Масленковой, обратившей внимание докладчиков на то, что, говоря «ChatGPT научился», «нейросеть научилась», те наделяют систему несвойственной ей субъектностью. Проблема специфической субъектности AI-агентов в ситуации все возрастающей сложности технологий искусственного интеллекта, бесспорно, нуждается в дальнейшем обсуждении.

Это может стать темой следующих семинаров – в этом были солидарны все участники семинара.

В процессе обсуждения участники семинара высказали также мнение о том, что еще одной важной темой для обсуждения на следующих встречах междисциплинарного семинара должно стать изменение образовательного процесса в свете проблемы нейросетей.

В заключение директор социально-гуманитарного института д.ф.н. А.Ю. Нестеров поблагодарил докладчиков и участников семинара и высказал пожелание совместному научному семинару института информатики и кибернетики и социально-гуманитарного института продолжить свою работу.

Submitted: 10.01.2024

Accepted: 01.03.2024

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

С требованиями к оформлению статей для размещения в журнале, а также с образцом оформления статьи можно ознакомиться на сайте журнала в разделе «Прием статей»:

<https://journals.ssau.ru/semiotic/about/submissions>